

«БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ»

Издание А.А. Плюшара

ТОМ IV

**ДВА ГОДА
ИЗ ЖИЗНИ РУССКОГО МОРЯКА.**

ТОМ II

ОПИСАНИЕ КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ,
СОВЕРШЕННОГО В 1840 - 1842 ГОДАХ

НА РОССИЙСКОМ ТРАНСПОРТЕ «АБО»

СОЧИНЕНИЕ Г.К. БЛОКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1854

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ТОМА

ГЛАВА I. Плавание от Камчатки до Бразилии.....	1
Магеллан и его пролив.....	25
ГЛАВА II. Плавание от Рио-де-Жанейро до Кронштадта	126
Объяснение морских терминов.....	130
Карта маршрута транспорта «Або»	144

ГЛАВА I

ПЛАВАНИЕ ОТ КАМЧАТКИ ДО БРАЗИЛИИ

Двадцатисемидневный шторм. Девятый вал. Приближение к тропикам. «Острова Садов». Экваториальное течение. Остров Эна. Как растут острова? Лавировка к острову Питкерну. История Питкерна. Воспоминание о первой экспедиции вокруг света. Записки Пигафетты. Магеллан и его пролив. Патагонцы и пещере. Мыс Горн. Плавание около Мыса Горн в осеннее время года. Фолклендские острова, их флора и производительность. Попытки основать на них колонии. Причина медленности плавания южным Атлантическим Океаном. Первое апреля. Бразильские берега. Сахарная Голова. Маяк Раза. Вход на Рио-де-Жанейрский рейд. Вид рейда. Lodging House Гарднера. Первый съезд на берег. Город. Торговля невольниками. Жизнь бразильского негра. Поездка на водопад

Тежуко. Рассказ американского морского офицера. Лишний день, оказавшийся от обхода вокруг света к востоку. Причины бедности Бразилии в финансовом отношении. Трогательное прощание. Уход с рейда.

Последние вершины снеговых сопек величественной Камчатки скрылись совершенно из виду, и наш одинокий транспорт сопровождали только стаи урилов и альбатросов. Норд-вест усердно свежел; поверхность Тихого Океана сердито волновалась. Морозу было на шкалах до 6 градусов. Хлопья пушистого снега белили рангоут и густо садились на паруса, откуда глыбами падали к нам на палубу. Спасительные кухлянки, которыми мы запаслись в Петропавловске, придавали палубе нашего «Або» вид жилого места Чукотского носа, и таким образом, вместо обычного зноя тропических стран, вместо очаровательных форм роскошной природы и тихих вод с разнообразными их обитателями, которые были у нас постоянно перед глазами до посещения Камчатки, мы созерцали теперь своё, родное, свыкшееся с натурою жителя севера: снега, рёв ожесточённого осеннего ветра и морозы!

«Прощай, о жизнь береговая!» твердил мне бард нашего «Або». Прощай и, может быть, надолго!..

К концу ноября у нас начался ряд осенних штормов, продолжавшихся около месяца. Мы держались в это позднее время года на параллели 40°. Поводом к тому служило желание капитана забраться по возможности в меньшую долготу, чтоб перейти экватор ближе к американскому берегу, градусов около 105, и не выйти таким образом из южных тропиков в слишком большой долготе. Но Борей, «потрясая небесами», рвал марса-шкоты; марсели также не избегали плачевной участи быть разорванными. Разумеется, по удалении на значительное расстояние от берегов, морозы и снега прекратились, но наступили дожди, если не всегда проливные, зато постоянные. Беспрестанные поддаванья в полу-борта, как тщательно они ни были задраены и замазаны, наводняли наши каюты; в палубе было сыро, мокро, а наверху дождь! Нельзя было и думать высушить промокшее платье; мы радовались уже и тому, если к пригласительному свистку боцмана «пожаловать на вахту», с тяжёлых фризовых шуртовиков успевала сбежать вода!.. И такое утомительное плавание продолжалось не день или три дня, а *двадцать семь дней* сряду. Но если читатель подумает, что этот непривлекательный переход наводил на нас тоску и уныние, то он не совсем будет прав. Такова уж участь

моряка; он неутомимый труженик на море. Удовольствия приятного плавания достаются ему не даром: он должен их выкупать трудами...

Однако же, после всего этого не удивительно, что меня сочтут эгоистом? Я так много говорил уже о моряках, так много восхищался ими... но виноват ли я, если действительно люблю море, хотя это решительно невозможно «по мнению» очень многих?.. Да извинят моим восторженным порывам из снисхождения к любви, с которой я с юных лет моей кочующей жизни ношусь по волнам могущественной стихии!..

Итак, я говорил, что штормы продолжались у нас 27 дней сряду. В особенности памятен мне один день этого трудного плавания, день, когда мы были свидетелями невероятной силы громадного океанского вала, с которою нам пришлось познакомиться при неистовстве разъярённой стихии. Мы шли на фордевинд, к OtS^1 , со скоростью $8\frac{1}{2}$ узлов. Волнение океана достигало страшных размеров; транспорт казался не более как ладьёй, которых могло поместиться несколько на каждом вале. Вершины их, как бы в изнеможении, опускались и, клубясь, сбегали шумящей пеною по отлогости колоссальных своих боков. Подобного огромного волнения нам не случалось ещё видеть в продолжение всего нашего плавания. Вахта моя была с пятого: это было 11 декабря. Рокот волн и унылый свист ветра наполняли атмосферу таинственным шумом. Вахтенный лейтенант бдительно расхаживал на правых шканцах; рулевые прилежно работали за штурвалом; я не отходил от компаса. При плавании на фордевинд чрезвычайно как трудно править рулём; несмотря на большой навык наших рулевых, рыскнуть — дело весьма лёгкое, даже по правде сказать, неизбежное: стоит зазеваться, или, как говорят, дать маху, и потом удержать будет трудно: судно сильно бросится в сторону. Так случилось в исходе четвёртой склянки (6 часов), при смене рулевых. Я был занят приведением транспорта на румб, что при таких обстоятельствах довольно продолжительно потому, собственно, что рулевой, боясь выговора, положит обыкновенно слишком много руля, надеясь немедленно загладить этим ошибку. Между тем, на баке пробили 4 склянки, и два матроса шли на вьюшку. В это время ко мне подошёл вахтенный лейтенант.

— Взгляните, — говорил он, смотря за корму. — Вот, я вам скажу, вал!.. И с этим словом раздался рокот распавшейся вершины вала, который обратил на себя его внимание. Но едва я обернулся, чтоб взглянуть

---

¹ Т.е. на восток, идин румб ($11,25^\circ$) к югу. — прим. OCR.

за корму, как что-то сильно меня ударило в спину — и я очутился в воде!..

Совершенно ошеломлённый неожиданным падением по всей вероятности за борт, я всеми силами старался за что-нибудь ухватиться, или же наконец убедиться: где я? Но старания мои были напрасны: как я ни старался выплыть на поверхность воды, чтоб взглянуть хотя бы в последний раз на Божий свет, на транспорт, конечно далеко уже ушедший от меня, но не мог. Сколько грустных, раздиравших душу мыслей, мелькнули в одну минуту, с быстротою молнии, в моём уме! В этом паническом страхе, невольно глотая горько-солёную воду, я провёл, полагаю, с минуту, если не более. Тут мне удалось за что-то схватиться: я судорожно сжал снасть, попавшую мне в руки, но, к довершению моего отчаяния, у меня тотчас же её вырвало и вслед за тем прижало к левому борту между каронадой, наискось грот-мачты, транспорт накренило... вода сбегала... и вообразите мою радость: я был на транспорте, тогда как считал себя за бортом, в клокочущей стихии Тихого Океана! Тут дело объяснилось: к нам вкатился с кормы вал. Невозможно себе представить хаос, произведённый им на нашей палубе! Всё, что на ней было, всё смыто и изломано вдребезг. Четвёрку, висевшую на кормовых боканцах и заменявшую капитанскую гичку, которую у нас оторвало волнением по выходе из Манилы, переломило в середине о гиковый септор и носовую часть её вместе с переломленным правым боканцем, с лишком в 3 дюйма толщины, унесло далеко за грот мачту. Все медные люковые решётки были вдавлены; траповые септора вырваны из карлинцев; нактоуз сорван с найтовок и опрокинут; вьюшки, склянки, снасти — перепутаны, всё это носилось по прихоти огромной массы воды, вкатившейся к нам на палубу и не успевшей ещё перелиться за борт и пробежать в шпигаты. Рулевых отбросило к рострам; вахтенный лейтенант был невдалеке от меня; люди, сидевшие под баком, завалены вёдрами, лопатками, ганшпугами, вымбовками, швабрами и курятниками, а один из матросов, шедший на вьюшку, был даже за бортом, но к счастью успел удержаться за кончик у гротовых вант. Да! — бросай я в это время лаг, что только что думал исполнить, и покорнейший ваш повествователь был бы за бортом, а к настоящему времени, *может быть*, какой-нибудь дорогой жемчужиной Тихого Океана!

Можно себе вообразить испуг, который произвело это обстоятельство в жилой палубе. Там все спали, и вдруг неимоверно сильный тол-

чок приводит в содрогание весь транспорт, а затем вода с шумом врывается в каюты: невесёлое пробуждение! Вид этого наводнения, прямо со сна, невольно должен был испугать утомлённых пловцов, которые, наскоро одевшись, немедленно выбежали наверх. В палубе было воды по колени: её выносили вёдрами. Разрушительная сила вкатившегося вала оставила также следы и в палубе. Дверь капитанского буфета была сорвана с петель и вдавлена вовнутрь, хотя она отворялась наружу. Так вот какова жизнь моряка! Один из десятка тысяч тех, с которыми он борется всю свою жизнь, в состоянии его раздавить, как ничтожного комара! Причиною нашей беды было, как надобно полагать то, что рулевые рыскнули: транспорт имел ход, едва только достаточный для того, чтобы уходить от волнения, но когда развели рулём и задержали следовательно ход судна, то натурально, волнению было удобно нас подогнать и так называемый девятый вал преспокойно вкатился на палубу. И страшно и любопытно было смотреть на это громадное, колоссальное волнение! Иные естествоиспытатели полагают, что вертикальная высота вала Тихого Океана достигает 48 англ. футов (т. е. 24 фута от горизонта воды): мне кажется, что тогдашнее волнение имело действительно эти размеры.

Выкупавшись таким неожиданным случаем в фосфорической воде Тихого Океана *в декабре*, я простоял на вахте ещё два часа. Сменившись, поспешил переодеться, и через четверть часа с удовольствием отдыхал за сигарой и чашкой чая.

В полдень этого памятного дня, обсервационный пункт оказался в северной широте $37^{\circ}15'$, долготе $163^{\circ}25'$ западной от Гринвича. Пройденного расстояния от Петропавловска считалось 2.050 итальянских миль.

Наконец к 25 числу декабря штормы прекратились. До Нового года мы всё ещё плыли по параллели, а там стали склонять курс к югу. Нужно ли говорить о впечатлении, которое произвело на нас быстрое приближение к тропикам, стране, можно сказать, вечного лета?.. Чудное небо, умеренный ветер, тёплое солнышко — всё это казалось нам вознаграждением за испытанное тяжёлое плавание в больших широтах. Неделями не приходилось брасовать реев; о рифах и помину не было; иногда, разве по шквалу, случалось крепить брамсели, да отдавать марса-фалы. Кухлянки, фризские сюртуки, непромокаемые ботфорты — всё это забыто, всё было опять заменено лёгкими куртками, башмаками и манильскими соломенными шляпами.

Мы крайне жалели, что на пути нам не предстояло зайти в архипелаг Сандвичевых островов, о котором так много наслышались в ежедневных беседах от Х.И. К...а, который в первое своё путешествие вокруг света имел случай познакомиться с этой очаровательной группой. Она не без причин называлась прежними мореплавателями «Островами Садов», точно также как не без причин занимает теперь первое место между множеством подобных ей групп, рассеянных по Великому Океану. Такое первенство Сандвичевы острова приобрели сколько по положению своему, занимаемому среди Океана, столько же по успехам в цивилизации и обширности торговых сношений их жителей.

Вся группа состоит из *восьми* обитаемых островов и *трёх* скал, в сложности занимающих пространство почти в 8.000 кв. миль. Южный и самый главный остров между ними называется *Гавайи*, или *Овайги*, как писал Кук. По меридиану остров имеет 88, а по параллели 73 мили.

Сандвичевы острова справедливо сравнивают с купою вулканов: треть вулканической почвы их занята хребтами гор (из которых некоторые огнедышащие¹, а остальные две трети частью обработаны, частью же остались тучными пастбищами.

Самый богатый, обильный и восхитительный остров между ними — *Оаху*; на нём лучшая гавань (порт Гонолулу), доступная судам даже больших размерений и безопасная во все времена года. Вероятно, она скоро будет возведена на степень первоклассных гаваней: находясь, можно сказать, в центре торговой деятельности Мексики, Калифорнии, Центральной Америки, Орегонской области, Российско-Американских колоний, Алеутских островов, Камчатки, Японии и Китая, она представляет природный складочный пункт торговому миру и, что всего важнее, место отдыха китоловам, годами скитающимся по окрестным морям за промыслами. Кроме гавани Гонолулу, архипелаг имеет ещё две бухты, весьма удобные для устройства хороших гаваней: Ханалей (на острове Кауаи) и *Войакеа* (на острове Гавайи).

Климат здесь очень здоровый, хотя несколько жаркий. Зимы, разумеется, нет: единственную перемену, отличающую времена года, как везде в тропических странах, составляют дожди, падающие с декабря по март, при бурных ветрах во всё это время. Почва земли плодородна и особенно способна к различной обработке. Здесь прозябает хлебное дерево, сахарный тростник, бананы, кокосы и проч., и когда впоследствии

---

¹ Как например *Мауна-Кеа* на Гавайи, высотой 13.643 футов.

европейцы привезли сюда померанцы, лимоны, виноград, огурцы, ананасы, капусту, тыквы, лук, — всё, кроме ананасов, привилось на благодатной почве превосходно. Если трудолюбивые люди станут разводить хлопчатую бумагу, кофе и подобные тому тропические растения, то, без сомнения, с успехом разовьют эту богатую отрасль промышленности. Однако ж важнейшую ветвь торговли составляют драгоценные сандаловые леса, которыми так богат архипелаг Сандвичевых островов.

Первоначальное население архипелага, по многим признакам, причисляют к обширному семейству полинезийских народов. Издревле правление на нём было неограниченное и наследственное. Оно принадлежало не одним мужчинам; бывали и царицы. Начальники составляли отличительное звание, переходившее из рода в род. Вообще все высшие достоинства военные, гражданские и духовные были наследственные, хотя и подчинённые царской власти.

Сандвичане вообще народ кроткий, ласковый, гостеприимный. Врождённой своей добротой туземец изменяет лишь по побуждению сильных страстей: честолюбия, ревности, ненависти, мщения.

Всё народонаселение Сандвичевых островов разделялось на четыре разряда: царя и членов царского семейства; правителей или губернаторов разных островов; наконец, на звания жрецов и простолюдинов. Это по разделению известного миссионера Эллиса; но другие определяют его иначе, и может быть правильнее, полагая островных и окружных начальников (между которыми *Арий-Табу* представляет лицо царя), низших старшин *Рана-Кира*, потом военных, жрецов и, наконец, не владеющих землями. Подати, взносимые правителями царю, состояли из сетей, циновок, домашних животных и т. п. Теперь же царь и губернаторы требуют платежа подати испанскими *пиастрами*, или сандаловым деревом.

Войны долгое время опустошали архипелаг Сандвичевый. Туземные летописи, сохранившиеся в народных преданиях и песнях, наполнены рассказами о битвах и кровопролитных нападениях. Войска составлялись из жителей всех званий. Вот прощальное слово воина-сандвичанина к друзьям, в канун битвы:

«Ряды наших воинов неподвижны, как скалы в море среди волн. Каждый воин как ёж, которого никто тронуть не смеет. В битве крепко стоит воин, как пальма с глубокими корнями, и вьётся над головами врагов, как вершина кокоса качается над тростником. Свет наших факелов, в

набеге ночном, ослепляет врагов огнём молний; клик наш страшит их, как грохот небесного грома».

В мирное время жизнь сандвичан проходила беспечно, чем и объясняется чрезмерная толщина, составлявшая отличительную черту знатных, особенно женщин. Они обладали кроме того непостижимою крепостью мускулов; даже ловкие, молодые, хорошенькие сандвичанки изумляют уже европейца невероятным развитием мышц. Впрочем, при их образе жизни оно объяснимо.

Вообще в нравах и обычаях этих островитян представляется много подробностей странных и самобытных. Например, весь обряд свадьбы состоял в том, что жених бросал в невесту куском ткани; пир довершал остальное. Впрочем, мужчины мало оказывали внимания женщинам, хотя обходились с ними весьма ласково. Если средства островитянина были едва достаточны для его личного пропитания, он умерщвлял детей, невзирая на любовь свою к ним. Ежели взрослые дети оскорбляли родителей или не повиновались им, отцу и матери дозволялось убивать непослушных; и нередко родители, вместо исправления детей, пользовались таким преступным правом детоубийства.

Татуировка не была так употребительна на Сандвичевых островах, как в других Полинезийских архипелагах. Только по кончине царей сандвичане накалывали на теле разные очерки, символические знаки и надписи, не щадя ни языка, ни губ. Но воины, которым татуировка была необходима, гордились правом накалывания пёстрых фигур на своём теле.

Хижины островитян состояли из одной комнаты, прикрытой от ненастья настилкой пандановых или кокосовых листьев. У старшин, убранство комнат состояло из циновок, разостланных по полу на слое сухих листьев папоротника. Домашняя утварь ограничивалась корзинами для припасов и немногими деревянными чашками. Подушкой служил деревянный обрубок, постелью грубая циновка, или рогожа, по нашему.

Пища островитян приготовлялась в земляных печах; рыбу ели по большей части сырую, обмакнув её в морскую воду.

Из коры бумажной шелковицы дикари приготовляли весьма тонкую ткань, которую высшие лица носили вроде плащей; царские мантии приготовлялись из перьев. Женский костюм состоял из таковой же ткани, какую употребляли мужчины; разница состояла в том, что муж-

чины носили плащи на плече, а женщины кутались в них более или менее кокетливо, иногда оставляя грудь обнажённой, иногда закрывая её совершенно.

Первобытная промышленность дикарей была очень бедна. Рыбная ловля, земледелие, постройка лодок, выделка оружия, тканей и разного рода головных украшений — вот всё, чем она ограничивалась. Приготовление тканей занимались женщины; труд этот был не совсем без хлопот. Сначала надобно ободрать кору с бумажной шелковицы; потом вымочить её в воде; затем содрать длинными слоями волокна, разостлать их на доску и деревянными колотушками (в форме цилиндрических, призматических, зубчатых и гладких) бить долго-предолго, чтоб получить тонкую ткань отличительной белизны. С тем вместе женщинам принадлежало приготовление плащей из перьев, этого ценного царственного убора. Плотничные работы производились мужчинами посредством орудий из твёрдого камня.

Из числа любимейших игр островитян особенное внимание обращает на себя подобие шашечной игры, но более сложного расчёта. Они употребляли для того, доску, около двух футов длиною, с 238 квадратами, в 14 рядов, Вместо шашек служили маленькие камешки, которые передвигали по квадратам. Очевидно, что при таких данных игра требовала большого соображения.

Внешнюю общность религии сандвичан определить довольно трудно. Фрейсине говорит об этом, что принадлежности идолов составляли различие их и отдельных духов, которым приписывалась власть распределения зла и блага человеческому роду, смотря по заслугам каждого. В идоле предполагалось пребывание божества; тени царей, героев, жрецов составляли низший разряд их. Между божествами сильнейшими и слабейшими существовала ненарушимая подчинённость. Злых духов, т. е. вредящих гениев, можно было заклинать и обуздывать. Колдовство, предвещения, жертвы идолам, почести умершим, — вот всё, что находим мы в верованиях сандвичан.

Каждое семейство имело своё отдельное божество. Когда ему приносили жертвы, жрец обращался к идолу и говорил ему: «вот приношение твоего *кагу* (обожателя)». Впрочем, соображаясь с божеством, церемония жертвоприношений совершалась различно. Ветрами, временами года и морскими волнами владели особенные божества; им поклонялись и возносили мольбы и обеты только мореплаватели. Самым безоб-

разным божеством сандвичан был *Карáи-Пáгоа*, обожавшийся на острове Молокаи. Его делали из дерева столь ядовитого, что вода, простоявшая в чашке из такого дерева только одни сутки, превращалась в жесточайшую отраву. Впоследствии этот истукан был разбит и разделён между старшинами.

Я упоминал уже, что татуирование было принято у сандвичан в виде выражения скорби; но этого мало: оплакивая кончину какого-нибудь старшины, печаль высказывалась у них шумно, в формах самых преувеличенных. Они резали себе уши, выбивали зубы, жгли, резали и всячески уродовали тело. Мужчины притворялись сумасшедшими, повсюду бегали нагие, ломали всё, встречавшееся им на пути, поджигали хижины, колотили и даже убивали своих врагов, потому что личная ненависть прикрывалась безумием печали. Но тем изъятие дикого отчаяния не кончалось: островитяне собирались вокруг трупа, плясали около него и высказывали свою скорбь пением. Сцены такой общественной печали довершались рёвом, воплями и самыми нелепыми кривляньями. Разумеется, при таких церемониях каждый старался перещеголять другого безумством кривляний: один падал ниц, не щадя лица; другой рвал волосы, с рёвом катаясь по песку; третий изощрялся в искусственном подражании мучительных судорог. И всё это делалось не двумя — тремя лицами, но толпою в четырёста, даже пять тысяч человек, смотря по званию покойника. Когда дикарей спрашивали, что заставляет их предаваться такой безумной скорби, они отвечали, что должны оставить себе вечные знаки печали.

Вот в каком положении был архипелаг Сандвичевых островов, когда знаменитый мореплаватель Кук, совершая своё третье путешествие вокруг света, в январе 1778 года открыл эти острова. Он назвал всю группу *Сандвичевыми* в честь покровителя своего, сэра Сандвича, в то время первого лорда английского адмиралтейства. Впрочем, путешественники часто называют этот архипелаг *Гавайским*, по главному острову группы.

Едва островитяне заметили, что «Открытие» и «Решение»¹ хотят остановиться в заливе, они тотчас пустились со всех сторон к английским кораблям. Мужчины и женщины, начальники и простые дикари выползали из лодок на палубу в таком множестве, что англичане нашлись наконец вынужденными без церемонии гнать островитян

---

¹ Имена судов Кука.

прочь. Однако ж надо сказать, что начальники, по просьбе капитанов, очень охотно отсылали своих подчинённых обратно на остров, и приказания исполнялись с удивительною поспешностью: некоторые дикари впопыхах бросались прямо за борт и вплавь добирались до берега.

Первоначальные отношения между дикарями и англичанами были самые дружественные. Англичане получали всевозможные припасы; капитану Куку оказывали необыкновенное уважение и отдавали даже ему «религиозные» почести. Последнее обстоятельство произошло вот почему.

В народных песнях островитян сохранилось аллегорическое предание о каком-то *Роно-Акуа*, причисленном туземцами к божествам. Роно, муж вспыльчивый и ревнивый, в минуту гнева убил свою жену; когда же пыл ярости в нём поостыл, он начал крепко раскаиваться в совершённом преступлении. Таким образом, тоскуя и изнывая от скорби и печали, Роно лишился рассудка: как сумасшедший стал бегать по островам, дрался со всеми, боролся, и наконец с отчаяния пустился в море, обещая, впрочем, со временем возвратиться. С тех пор, в память его отъезда, островитяне учредили празднество, которое совершалось ежегодно при самых торжественных обрядах. Неожиданно для туземцев перед Гавайями показались европейские корабли Кука, быть может первые на горизонте этого архипелага, если острова, открытые ещё в 1542 году испанцем *Гаэтано*, были не те же самые. Дикари были поражены величиной судов: они сочли их пловучими островами, а капитана Кука своим божеством Роно. *Оне-Еа*, жрец сандвичан и сын *Кауа*, начальника сонмища жрецов, торжественно поспешил объявить народу, что Роно сдержал своё обещание и лично явился в Гавайи. Вот почему Кук удостоился таких почестей в глазах сандвичан.

Когда он сошёл в первый раз на берег, *Оне-Еа* прочитал перед ним молитву, как перед божеством. Когда он проходил в толпе дикарей, они падали перед ним ниц, называли его великим, могущественным Роно, а в храмах приносили в честь его жертвы. Поэтому всё, чего бы Кук ни потребовал от дикарей, всегда было готово. Впрочем, на этот раз Кук пробыл на Сандвичевых островах недолго, потому что спешил по назначению своему, к северо-западным берегам Америки. Когда же на следующий год великий мореплаватель хотел довершить своё важное открытие подробною описью берегов, он простоял несколько долее. Островитяне приняли англичан радушно, и согласие между ними не нарушалось

ни на минуту. Островитяне предполагали, что английские корабли прибыли к ним из такой земли, где *ничего есть* и цель экспедиции заключалась собственно в том, чтобы хорошенько откормить экипажи судов. Такой вывод они сделали из того, что англичане, истребляя ежедневно огромное количество всякого рода провизии, откладывали ещё значительную часть их на запас; кроме того между экипажами обоих кораблей было много людей худощавых, которым, по мнению островитян, нужно было пополнить. Поэтому дикари с величайшим участием следили за увеличением объёма матросов, и когда желудки последних стали принимать более почтенные размеры, островитяне сначала любовались их круглотою, а под конец начали намекать, что пора бы, дескать, европейцам домой.

«Если гости, — говорил царь гавайский, — проживут здесь ещё несколько времени, то объедят нас кругом!»

Поэтому дикари с заботливостью справлялись о дне отхода кораблей, не переставая, впрочем, быть ласковыми. В 1779 году Кук простоял здесь с 17 января по 5 февраля, и когда он уходил в море, дикари простились с ним чрезвычайно дружелюбно. Помощник Кука, капитан Кинг, чаще других офицеров бывавший на берегу, в течение всего времени приобрёл такое расположение островитян, что они убедительно просили его остаться у них навсегда.

Но совсем иначе стали смотреть дикари на англичан, когда те через несколько дней, встретив противные ветры, принуждены были опять вернуться в залив Гавайи. Островитяне конечно не понимали настоящей причины возврата, но чувствовали, что им придётся опять поставлять большие запасы на чужеземные суда. Поэтому они приняли англичан холодно и очевидно старались надоедать им. Кражи сделались чаще и значительнее; европейцы стали действовать против воров решительнее, чем прежде, что, разумеется, ещё более озлобило дикарей. Наконец, когда с корабля «Открытие» украли шлюпку, Кук, чтобы получить обратно украденное, решил взять на судно царя островитян с сыновьями его и держать их у себя пока не воротится покража. Такое насилие переходило пределы и худо соответствовало прежним поступкам туземцев, особенно неизменному дружеству, которое оказывали англичанам царь и жрецы. Но увлекаемый смелым характером, отважный моряк и на этот раз не хотел отказаться от обыкновения своего в таких случаях, и в восемь часов утра 14-го февраля отправился на берег в шлюпке, имея при себе, кроме гребцов и одного офицера, девять человек солдат.

Высадив свой отряд, Кук прямо отправился к царскому жилищу, нашёл царя ещё спавшим, и приказал ему следовать за собою. Старик боялся сопротивляться, встал, послал за сыновьями, и вместе с ними пошёл к пристани. Когда же Кук хотел усадить их в шлюпку, чтобы вести на судно, некоторые из островитян открыто помешали ему в этом. Несколько выстрелов, сделанных англичанами, обратили спор в кровопролитную битву, во время которой в числе других европейцев был убит и капитан Кук.

Так погиб замечательный моряк прошедшего века. Нельзя сказать, чтобы смерть его была именно преждевременною для службы и науки. После стольких предприятий, так счастливо задуманных и исполненных, трудно было ожидать от него новых подвигов; скорее можно предположить, что неожиданная кончина помешала ему только насладиться несколькими годами спокойной жизни в отечестве.

Капитан Кук родился 27-го октября 1728 года близ Уитби (Whitby), в деревне Мартон, в Йоркском графстве. В самой ранней молодости он поступил в ученье к одному торговцу в Ньюкастле, где впервые увидел гавань со множеством кораблей¹. Ему было тогда не более 14-ти лет; но он уже в состоянии был взвесить жалкие занятия сидельца: ему хотелось посвятить жизнь свою морю, чтоб научиться побеждать стихии, уметь переноситься в страны далёкие и на приволье изучать природу. Каждое воскресенье он посещал гавань, любовался, восхищался кораблями, знакомился с матросами, расспрашивал их обо всём, казавшемся ему непонятным, и в короткое время со всей энергией молодой души, жаждавшей познаний, пристрастился к морю. Обстоятельный отец Кука, хотя и крестьянин, не желал противиться влечению своего сына и определил его на девять лет на коммерческое судно, занимавшееся перевозкой каменного угля. Двадцати семи лет он поступил волонтёром на английский королевский флот, и через три года был уже старшим штурманом на корабле «Нортумберланд» под начальством лорда Кольвилля (Colleville), командира английской эскадры, крейсировавшей у американских берегов. Здесь, по словам самого Кука, он серьёзно начал заниматься математикой и астрономией, без всякого руководителя, при

---

¹ Взбираясь однажды по трапу на палубу купеческого судна, юноша Кук, сиделец продавца лент, по неловкости упал в воду. Матросы спасли его. Оправившись и с улыбкою взглянув на свою мокрую фигуру, Кук, обращаясь к спасшим его, сказал: «благодарю вас, товарищи! В четырнадцать дней я непременно научусь плавать, потому что вторично не хочу подвергаться подобной опасности». Неустрашимость преодолела в нём, даже в детстве, всякое затруднение; через месяц он был уже хорошим пловцом.

помощи нескольких книг и собственного соображения. Одновременно с этими занятиями, которыми Кук старался пополнить недостатки своего первоначального воспитания, он исполнял многие важные поручения и обнаружил при этом столько мужества и ловкости, что заслужил уважение и дружбу как лорда Кольвилля, так и сэра Саундера. Оба моряка покровительствовали ему до самой смерти. При конце войны они доставили ему случай отличиться, послав его осмотреть залив Св. Лаврентия и берега Новой Зеландии. Это поручение занимало его до 1767 года. Тогда сэр Гауке (Hawke) назначил Кука командиром экспедиции, отправлявшейся в Великий Океан для наблюдения прохождения Венеры через меридиан. Во время этого путешествия он открыл острова Товарищества, доказал, что Новая Зеландия состоит из двух островов и описал пролив, который их разделяет. Кроме того он успел ещё осмотреть восточный берег Новой Голландии и исправить неверности карты этой части Австралии.

Во второе путешествие своё Кук разрешил важную задачу об австралийском континенте: пролавирировав в южном полушарии пространство между параллелями 40 и 70 градусов, он убедился, что в этих местах твёрдой земли быть не может и что если она находится, так ближе к полюсу, в поясе совершенно недоступном для исследований. В то же время он открыл Новую Каледонию и другие острова; наконец, посетив два раза тропические моря, он определил положение многих земель, открытых другими мореплавателями и описал сам несколько новых.

Но самый блестящий из подвигов Кука, как наиболее богатый результатами, было третье путешествие его вокруг света. Не говоря уже о нескольких мелких островах, найденных им в Великом Океане, он открыл в это плавание Гавайский архипелаг, который по положению своему, как я уже говорил, и своей производительности составляет для европейского мореплавания самый важный пункт в этой части света; потом он открыл и определил часть западного берега Америки между 43° и 70° северной широты, т. е. пространство более трёх с половиною тысяч миль; доказал сближение Азии с Америкой; прошёл пролив, их разделяющий, и определил берега его настолько, чтобы убедиться в невозможности прохода этим проливом из Атлантического Океана в Великий. Наконец, за исключением Охотского моря и Японского архипелага, тогда ещё мало известных, он составил самую полную для того времени гидрографию всего обитаемого мира.

Относительно морской службы Кук также оказал весьма важную услугу полезным выводом. До него почти все сколько-нибудь продолжительные морские путешествия влекли за собою гибель экипажа, который значительно умирал от болезней. Кук первый показал, что можно пробыть три, даже четыре года в море и сохранить вполне здоровье людей.

Кук был человек крепкого сложения, привыкший к труду и способный переносить самые утомительные работы. Желудок его варил самые грубые и неприятные яства. Он подвергался лишениям всякого рода с таким равнодушием, что умеренность вовсе не казалась в нём добродетелью, а скорее каким-то врождённым свойством. Характер его соответствовал сложению. Главными и отличительными качествами знаменитого моряка были умение сохранить хладнокровие в самые критические минуты, быстрый и прозорливый взгляд, отвага и изумительная настойчивость в исполнении своих намерений; энергия его ни на минуту не ослабевала во время самых скучных и утомительных плаваний. Отдых, кажется, ему вовсе был не нужен. По крайней мере он всегда с нетерпением ожидал окончания того времени, которое нашему брату моряку даётся обыкновенно на развлечение.

Манеры капитана Кука были просты и благородны. Впрочем, некоторые его современники не без причин упрекали его в заносчивости и вспыльчивости; но недостатки такого рода значительно смягчались в нём добротой сердца и постоянной готовностью помогать сослуживцам всем, чем только было возможно.

Едва прошло десять лет по кончине знаменитого мореплавателя, которого горько оплакивать имели столько причин его современники, Гавайский архипелаг представлял уже место отдыха кораблям разных наций. Тут можно было дёшево заpastись провизией, за доставку которой на весь экипаж судна англичане и американцы платили дикарям несколькими ружьями и порохом. По мере того, как островитяне приобретали убийственное оружие европейцев, междоусобия увеличивались и опустошали архипелаг самым неслыханным образом. Когда в январе 1792 года англичанин Ванкувер заходил на Сандвичевы острова, спутники его, бывшие участниками прежних подобных экспедиций, ужаснулись невероятному изменению состояния этих островов с тем, в каком видели их при первоначальном открытии. Страшное опустошение войн было заметно повсюду. Там, где в прежние времена рисовались обшир-

ные селения островитян, англичане не видели теперь ни одной хижины; поля и равнины, процветавшие обработкой, были заброшены; немногочисленные окончательно свидетельствовало о многих кровавых битвах, свершившихся в течение короткого времени.

При вторичном появлении Ванкувера на Сандвичевых островах (через год), дружба англичан с гавайцами утвердилась прочным образом. Властитель Гавайи показался для них человеком перерождённым, словом таким, каким впоследствии остался навсегда. Он был любезен, откровенен, чувствителен. Может быть, сказка о Роно, применённая к Куку, содействовала тому¹.

Ванкувер, с своей стороны, поддерживал такое расположение гавайского царя, который стал для него наконец другом, слушался его и советовался с ним об улучшениях, полезных для его народа. Понимая всю выгоду таких отношений, подстрекаемый эгоизмом и тщеславием, английский капитан занялся дипломатическими идеями с намерением употребить своё влияние на гавайцев так, чтобы и ему досталась частица славы, которой пользовались другие английские капитаны. Ванкувер действовал успешно, и 25 февраля 1794 года он привёл архипелаг Сандвичевых островов в подданство Великобритании, которое царь гавайский подтвердил на торжественной аудиенции. Как умный человек, Ванкувер видел, что этим обрядом властитель Гавайи давал нечто вроде обязательства на дружбу и в будущем времени, чего было уже слишком достаточно для торговли и мореплавания англичан, и вернее открывало путь к самому образованию островитян.

С этого времени для сандвичан началась эра преобразования. Прозорливый, умный, властолюбивый *Тамеа-Меа*, царь гавайский, мало-помалу постиг прибыль от торговых сношений и потому особенно заботился, чтоб и гавайцы воспользовались выгодами чужеземных познаний. При его наставлениях, туземцы скоро постигли значение денег и различие их от товара. К тому времени американцы и англичане изъявили желание вывозить сандаловое дерево, и гавайцы охотно принялись за вырубку, когда им давали за это железо, оружие, бусы. Вообще

---

¹ Известно, что гибель Кука, понятное следствие мгновенного бешенства дикарей, тронуло их глубоко: они воздали бранным останкам великого мореплавателя почести, приличные, по их религиозным понятиям, божествам. Память его была бессмертна для сандвичан, и до самого обращения их в христианство, общее поверье состояло в том, что рано ли, поздно ли Роно опять явится на Гавайях и жестоко отмстит убийцам.

относительно распространения торговли и промышленности на Гавайях Тамеа-Меа заботился много, понуждая всех личным примером и не употребляя к тому никакого насилия. Во время его царствования только христианская вера мало оказывала успехов между туземцами. Главною причиною тому был личный пример царя. Сколько раз его старались убедить, чтобы он отрёкся от веры языческой и принял христианство, но он постоянно отвечал на это одно и то же: «верю, что ваша вера лучше моей, по боюсь потерять власть свою над умами подданных, если оставлю прежнюю». Тамеа-Меа скончался в 1819 году. После него язычество постепенно ослабевало, чему много содействовали миссионеры, прибывшие из Северо-Американских Соединённых Штатов.

Молодой царь гавайский *Рио-Рио*, сын Тамеа-Меа, принял миссионеров ласково, отвёл им земли и дал работников. Убеждения проповедников понравились ему; он стал превозносить своим подданным важность новой *пуле*¹ и новых *пала-пала*², и послушные островитяне с восторгом обратились к кроткой и утешительной вере. Решили, что идолослужение должно уничтожить. Оставалось испросить согласие царицы, матери Рио-Рио. «Что худого сделали вам наши боги? спрашивала она. — Ничего, — отвечали посланные — да что же и хорошего? Для чего нам беречь их? Служение им тягостно, требует, чтобы на жертву им приносили людей, между тем мы видим на опыте бесполезность наших жестоких жертвоприношений: наши боги войны не могут защищать нас от чужеземной силы. — «Хорошо, — сказала царица — делайте как хотите». Таким образом погибла нелепая мифология сандвичан, и они обязаны Рио-Рио введением между ними христианской веры.

Впрочем, ещё до всеобщего принятия истинной веры в глазах гавайцев свершился обряд Святого Крещения над первым министром царя, *Карай-Моку*. Это торжественное обращение в христианство приписывают не столько сердечному убеждению его, сколько честолюбивым расчётам. Но как бы то ни было, такому примеру последовали и другие островитяне. Карай-Моку, прозванный Питтом, узнал, что на французском корвете «Урания», под командой известного капитана Фрейсине (совершавшего в то время плавание вокруг света и заходившего на Сандвичевы острова), находится священник, и потому пожелал от него

---

¹ Вера.

² Молитва.

принять крещение. Пышность, с которою исполнили эту церемонию, рассказана г. Арого, который служил на корвете в качестве живописца:

«Место крещения назначили на корвете, — говорит Арого. — Рио-Рио и мать его изъявили желание присутствовать при обряде. Для переезда на корвет всех членов царского семейства была назначена капитанская шлюпка. Я находился на берегу, и желая вернее снять рисунок поезда предпочёл ехать не вместе с Рио-Рио. Он просил повременить с отправлением поезда, чтобы параднее устроить свой туалет; впрочем, он был одет весьма просто: в синем жилете с галунами, в широких зелёных панталонах и чёрной соломенной шляпе. Он сел в шлюпку последний и, подойдя к матери своей, крепко коснулся своим носом её носа. Шлюпка с семейством Рио-Рио шла впереди всех; за нею следовал я на своём катере, а за мною остальные шесть шлюпок с придворными и знатными гавайцами. Подъезжая к корвету, «Урания» отсалютовала поезду одиннадцатью выстрелами. Взойдя на корвет, Рио-Рио пожелал спуститься в палубу, где алтарь был уже приготовлен. Караи-Моку дожидался нас на корвете более двух часов. Наш аббат (де-Келень) несколько сократил церемонию, которой, разумеется, не могли понимать наши гости. По окончании обряда, семейство Рио-Рио и все сопровождавшие его изъявили желание подробно осмотреть корвет; некоторые посетили наши каюты и уверяли, что мягкие койки наши они находят «очень красивыми и удобными». В таком увлекательном тоне повествователь рассказывает множество личных замечаний, сделанных им во время пребывания экспедиции Фрейсине на Гавайях.

Редкий пример ума и самоотвержения в начальнике идолопоклонников явил Рио-Рио уничтожением *табу*¹, древнего обычая неприкосновенности. Им запрещалось женщинам не только есть с мужчинами, но употреблять даже некоторые яства, предоставленные исключительно одним мужчинам. Преступление или нарушение такого закона наказывалось смертной казнью, и это то глупое постановление гавайцы решились торжественно уничтожить. В час обеда, около царского жилища собралась по обыкновению толпа народа. Когда столы были накрыты, т. е. на одних циновках расставлены кушанья для мужчин, а на других определённые или дозволенные законом для женщин, Рио-Рио взял несколько блюд со своего стола и перешёл к женскому, расположился есть

---

¹ Одно из странных установлений гавайцев. Слово *табу* означало совершенное запрещение прикасаться к какому-нибудь предмету и даже глядеть на него.

и приказал женщинам следовать его примеру. Изумлённая толпа подняла оглушительный крик «табу, табу!», но на него не обращали никакого внимания. Тогда островитяне обратились к жрецам, которые уверяли, что боги не замедлят отомстить за столь безрассудное и губительное беззаконие. Однако ж боги не отмщали. «Да что же делают наши боги? — После некоторого времени восклицали дикари. — Что же они не мстят? Можно ли им допустить столь ужасное осквернение табу? Видно они бессильные существа! Что же нам в них? Пойдёмте, гавайцы, уничтожим их!» И своей рукой старший жрец зажёл главный *морай*¹.

Видя это, весь народ последовал такому примеру, а с уничтожением истуканов гавайцев навсегда уничтожилось и древнее идолопоклонническое богослужение их. К первоначальным проповедникам присоединились вскоре английские миссионеры, в числе которых и просвещённый Эллис, первый одаривший Европу подробными сведениями о Гавайском архипелаге.

В большом, продолжительном плавании, за исключением службы, моряку остаются на долю два удовольствия: беседа и чтение. То и другое чрезвычайно подстрекали во мне желание побывать на Сандвичевых островах, познакомиться с туземцами, так быстро опередившими в просвещении одноплеменных своих собратьев других архипелагов, и отметить таким образом в дневнике несколько страниц приятного на них пребывания. Но это была мечта, которой нельзя было осуществиться: мы по-прежнему забирались в меньшую долготу и 8-го января пересекли тропик Рака в 124°47' западной от Гринвича. На другой день, на параллели 21°, мы получили норд-ост — ост-норд-ост ветер, который приняли за пассат. Он дул ровно четыре дня и, утром 13 числа, в северной широте 14° вдруг перешёл со шквалом к ост-зюйд-осту. Часов пять спустя опять сделались северо-восточные ветры. Однако ж, *чему приписать* этот каприз всегда постоянного пассатного ветра? Объяснить трудно: от мексиканских берегов мы были в расстоянии с лишком полутора тысяч миль.

Северными тропиками мы шли 20 суток и пересекли экватор в долготе 124°57' западной от Гринвича. Здесь пришлось нам испытать силу экваториального течения, которое производило суточную разность между счислимым и обсервованным пунктами на 50, а иногда даже на 60 миль к северо-западу. Плавание в южных тропиках было многим

---

¹ Капище.

успешнее: оно продолжалось только 13 дней. Впрочем, мы были обязаны этим неправильности юго-восточного пассата, который получили в 5° северной широты. Он отходил зачастую к OtN¹, позволяя таким образом держать довольно полно, и только изредка заходил иногда к югу и перемежался штилями. Тропик Козерога перешли в западной долготе 130°13' от Гринвича, и в тот же день, 10 февраля, в 10 часов утра, мы увидели низменный коралловый островок Эна (Oena). Увидеть после 78-дневного плавания берег — невыразимо приятно: душа нетерпеливо рвётся к нему, будь он даже совершенно бесплоден и необитаем! С каким любопытством унизали мы борт нашего «Або» при виде этого островка, который, будучи покрыт реденьким лесом пальм и других тропических деревьев и растений, имеет довольно привлекательный вид. Разбивающиеся около него буруны опоясывают его совершенно белой лентой и рокот их гармонически вторит говору лентящихся волн. Сколько воспоминаний, сколько забавных береговых приключений припомнилось моими сослуживцами при этом приятном случае!

Берег!.. «Вишь вон, поди себе, берег; а только и славы что берег: ни кола, ни двора! — Повторю я словами подручного рулевого, шёпотом сказанные его ментору. — Подика-сь, скажи в деревнях бабам, что плыл ты морем да окианом почитай восемьдесят дней, да и наткнулся на островок с голубиное яйцо. Не поверят, право не поверят!»

— Подавно не поверят — перекладывая штурвал и посматривая на паруса, отвечал ему старший рулевой. Затем он обратился ко мне с вопросом, можно ли на месте, по которому мы проходили, дип-лотом² достать дно?

Я отвечал отрицательно, заметив, что и десятью подобными мерами, чего доброго, не достанешь.

— Знать глыбко, — продолжал молодцеватый рулевой, урывая моменты взглянуть на островок. — Чудны дела Твои, Господи! Откуда ж взялся он посередь окиана?

«Вырос», отвечал я довольно лаконически. И рулевой добродушно улыбнулся, принимая ответ мой за невозможность объяснить подобный феномен природы.

---

¹ Т. е. к востоку + один румб (11,25°) к северу. — прим. OCR.

² Дип-лотом называется инструмент, служащий для измерения глубины моря не выше ста сажень.

И точно, читатель, такая картина посреди Океана и в особенности после двух с половиной месячного плавания невольно расшевелит любознательность. Видишь островок; и зелень на нём есть, и пальмы, кокосы и невесть что! Откуда же он взялся на глубине почти неизмеримой? Почва земли не вулканическая, стало быть вопрос очень естественный.

И он долгое время интересовал учёных естествоиспытателей и долгое время оставался не вполне разгаданным. Лишь в новейшее время Чарльз Дарвин показал в своём сочинении «об образовании коралловых островов» более положительные выводы о том, как образуются и нарастают кораллами¹ такие острова. В числе полипняков есть множество родов, содержащих в студнеобразном организме своём большое количество известковых солей и роговидных веществ, которые постепенно из них отделяются. Этот процесс образует ячейки, которые по роду полипняка могут иметь разнообразную, но всегда определённую форму. Расположение происходит таким образом: по определённым законам животворённый зародыш выступает наружу в верхней части старого полипняка (при одном из его двух концов), и не отделяясь от него, тотчас освобождается от известковых или роговидных частиц, которые образуют на старых ячейках новые; в них тем же порядком развивается молодое поколение полипняков, громоздящееся на отжившем старом, и расположение продолжается в таком виде далее; смотря по направлению, которое оно принимает, образование кораллов получает формы древесных ветвей, опрокинутых кубков, грибов и проч., или слоями стелется полипняками друг над другом. Таким образом на незначительных глубинах южных морей видишь *подводные сады* с самыми разнообразными цветниками, прельщающими глаз не только формой и разнообразностью рисунка, но и яркостью колорита.

По мнению Форстера все низменные острова Великого Океана, не носящие следов вулканического образования, произошли от накопления кораллового вещества, продолжавшегося тысячелетиями, до тех пор, пока сплочённая масса не вышла на поверхность воды. Достигнув же такого предела, последний род полипняков вымирал, известняк кораллового строения выветривался, превращался в песчаник, нарастал раковинами и тому подобным, а море между тем приносило различные водоросли, лишай и семена растений, которые, истлевая на открытой поверхности, образовали тот пласт чернозёма, на котором впоследствии

---

¹ *Кораллами* называют сросшиеся ячейки микроскопических морских червей, или полипняков.

могли уже развиться семена приносимых растений. Такому происхождению коралловых островов верили долгое время; но деятельные исследования позднейших естествоиспытателей, Кé, Гемáра, Бйчи, Эренберга, Кйнга и других, положительно показали, что полипняки, способные к такому строению, не живут ниже 30 футов от поверхности воды, следовательно не могут и возводить кораллов из глубин неизмеримых. Тогда стали думать, что коралловые острова произошли от подводных извержений, поднятых до незначительной глубины под поверхностью Океана, а потом достроенные кораллами. Но более положительные результаты принесли новейшие исследования Дарвина. Он объясняет происхождение коралловых островов медленным, тысячелетним понижением морского дна, т. е. процессом, при пособии которого кораллам удобно увеличивать толщину слоёв известковых сплочения на окраинах постепенно углубляющихся островов. Этим объясняется и кольцеобразная форма коралловых скал, которые посредине своей всегда имеют лагуну, открытую с подветренной стороны пассата и в который суда могут входить, как в спокойную гавань.

Определив место крьюйс-пеленгом, мы обнаружили тем погрешность наших хронометров, которая оказалась в 48' по долготе к западу. Быстрый переход из 14° мороза к 36° тепла, естественно, должен был иметь влияние на правильность хода хронометров; в этом отношении найденная погрешность была даже весьма незначительна; впрочем, недостаточно верное определение острова Эна на картах, не подавало нам никакого повода вполне надеяться на эту поверку. Потому капитан располагал подойти на вид острова Питкерна, определённого на картах Арро-Смита и Нория несравненно точнее, и там уже поверить хронометры, чтобы с большей уверенностью продолжать плавание к мысу Горн. Остров Питкерна отстоял от нас в то время в 80 милях, и мы стали к нему лавировать. Но Провидению не угодно было исполнить наше желание: о подобной безуспешной лавировки я даже не слыхивал. Три дня бились мы около Питкерна, и не могли к нему вылавировать: ветер заходил при каждом галсе, так что угол между поворотами был обыкновенно около 14 румбов. Не было поворота, в который бы ветер не зашёл румба на два. Иногда, видя невыгоду принятого галса, мы поворачивали снова, но злодейский ветер и тут заходил! Наконец, это надоело нашему капитану; мы переменили направление и пошли к юго-востоку, к мысу Горн. Таким образом, безуспешно провозившись около Питкерна трое суток,

мы стали употреблять найденную хронометрическую поправку в вычислениях долготы и продолжали плавание благополучно далее.

Однако ж, вот несколько интересных подробностей из истории этого острова, с которыми мне удалось познакомиться.

Остров Питкерн был открыт в 1767 году англичанином *Картеретом*, который, определяя его географическое положение, ошибся в долготе на 3 градуса. С тех пор его никто не мог отыскать, и о нём не было никакого слуха. Так прошло 20 лет. Около 1787 г. корабль «Баунти» (*Bounty*), отправлялся из Англии в англо-американские колонии для доставки с Таити хлебных деревьев. Начальство над судном было поручено сослуживцу знаменитого Кука, капитану Блею. На судне произошло возмущение. Блей и 10 человек из всего экипажа, оставшихся ему верными, были посажены в шлюпку и предоставлены судьбе, а «*Bounty*» отправился с бунтовщиками в архипелаг Отаитских островов. Недружелюбие туземцев отняло, однако, у европейцев охоту здесь расположиться; впрочем, большая часть экипажа всё-таки поселилась на некоторых островах. «*Bounty*» отправился далее, взяв с собой 10 мужчин и 12 женщин с острова Отаити. Из множества островов они предпочли безлюдный Питкерн и, поселившись на нём, сожгли свой корабль, чтоб не было и следов его существования. Но мир и согласие царствовали между новыми переселенцами только два года: тут начались у них — разумеется, из-за женщин! — междоусобия, которые довели в течение 8 лет до того, что в 1799 году на Питкерне осталось всего один англичанин, 12 женщин и 19 детей, между которыми некоторые достигли восьмилетнего возраста. Оставшийся англичанин назывался Джоном Адамсом. При всей своей простоте, он понял, однако, обязанности главы семейства, и правила христианского благочестия, которые он старался распространять по мере своих сил, принесли вскоре обильные плоды: он стал учреждать правильные браки между детьми разных семейств. В настоящее время эта новая колония насчитывает до 100 человек жителей; вся же поверхность острова может прокормить до 400 человек. В 1833 году на Питкерн заходило английское судно «*Challenger*», капитан которого нашёл это маленькое общество в мире и благонравии: все жители были вполне счастливы и спокойны. Он узнал от них, что Джон Адамс скончался в 1828 году.

Вот в нескольких словах происшествие, по поводу которого присвоена Англии эта новая колония между Отаитскими островами. Брошенный Блей не погиб: он благополучно достиг берегов Новой Голландии

(проплыв на шлюпке, в 41 сутки, около четырёх тысяч миль), и был губернатором в Новом Южном Валлисе.

Не прошло и недели после вашей неудачной попытки приблизиться к Питкерну, как мне опять удалось поймать акулу. Она была больше всех, пойманных мной до сих пор: почти восемь с половиною футов. Страсть ловить рыбу и птиц доходила у меня иногда до крайности: я часто просиживал на гака-борте по целым дням. В особенности радовало меня всегда веселье, с которым люди принимали от меня линь, на котором была уже нанизана сильная акула: без громкого и единодушного «ура» дело никогда не обходилось.

Но вот и опять масленица, уж новая, 1842 года! В прошедшую мы были по крайней мере в Капштадте, а теперь... в Океане! Однако, как бы то ни было, а у нас — блины, жирные, вкусные блины! Да, и мы могли сказать словами Пушкина, что

Не забыли в жизни мирной,
Обычай предков старины;
У нас на маслянице жирной —
Водились русские блины!

Между тем на транспорте шли приготовления к штормам; мы полагали их встретить у мыса Горн, который приобрёл в этом отношении всемирную известность. Старые паруса заменялись новыми; спускали брам-стенги, закладывали контр-штаги и тали в помощь вантам и ватер-штагам; переменяли истёршиеся шкоты, топенанты и брасы, словом, крепко готовились к грозному Горну. Услужливый норд-вест усердно работал с 26 февраля; ход был более 7 узлов.

Вот при каких обстоятельствах мы равнялись с параллелью пролива, через который с лишком за три с четвертью века совершенно *первое плавание вокруг света*. В то время почти все учёные соглашались с мнением Птолемея относительно шарообразного вида земли, но мнение это было пока теоретическим доводом, не подкреплённым на практике. Мысль осуществить такое доказательство, т. е. достигнуть до Индии и Молуккских островов западным путём, принадлежит бессмертному имени Магеллана. Великое предприятие для того века! «Учёные не знали наверное, — говорит Бюффон, — опоясывает ли землю Океан». Они даже боялись высказать мнение о возможности обойти её морем. И среди такого относительного невежества явился виновник кругосветных экспедиций...

Неужели благосклонный читатель осудит меня, если на страницах моих летучих воспоминаний я перенесусь мыслью к тому отдалённому времени и прослежу с ним подробности первого плавания вокруг света, того богатого последствиями плавания, которое *на практике* доказало, что земля наша действительно кругла почти как шар?..

Не думаю.

К тому же до Рио плыть ещё долго, до него далеко-далеко, а на пути из Камчатки кроме Бразилии мы никуда не заходили!.. Послушаем же Пигафетту, Валлиса, Буггенвиля и других; они развлекут однообразие нашего продолжительного плавания...

МАГЕЛЛАН И ЕГО ПРОЛИВ

Начнём с того времени, когда победоносные завоевания Альфонса де-Альбукерка в Индии привлекали туда всех знатных португальцев. В числе их особенно отличался дворянин *Фердинанд Магеллан* (Ferdinando Magalhaens), именно в экспедиции, предпринятой против Малакки, которая после отчаянного сопротивления наконец подчинилась португальскому владычеству. Но одной славы храброго воина Магеллану было далеко недостаточно: перед ним высились подвиги Васко де-Гама, Колумба... вот имена, с которыми он желал стать наряду!

Магеллан с молодых лет своей деятельной жизни охотно занимался математикой и старательно изучал многосложную теорию кораблевождения. Особенную однако же опытность он приобрёл в этих науках в Индийском Океане, по которому плавал в течение пяти лет. Знатность происхождения, мужество и обширная начитанность скоро сблизили его со знаменитостями индийской экспедиции; в числе их он приобрёл дружбу Франца Серрано, которому Альбукерк впоследствии поручил экспедицию, чтоб отыскать Молуккские острова и завоевать их для распространявшейся славы Португалии. Серрано исполнил повеление и остался наместником покорённых островов.

Между тем в уме Магеллана развивались важные мысли; он с необыкновенным усердием занимался любимым предметом и в короткое время обратил на себя внимание учёнейших астрономов своего отечества. Находясь с ними в постоянных сношениях, он не упустил случая

тщательно изучить астрономические средства кораблевождения, и таким образом пополнял свои знания всеми полезными сведениями для того великого предприятия, исполнением которого он покрыл своё имя неувядаемой славою. Серрано, с своей стороны, прислал ему подробное описание открытия Молуккских островов. Эти подробности окончательно развили идею Магеллана и план его наконец созрел. Тогда он писал своему другу, что в непродолжительном времени надеется увидеть его лично, что ему предстоит большое плавание, которое предпринять если ему не удастся со стороны португальского правительства, то он наверное исполнит под флагом Испании.

Оно так и случилось. Как Колумбу отказала в отыскании Нового Света, точно так же она уклонилась от предложения славного Магеллана. Таким образом эта страна, так счастливо и величественно начавшая историю мореплавания, утратила славу двух величайших открытий!

Португальский историограф Баррос, который в припадке патриотического усердия видимо старался уменьшить славу Магеллана и оправдать поступок своего правительства, объясняет уклончивость его весьма баснословной историей, по которой будто бы Магеллан впал в немилость короля, и заключает следующими словами: «Намерение вступить в службу под чужие знамёна Магеллан имел в виду вероятно гораздо ранее (т. е. того времени, когда к несчастью Португалии он получил отказ в осуществлении своего предположения), потому что ещё задолго до того времени он неутомимо занимался изучением морского искусства и преимущественно определением на море долготы места, проблемою, в то время ещё не совсем разрешённою учёными».

Вот в каком смысле португальский историограф понимает трудолюбивые изыскания своего великого соотечественника, объясняя их подготовлением к переходу его в Испанию, между тем как всему миру известно, что только необдуманность неблагодарного отечества отвергла своего великого сына!

Магеллан выехал из отечества с сеньором Фалеро (превосходным астрономом), труды которого Португалия также недостаточно оценила. Несколько преданных им приятелей последовали за ними, и когда выходцы прибыли в Севилью, они встретили там нескольких земляков, во-

оружавших флот, предназначенный к дальнему плаванию. Диего Барбосса¹, родственник Магеллана, оказал ему самый лестный и ласковый приём, хотя в прежнее время всячески интриговал его, стараясь уменьшать заслуги Магеллана. Такая перемена в нём произошла по тому поводу, что слава знаменитого португальца уже гремела при Испанском дворе. Стало быть, обстоятельства благоприятствовали Магеллану, и он не терял надежду снискать благосклонных покровителей.

Он обратился к бишопу Дону Хуану Родригез де Фонсека, которому были хорошо известны вообще все подробности об Индийском Департаменте (как в те времена назывались Испанские владения в Америке). Фонсека выслушал его благосклонно; затем представил его кардиналу, который также одобрил мнение Магеллана и донёс о нём своему государю, Карлу V. Весьма важную статью в проекте Магеллана составляло личное его убеждение в том, что Молуккские и другие острова, в которых Португалия приобретала ценные пряности и другие богатства, принадлежат не ей, а Испании. Надо припомнить, что Папа Римский, Александр VI, желая прекратить несогласия и раздоры этих держав, возникшие по поводу вновь открываемых земель, путём миролюбивым, размежевал Атлантический Океан дугою великого круга (от одного полюса к другому, в расстоянии ста миль к западу от Азорских островов), с тем, чтобы все вновь открываемые земли на 180° к западу от неё принадлежали бы Испании, а противоположные им, т. е. находимые к востоку, составляли бы исключительную собственность Португалии. Но в то время географы ещё мало были знакомы с точным определением долгот на земном шаре и измерением градуса великого круга, и потому некоторые учёные² утверждали, что если к Молуккским островам возможно проникнуть западным путём, то по определению папы Римского они должны принадлежать Испании, ибо положением своим переходят предел, назначенный Португальцам. Вот какое мнение географов того времени служило опорой политическим операциям двух государств. Магеллан представил министрам, что он достигнет Молуккских островов путём совершенно противоположным тому, которым до сих пор Испанцы достигали до своих владений, и что он пройдёт туда проливом, ещё никому неизвестным. Чтобы объяснить свою мысль точнее, Магеллан представил совету земной глобус, на котором подробно указал

---

¹ Губернатор Севильи.

² Именно те из них, которые, основываясь на учении Птоломея, принимали, что Китайская Империя находится к западу от Канарских островов на 80° долготы.

направление, какое он примет в своём путешествии; но, предосторожности ради, не указал однако же того места, в котором предполагал отыскать пролив.

Когда же министры стали его об этом расспрашивать, он доверил им тайну и объяснил, что сначала пойдёт к мысу Санта-Мария (т. е. к устью реки де Лаплата, Rio de Sollis), а потом спустится к югу и будет следовать до тех пор, пока не отыщет пролива. На вопрос министров, что он предпримет в случае неудачи, если не найдёт пролива, Магеллан отвечал: «в таком крайнем случае я пойду вокруг Мыса Доброй Надежды, т. е. тем же путём, которым до сих пор ходят в Индию португальцы». Он уверял, впрочем, что вполне убеждён в существовании такого пролива, ибо будто бы видел его назначенным на карте, составленной известным в то время космографом Мартыном Бегаймом¹, от которого узнал также много подробностей о географическом положении тех берегов, к которым гений его стремился с такой уверенностью². Вообще Магеллан искусно умел рассеять сомнение министров в успехе предприятия и расположить их к себе, как сильных покровителей. Невзирая, однако ж, на это, всё-таки прошло более двух лет, пока он достиг своей цели, которой препятствовать всячески старались португальские дипломаты. Король назначил Магеллану аудиенцию в присутствии сарагосского совета, и с тех пор почёт Магеллану стали оказывать повсюду. Смелое предприятие отважного португальца понравилось королю; он согласился исполнить предложение Магеллана, и в числе других дарованных почестей и отличий наградил его и Фаллеро кавалерами *ордена Сан-Яго* и званием капитанов.

Сарагосский совет составил затем инструкцию начальнику экспедиции, из некоторых параграфов которой видно, как достойно сумели оценить великое предприятие Магеллана Карл V и его вельможные современники:

---

¹ Мартын Бегайм, нюрнбергский уроженец, жил в Фаяле (на о. Мадейра) и обширными по тому веку познаниями в географии приобрёл себе имя весьма громкое. Он составил большой глобус земного шара, почитавшийся тогда дивом в учёном мире. Этот глобус и поныне хранится в нюрнбергской библиотеке, как антик весьма любопытный.

² Ссылаясь на Бегайма, происшествие очевидно вымышленное, Магеллан хотел, вероятно, воспользоваться таким сильным авторитетом известного в то время космографа, чтоб убедительнее уверить министров в основательности своих предположений и не подать им повода думать, что мысль его — пустой бред пылкого воображения.

1) Магеллан обязывается отыскать Молуккские острова и другие земли в границах, определённых межевою линиею для Испании, проложив к ним путь западными морями.

2) Король обещает ему, что в течение десяти лет он не позволит ни одному испанскому мореплавателю следовать по направлению его пути.

3) Он обещает Магеллану десятую часть всех богатств, которые будут приобретены новыми открытиями, за вычетом издержек, израсходованных по вооружению экспедиции.

4) Магеллан и его наследники, рождённые в Испании, получают звание генерал-капитанов над всеми вновь открытыми этою экспедициею землями.

5) Одновременно с вышесказанным, они будут пользоваться правом вывоза разных товаров на королевских судах из вновь открытых земель ежегодно на сумму не выше одной тысячи червонцев, без всякой за то особенной платы.

6) Если количество островов, открытых Магелланом, превысит число шести, то пятнадцатая часть доходов с двух островов будет принадлежать ему.

7) Кроме того Магеллану назначается пятнадцатая часть всех грузов, которые он доставит в Испанию.

8) Государь прикажет вооружить для экспедиции Магеллана пять кораблей, из которых два будут в 130 тонн каждое, два другие в 90 тонн и один в 60 тонн. Экипаж отряда, вверяемого Магеллану, будет состоять из 234 человек, которых удовлетворяют содержанием и провизией на два года.

Таковы были условия сарагосского совета при снаряжении знаменитой экспедиции. Когда молва о ней разнеслась в народе, и Португалия узнала о том по известиям официальным, тогда только она поняла всю важность предприятия Магеллана, и Альваро де Акоста, португальский посол при Испанском дворе, особенно старался убедить Магеллана возвратиться в своё отечество, которое, как он говорил, не замедлит поручить Магеллану такую же экспедицию с обещанием ему выгод несравненно бо'льших, чем предложенные испанским правительством. Но все искательства склонить Магеллана на сторону его отвергнувшей отчизны оказались совершенно бесплодными, точно также как и интриги португальского посольства, чтоб отклонить Испанию от такого предприятия. Магеллан отправился из Сарагоссы в Севилью с депешами к

тамошнему начальству, которому предписывалось немедленно приступить к вооружению назначенного отряда.

Перед отправлением экспедиции в море, между Магелланом и Фаллеро возникли несогласия: каждый из них оспаривал друг у друга честь иметь на корабле королевское знамя. Карл V решил спор в пользу Магеллана и приказал Фаллеро для восстановления расстроенного здоровья остаться в Испании до следующей таковой экспедиции.

В числе многих королевских милостей Магеллану дозволили взять с собою десять человек португальцев, пришедших в Севилью с целью совершить с ним опасное путешествие.

Севильский коррехидор¹ Санхо Мартинес де Лейра получил предписание вручить Магеллану королевский штандарт в церкви «Санта-Мариа де ла Витториа» под присягой, что он в течение экспедиции на деле докажет преданность и верность свою испанскому королю. Точно таким образом все офицеры эскадры присягнули Магеллану, что с покорностью и совершенным повиновением последуют за ним всюду, куда он их поведёт.

Между тем суда Магеллана были приведены в совершенную готовность к отправлению. Вся эскадра, как я уже упоминал, состояла из пяти кораблей. Корабль «Тринидад» был под личной командой начальника экспедиции (генерал-капитана); кораблём «Сан-Антонио» командовал контролёр флота, *Хуан де Картагена*; «Витториа»² («Победа») состояла под начальством *де Мендоза*; «Консепсьон» — *Гаспара де Квезеда*; а «Сан-Яго» находился под управлением *Хуана Родригеза Серрано* (который был в то же время штурманом отряда).

Отплытие эскадры было замедляемо настоятельными просьбами португальского двора не предпринимать такой экспедиции. Но Карл V объяснил, что плавание его судов не будет иметь целью нарушения прав межевой линии, что напротив того, он строго приказал капитанам своих судов отнюдь не вмешиваться в дела португальских начальников и капитанов, если они повстречаются с ними.

Видя бессилие своих доводов относительно отклонения испанцев от предпринимаемой экспедиции, португальцы стали разглашать молву, что будто бы издержки на снаряжение отряда Магеллана были капиталом, брошенным для Испании, что Магеллан человек взбалмошный,

---

¹ Так называются вообще в Португалии и Испании полицмейстеры.

² Единственный корабль, уклонившийся впоследствии от экспедиции Магеллана и возвратившийся обратно в Испанию.

ветренного характера, что он не оправдает доверия испанского правительства и таким образом не исполнит даже тени своих хвастливых обещаний. Но трудолюбивая и деятельная жизнь Магеллана противоречила такой напраслине и явно изобличала клевету.

Наконец, интриги завистников и недоброжелателей отважного мореплавателя умолкли: 10 августа 1519 года эскадра его вступила под паруса, а через 16 дней стояла уже на якоре при одном из Канарских островов (Тенерифе), куда заходила запаситься свежей провизией и налиться пресной водой. 13-го декабря Магеллан вошёл в бухту *Женеро*, при которой расположен нынешний Рио-де-Жанейро.

«Здесь, — говорит Пигафетта¹, — мы с избытком запаслись всякого рода провизией: цыплятами, курами и разными фруктами. Мы также торговали весьма выгодно: за простой нож получали шесть куриц, за гребень два гуся, за небольшое зеркальце или ножницы дикари давали такое множество рыбы, что невозможно бы съесть десятерым проголодавшимся».

27-го декабря эскадра снова вступила под паруса, чтобы продолжать плавание. Через несколько дней погода настала бурливая, так что 12-го января суда не могли даже держаться в море и были принуждены укрыться под берегом. На следующий день продолжали плавание и к вечеру вошли в устье реки *де Соллис* (Рио де Ла Плата), по которой продолжали плавание вверх ещё двое суток. Когда глубина реки оказалась по лоту не более трёх сажений, Магеллан приказал всей эскадре стать на якорь. Вот что рассказывает тот же очевидец о пребывании эскадры Магеллана в Рио де Ла Плата: «Здесь обитают каннибалы или людоеды. Один из них, который сложением и ростом напоминал великана, а голосом не уступал мычанию быка, первый отважился подойти к нашим судам на своём челноке, как бы одобряя товарищей, которые держались в отдалении. Мы не хотели упустить случая поговорить с дикарями и потому поехали на берег (в числе ста человек), навстречу дикарям; но они стремительно обратились в бегство, сначала на челноках, а потом берегом, во внутренность страны. Мы пустились за ними, чтобы переловить хотя бы некоторых из них, но дикари прыгали и бежали так бойко, что нам было далеко за ними гоняться».

---

¹ *Антонио Пигафетта*, дворянин из Виченцы, был из числа спутников Магеллана и тех немногочисленных счастливых, которые возвратились из опасного путешествия. Лишь ему одному потомство обязано описанием путешествия Магеллана, без которого мы не знали бы никаких подробностей о первом плавании вокруг света.

В прежнее время думали, что Рио де Соллис не река, а пролив, через который можно проникнуть в Южное море (Великий Океан); напоследок удостоверились в ошибочности такого предположения. Здесь убит каннибалами и съеден ими Хуан де Соллис, который, подобно нам, отправлялся отыскивать новые земли.

Когда наш генерал убедился, что нам не поймать ни одного дикаря, он приказал шлюпкам воротиться к кораблям. Однако же под вечер к нам приехал один индеец; он без боязни взошёл на генеральский корабль, и Магеллан приказал выдать ему рубашку, потому что дикарь был прикрыт звериной шкурой. Ему подарили также манишку из красного сукна, и когда он проночевал у нас, ушёл на другой день на берег и более не показывался».

Во время стоянки в Рио де Ла-Плата Магеллан ходил на корабле «Сан-Антонио» на противоположную сторону реки для гидрографических изысканий; ничего не найдя, он вернулся и приказал эскадре быть в готовности сниматься с якоря.

Выйдя из Рио де Ла-Плата, Магеллан опять продолжал плавание к югу и по прошествии нескольких дней открыл прекрасный залив (Сан-Матиас), в котором однако же не останавливался с эскадрой, и удовольствовался одним обзором.

Не ясно ли, что Магеллан *отыскивал* созданный его воображением пролив, хотя и говорил испанским министрам, что будто бы видел его назначенным на карте Мартына Бегайма? Новое доказательство, что это была уловка гениального человека, которою он хотел пробить себе путь и быть может потому только и достиг своей цели. О существовании такого пролива ему говорил голос внутреннего убеждения, и вот почему он презирал труды и лишения, твёрдо убеждённый, что успех предприятия вознаградит его усилия. Мы видим это в жизни почти всех великих людей; повинувшись внушениям гения, они преследуют свою мысль, невзирая ни на какие препятствия, и редко когда обманутые в достижении желанной цели почти всегда доходят до прекрасной исходной точки.

Эскадра Магеллана перешла за параллель 40° южной широты и много страдала от продолжительных бурь, ненастной и холодной погоды. Иногда случалось, что в течение четырёх-пяти дней суда не могли даже приблизиться друг к другу. При многих трудностях и лишениях, перенесённых в столь бурное плавание, все суда зашли для отдыха в

бухту *де лос Патос*¹, которую начальник экспедиции назвал таким именем по множеству пингвинов² и моржей³, найденных путешественниками по берегам залива. В ночи эскадра выдержала сильную бурю, до того ужасную, что испанцы возносили молитвы к Всевышнему и думали, что гибель их будет неминуема. Однако же к утру погода стихла и корабли благополучно могли продолжать плавание.

В день Светлого Христова Воскресения эскадра вошла в устье реки *Сан-Жулиано* и генерал-капитан приказал экипажам кораблей съехать на берег, чтоб отслужить заутреню.

За исключением де-Мендозы и Гаспара де Квезеда, капитана корабля «Консепсьон»⁴, все подчинённые Магеллана исполнили приказание и явились для слушания заутрени на берег. На такое непослушание двоих подчинённых Магеллан обратил невольно внимание и безошибочно заключил, что вероятно совесть их не чиста и они имеют какие-нибудь не добрые намерения.

По зимнему времени года, он счёл необходимым остаться здесь на зиму; залив представлял все к тому удобства. Поэтому Магеллан приказал, чтобы командиры судов рассчитали провизию и уменьшили бы порции. Такая благоразумная мера со стороны Магеллана произвела, к сожалению, всеобщее неудовольствие. Все жаловались на стужу, неплодородие почвы избранной ими местности и явную невозможность исполнить задуманное предположение Магеллана, приводя на вид, что матёрый берег Америки тянется по всему вероятно до самого полюса, и потому вряд ли возможно обойти его мнимую оконечность или отыскать воображаемый пролив; что было бы несравненно благоразумнее увеличить, а не уменьшать их порцию и подобру-поздорову воротиться в отечество; что король их не ищет и не требует невозможного; что достаточно и той широты, до которой они добрались и в которой до них ещё никто и никогда не бывал; что в противном случае, если они станут продолжать опасное плавание, их может штормами прижать к берегам и раздробить о подводные скалы или отнести ветрами и течениями в такие края, из которых им никогда не освободиться и они неминуемо должны будут погибнуть.

---

¹ Теперь порт Дезире.

² *Aptenodyta demersa* L.

³ *Phoca ursina* L.

⁴ При отправлении из Севильи кораблём этим командовал *Хуан де Картагена*; но он провинился перед Магелланом и был в то время арестован.

Таков был общий говор на эскадре. Магеллан выслушал его спокойно; он предвидел трудности плавания и знал, сколько ему придётся бороться с невежеством, пока приведёт в исполнение задуманное. Он отвечал недовольным:

«Чтоб я решился не исполнить обещанного? Ни за что! Лучше смерть, чем постыдное осрамление!.. Я получил приказания от государя, и обязанность моя их исполнить. Пусть будет, что будет! Воля моя непреклонна: я непременно хочу отыскать или пролив, или обойти крайнюю оконечность материка. Одно из двух мы должны встретить, я убеждён в этом. В зимнее время, конечно, плавание около этих берегов опасно, но с наступлением весны обстоятельства изменятся. Что может мешать нам продолжать плавание далее, хотя бы даже до южного полюса? Мы открываем новые берега, испытываем сердечную радость, снискиваем почести, славу. Разве не знаете вы, что преодолев препятствия мы войдём в края вечного лета? Слушайте, *кастильцы*! Деяния ваших предков увенчаны лаврами неувядаемыми. Весь этот необозримый материк, необъятность которого вас теперь пугает, открыт вашими же братьями, такими же как и вы кастильцами, стало быть поддержать славу своих предков и завоевать для могущества Испании всю эту землю — прямая, священная обязанность ваша. Люди, которым судьба предназначила родиться горделивыми кастильцами, испанцы! Неужели в вас нет энергии, неужели вы можете оказывать такое малодушие? Стыдитесь! У нас, благодаря Бога, нет недостатка ни в воде, ни в свежей рыбе, ни в живности — всё это под рукой, всё в виду этих величественных берегов. Есть у нас и сухари, и вино; а если ограничим себя на некоторое время в этих припасах, и вперёд никогда не станем нуждаться в них. Следовательно, что могло бы препятствовать нам перезимовать здесь и с наступлением весны продолжать начатое предприятие? Ничто! А что ждёт нас в отечестве, если воротимся с пустыми руками, не свершив ничего для славы горделивой Испании? Срам!.. Португальцы, плавая в Индию, достигают гораздо большей широты, чем та, в которой мы находимся теперь. Нормандцы¹ и датчане проникали глубоко на север и открыли Гренландию, страну, которая живёт и дышит снегами и морозом. А этих людей вы называете варварами! Положим, справедливо; но они стоят выше вас двумя качествами: отважностью и терпением, не взирая,

---

¹ Норвежцы.

что далеко не имеют в виду той цели, с которою стремитесь вы в предначертаниях вашего государя: открыть и завоевать ему земли, которые принесут несметные сокровища. Что возвеличило Португалию до той степени, что она может соперничать с Испанией? Завоевания в Индии и приобретение Молуккских островов. А Молукки принадлежат вам, дайте лишь случай добраться к ним этим путём и доказать, что они действительно расположены в границах, предоставленных исключительно вам. Если в жилах ваших течёт кровь благородных кастильцев, вы должны с восторгом стремиться завладеть теми землями, которые по всей справедливости составляют вашу собственность, а я буду руководителем вашим! Зиму мы проведём здесь, товарищи, в этой спокойной гавани, а с наступлением благоприятного времени для дальнейшего плавания с твёрдостью и новыми силами поспешим к исполнению вашего великого предприятия!»

Таким искренним убеждениям Магеллана большинство подчинённых поверило; но всё же в среде их осталось несколько недовольных, которые не сочувствовали словам великого португальца; по их мнению надлежало оставить дальнейшие поиски.

Начальник изредка наказывал непослушных, но меры его были снисходительны и не могли подавить зло, которое требовало мер более решительных. Некоторые капитаны судов стали оказывать непослушание приказаниям Магеллана. Тогда он нашёлся вынужденным прибегнуть к строгости законов: двоих казнил, одного высадил на берег.

Сколько кровных огорчений должна была перенести душа гениального Магеллана!..

Зима приходила к концу. Магеллан приказал Хуану Серрано, капитану корабля «Сан-Яго» отправиться вдоль берега и искать пролив; если же не найдёт его на определённом им расстоянии, немедленно воротиться к эскадре.

В этом плавании Серрано открыл устье реки *Санта-Крус* и хотел продолжать изыскания к югу ещё около шести дней; но едва он успел отойти от устья Санта-Крус на три мили, как во время сильного шторма волнением оторвало руль корабля, который вследствие того стало прибывать к берегу и наконец раздробило о подводные камни. Люди спаслись с величайшим трудом. В течение восьми дней они питались раковинами и моллюсками; на одиннадцатые сутки несчастные кое-как приплелись берегом к своим судам, но в положении самом истощённом,

сколько от голода, столько же и от усталости. Магеллана огорчила потеря корабля «Сан-Яго», но он был доволен тем, что экипаж его спасён от угрожавшей ему гибели. Матросов с разбившегося корабля разместили по всей эскадре, поровну на каждое судно, а Хуана Серрано назначили командиром «Консепсьона». С тем вместе приказано приступить к вооружению судов и совершенному их изготовлению для дальнейшего плавания. Перед отправлением их в море, послушаем Пигафетту, что он рассказывает о пребывании эскадры в порте Сан-Жулиано:

«Прошло два месяца, как мы стоим здесь на якоре, а не видели ещё ни одной живой души из обитателей этого края. Генерал посылал нескольких человек внутрь страны, по крайней мере миль на тридцать, но они воротились с донесением, что не встречали не только людей, даже не видели ни одного ручья. Наконец, неожиданно для нас появился на берегу индеец, необыкновенного роста. Он был почти нагой, пел и плясал, посыпая голову песком. Наш генерал отправил к нему на берег матроса, которому приказал исполнить те же знаки дружелюбия, когда прибудет к берегу. Великан охотно согласился следовать за матросом и приехал с ним к островку, на котором был Магеллан. В числе некоторых товарищей находился и я при нём. Индеец выразил удивление, что видит нас в своей земле, и поднятием руки к солнцу, конечно хотел высказать, что мы, вероятно, свалились с неба.

Этот человек был так велик ростом, что мы едва достигали головами до его пояса¹. При всём том великан был сложен правильно. Широкое лицо его было раскрашено красною краской, за исключением небольших обводок около глаз. Наряд его состоял из плаща, хорошо сшитого из звериных шкур и таковых же панталонов. В левой руке он держал лук, а в правой камышовые стрелы, обделанные кремнёвыми остриями.

Наш генерал приказал накормить дикаря, над которым мы много дурачились и наконец предложили ему полюбоваться в зеркало своею физиономиею. Великан до того ужаснулся собственному портрету, что поражённый его сходством быстро отступил назад и при этом движении уронил четверых матросов, стоявших сзади его. Мы подарили ему, кроме зеркальца, гребень и стеклянные бусы, а после того высадили на берег в сопровождении хорошо вооружённых конвойных.

---

¹ Это преувеличенное показание, как и многие другие заметки Пигафетты, даёт довольно полное понятие об образе воззрения на предметы тогдашних мореплавателей; впрочем такая характеристика проглядывает и поныне в описаниях иных путешественников.

Когда товарищ его, не желавший приблизиться к нам, увидал великана на берегу, он подбежал к нему радостно, предупредив и других бывших с ним дикарей. С приближением к ним наших вооружённых матросов, индийцы расположились в одну линию, плясали, пели и подымали руки к небу. Наши люди пригласили их на корабль; они не противились и охотно за ними последовали. У них были горшки с какою то пылью, которую они ели; наши матросы предложили свои услуги, чтоб пособить им перенести всю их утварь; но мужчины, у которых в руках не было ничего кроме стрел и их принадлежностей, взвалили всю ношу на женщин, как будто они были вьючные лошади¹.

Здесь женщины не так велики ростом, как мужчины, но зато гораздо толще последних. Груды у них около фута длиною. Женщины размазываются так же, как мужчины, и почти так же одеты. Некоторые были очень недурны собою, но мужчины, по-видимому, ревнивы».

В таком роде Пигафетта рассказывает о нескольких столкновениях их с патагонцами, в том числе и про великана над великанами, который гостил у них на корабле несколько дней и оказал большую привязанность к европейцам². Магеллан сковал двух мужчин этого племени, чтобы привести их в Испанию, но «люди наши не могли поймать женщин» — с сожалением продолжает испанец:

«Эти дикари ведут жизнь кочующую, как цыгане; питаются они сырым мясом и каким-то сладким корнем, *капар* на их языке. Они очень много едят; пойманные нами съедали в день «по корзине сухарей», и выпивали «по полведра воды». Мышей ели сырыми, не обдирая с них даже кожи. Наш генерал назвал этих людей «патагонцами».

Пять месяцев, нами проведённые в гавани Сан-Жулиано, протекли не совсем скучно и не так дурно, как некоторые сперва полагали.

Мы поставили крест на вершине горы, которую называли *Monte-Cristo* и именем короля испанского подчинили всю землю нашему владычеству.

21-го июля астролог Мартин³ брал полуденную высоту солнца и вычислил широту места 49°18' южную (истинная широта 49°8').»

---

¹ *Аморетти* справедливо замечает, что во всех странах и во все времена обращение мужчин с женщинами постоянно служило мериллом степени образованности первых.

² Геррера рассказывает об этом *Juan Gigante*, что он с особенным аппетитом истреблял крыс и мышей корабельных и в течение шести дней неумоимо запасался этого рода провизией, весьма лакомою на его вкус.

³ *Астролог Мартин* из Севильи назначен в экспедицию Магеллана вместо Фаллеро и умерщвлён впоследствии на острове Зебу.

Эскадра Магеллана оставила порт Сан-Жулиано 24-го августа 1520 года и вошла в Санта-Крус, чтоб запастись дровами и водою. Там испанцы простояли за половину октября месяца и достаточно запаслись какой-то рыбой, очень приятной на вкус. Оставляя это место, Магеллан приказал всем исповедаться и причаститься, как следует добрым христианам, пускающимся в опасный путь.

Отряд вышел из Санта-Круса и, не удаляясь от берега, лёг по направлению к югу; эта часть перехода была весьма затруднительна по случаю бурной погоды. В день *Св. Урсулы* (21-го октября) Магеллан открыл мыс, названный им мысом «Одиннадцати тысяч Дев.» Заметив вскоре значительное углубление в берегу, он располагал курсами по направлению его и прошёл около трёх миль; затем он стал на якорь и отправил к ближайшему берегу шлюпку с десятью матросами, для обозрения местности. Одновременно с такими распоряжениями, начальник экспедиции приказал двум кораблям обследовать простирившийся перед ними пролив и по прошествии пяти дней возвратиться к эскадре. Широта места, по определению Магеллана, простиралась до $52^{\circ}56'$. Он был вполне убеждён, что остановился в том самом проходе, для отыскания которого снаряжена экспедиция.

Посланные на шлюпке воротились. Они донесли своему начальнику, что углублялись во внутрь берега почти на три мили и нашли огромное здание, наполненное гробами индейцев (числом более двухсот), которые имеют обыкновение летом жить на берегу и хоронить здесь умерших, а зимою уходить во внутренние страны. Возвращаясь к своему судну, испанцы видели на берегу мёртвого кита и множество костей, очевидно принадлежавших животным того же рода, и по этому заключили о бурях, свирепствующих при здешних берегах.

По прошествии назначенного срока корабли возвратились. Один из них видел только группу множества островков и скал и море, усеянное подводными отмелями и рифами. Другое же судно возвратилось к эскадре с известиями более утешительными. Испанцы проникли в пролив на расстояние полутора миль, но конца прохода не видели. Глубина по лоту оказывалась значительная, а в иных местах даже неизмеримая. Магеллан снялся с якоря и продолжал плавание по направлению пролива. Пройдя около трёх миль, он снова бросил якорь. Из всего этого видно, с какою осмотрительностью он располагал плаванием своей эскадры. Магеллан был твёрдо уверен, что это тот самый проход, который

он ищет и для открытия которого снаряжена экспедиция; но ему хотелось ещё более удостовериться в том и потому приказал кораблю «Сан Антонио» идти вперёд для обзора. Испанцы проникли вперёд ещё на пятьдесят миль и, не видя конца прохода, воротились обратно. Такое известие произвело во всей эскадре живейшую радость.

Однако же осторожный Магеллан собрал всех старших офицеров и приказал им прежде отправления в путь привести в известность, много ли у них оставалось провизии. На поверку вышло, что её станет с лишком на три месяца. В то время на судах общее мнение изменилось: все желали продолжения предприятия, находя, что было бы стыдно оставлять его в такую минуту, когда экспедиция уже почти достигла желаемой цели, Только Эстевано Гомез, штурман «Сан Антонио», утверждал противное. Он находил более благоразумным возвратиться в Европу и снарядить новую экспедицию; пустившись же теперь в дальнейший путь по обширному и ещё неизвестному морю, испанцы, по его мнению, подвергались, в случае штилей или противных ветров, опасности погибнуть голодной смертью.

Магеллан отвечал на это, что если б даже ему пришлось есть кожу, которою обтянуты реи, он всё-таки предпочёл бы терпеть такую крайность, чем изменить обещанию, данному императору, и что во всяком случае он счастливо надеется окончить предприятие. Экипажу запрещено было, под страхом смерти, говорить о возвращении и приказано готовиться завтра же идти далее. При этом Магеллан выказал ум в соединении с твёрдостью характера, потому что слава отличного и опытного моряка, которую в течение службы своей приобрёл Эстевано Гомез, легко могла бы расположить людей в пользу его мнения.

Огоньки, которые испанские мореплаватели увидели на южном берегу, послужили поводом, что землю эту они назвали *Огненной*.

На другой день экспедиция двинулась далее; ширина пролива не простиралась более пушечного выстрела. Сначала берега были покрыты зеленью, но далее тянулись одни суровые, высокие и крутые скалы, покрытые снегом, за исключением, впрочем, самой окраины берегов, которая была убрана высокими лесами. Продолжая плавание далее, экспедиция открыла канал, который извивался к югу и был сжат горами. Магеллан поручил кораблю «Сан-Антонио» обследовать это открытие и определить направление канала, назначив для производства таковых гидрографических работ трёхдневный срок; а сам с осталь-

ными кораблями продолжал плыть далее ещё одни сутки, и остановился ожидать посланных. Но вместо трёх суток прошло шесть дней, а «Сан-Антонио» не показывался и отправленный для отыскания его корабль «Победа» воротился, не найдя его.

На корабле «Сан-Антонио» находился Эстевано Гомез, который уже потому не был расположен к Магеллану, что в то время, когда генерал явился в Испанию и предложил государю снарядить эту экспедицию, он также хлопотал о поручении ему нескольких каравелл для новых открытий и почти уже достигал своей цели. Но появление Магеллана обратило в ничто его искательство, и вместо того, чтобы занять первое место в проектированной экспедиции, он удостоился лишь звания штурмана. Обследовав канал, «Сан-Антонио» хотел воротиться к эскадре; но Гомез восстал против этого, имея на стороне своей весь экипаж судна, и обезоруженный капитан, Альваро де Мескито, родственник Магеллана, был увлечён в Испанию. На этом корабле находился также один из пойманных патагонцев, но он не мог перенести знойного климата тропиков и около экватора скончался.

Бегство корабля «Сан-Антонио» очень опечалило Магеллана, потому что на этом судне находилась значительнейшая часть запасов и несколько португальцев, действительно преданных ему, как начальнику. Тогда генерал написал два письма, одинакового содержания, и отправил их командирам двух следовавших за ним судов. Вот содержание письма, адресованного им на имя Барбозы:

«Фердинанд Магеллан, кавалер ордена Св. Якова, генерал-капитан экспедиции его величества, назначенной для открытия Молуккских островов и других земель, Эдуарду Барбозе, капитану корабля «Победа», его штурманам и прочим офицерам.

Мною неоднократно замечено, что непоколебимое намерение моё продолжать плавание к цели нашего достижения наводит на вас страх, неминуемо подвергнуться величайшим опасностям. Вы знаете, что я никогда не разобрав не отвергал чужих мнений и никогда не презирал добрых советов. Всякое дело, более или менее важное, обсуждалось в общем собрании у меня на корабле, и каждому было дозволено открыто высказывать своё мнение. Но после того, что произошло в порте Сан-Жулиано, где я был вынужден подвергнуть всей строгости законов капитанов де Мендоза и де Квезеда, а Хуана де Картагена посадить на берег, я нахожу теперь более сообразным узнавать мнения ваши от-

дельно, не сзывая всех на корабль к общему собранию. Поэтому я требую от вас, чтобы вы сообщили мне письменно обо всём, что находите полезным для службы его величества и безопасности нашей эскадры. Предостерегаю однако же вас не советовать мне для выполнения поступков, которые были бы против Бога, службы его величества и присяги, под которою вы обязались служить и повиноваться моим приказаниям. В следствие того повелеваю вам именем нашего государя и как начальствующий эскадрой, объяснить мне подробно, что вы находите полезным относительно нашего плавания. Решение моё об этом я не замедлю вам сообщить.

В канале «Всех Святых». Вторник, 24 ноября 1520 года.
По приказанию генерал-капитана, Фердинанда Магеллана»,

Ответы капитанов высказывали желание употребить конец года на подробное обследование пролива, а в наступающем январе месяце отправиться обратно в Испанию, Удивительно, что капитаны этих судов не могли достойным образом оценить великое предприятие Магеллана и, видимо, сомневались в возможности его исполнения. С тем вместе из донесений их видно, что Магеллан продолжал плавание и ночью: «Надо также просить, ваше превосходительство (говорит Андреас Мартино) не плавать в ночное время проливом, сколько для безопасности судов вверенного вам отряда, столько же и для отдыха экипажа. После девятнадцати часов дневного плавания, опасного и весьма затруднительного по множеству в проливе рассеянных скал, четырёх или пяти часовой отдых был бы полезен людям, на половину хилым и страдающим от разного рода недугов. Я прошу Бога сохранить ваше здоровье».

Магеллан послушался советов своих офицеров, но, разумеется, с его стороны всё это было не более, как знак уважения к мнениям капитанов. Относительно же возвращения в Испанию он думал его исполнить не иначе, как по совершении подвига; кажется, ничто в мире не могло бы принудить его явиться в Европу без блистательных доказательств своей теоремы. Многие из его сослуживцев могли бы назвать такую настойчивость упрямством, но последствия доказали, что это была твёрдость характера, та благородная воля, без которой никогда не может свершиться великое дело, требующее жертв и лишений. Магеллан знал, что многие из его подчинённых им недовольны; знал также, что строгость поступка его в порту Сан-Жулиано произвела на них глубокое впечатление. Поэтому действия его были свободны; он не стеснялся ни

кем и открыто старался убедить офицеров в безошибочности своих предположений. Так велика была в нём уверенность в результате поисков, основанном на учёных исследованиях гения, такое могущество на него оказало влияние истины.

Продолжая плавание, эскадра достигла местности, наводившей ужас на путешественников. Высокие горы и скалы с обеих сторон, покрытые снегом, громоздились над низменными холмами, усеянными лесами печального вида; скалы, поросшие мхами и разного рода папоротниками, кустарники ежевики, барбариса — всё это в хаотическом беспорядке теснилось впереди, среди грубой зелени, между которой там и сям высились отдельно плакучие берёзы. Эскадра входила в лабиринт островов, иззубренных бухтами, весьма удобными для защиты от крепких ветров, почти постоянно бушующих в этих местах. Ручьи, тихо струящиеся к проливу, унизаны разного рода полезными травами, в числе которых *сельдерей* (*arium dulce*) и *ложечник* (*cochlearia*), известные антицинготные средства.

Магеллан держался ближе к патагонскому берегу, по возможности удаляясь от Огненной земли. Здесь, по рассказу Пигафетты, они были свидетелями редкой охоты, которую вели рыбы, нападая друг на друга. Это известные три рода: *дорáды* (золотистый карп, *Coryphaena hippuris* L.), *альбекóрен* (тунец, *Scomber thynnus* L.) и *бонíты*, преследовавшие *коландри́нов* (из породы летучих рыб).

По прошествии двадцатидневного плавания, ширина пролива стала постепенно увеличиваться, а мрачные скалы отодвигались к югу и к северу — и необозримый Океан предстал глазам путешественников в полном своём величии. Шум морского прибоя, завывания ветра в ущельях громадных скал, неумолкаемый крик чаек — всё это утихло со вступлением эскадры на приволье обширного моря, и величавая зыбь тихо стремилась к безграничному горизонту. Могильная тишина и давно желанная перспектива привела всех к немому оцепенению. Магеллан пал на колени, за ним все остальные и с чувством благоговейного умиления мореплаватели молча возблагодарили Творца всей Вселенной. Но вскоре божественный дух одержал верх над исполинскою мощью природы, и восторженный клик радости дружно раздался на эскадре! «Мы все плакали от радости» — говорит Пигафетта. Кто не поверит, кто не сочувствует этому даже при одном воспоминании о давно прошедшем.

Обладая силою воли и непоколебимым мужеством, Магеллан стремился к исполнению глубоко обдуманного предположения в постоянной борьбе со всеми ужасами стихий и, что ещё хуже, малодушием и боязнью, предательством и упрямством своих спутников. Блистательно и победоносно окончил гений его такую борьбу; не наслаждался ли он в эту минуту радостью неземною, когда Океан, цель его предприятия и дальнейшее поле деятельности открылся перед ним в необозримом величии?..

Но что побуждает человека к таким великим предприятиям и руководит им с изумительною уверенностью среди неизчислимых опасностей и мглы ночей? Призвание науки, чтоб сорвать оковы, которыми истина соединена с невежеством; мысль, освобождением её принести пользу всему свету; влечение — соревновать прославленным мужам и ознаменовать имя своё подобными же подвигами. Последняя причина не составляет в таком случае черты неуважительного честолюбия; нет, это бальзам, который питает силу гения и побуждает его к великим деяниям.

Эскадра Магеллана вышла из пролива в Великий Океан 28 ноября 1520 года. Здесь моряки принесли благодарение Господу Богу, давшему им силы достигнуть своей цели, и на всех судах совершено было благодарственное молебствие. Видя, что берег, находившийся с права, склоняется к северу, Магеллан решился держать ближе к норду, чтобы поскорее выйти из холодного климата.

«Мыс на южной стороне, — говорит Пигафетта, — мы назвали *Дезире* («Желанный»), потому что давно уже желали его увидеть. Проливу же дали наименование Патагонов».

Потомство, более справедливое, присвоило этому проходу имя того смелого мореплавателя, который первый решился идти этим путём и таким образом название *Магелланова пролива* навсегда утвердилось в географии. Впоследствии мыс, лежащий на северном берегу пролива получил имя мыса «Победы», в честь одного из судов Магелланова отряда.

От выхода из пролива до параллели 32°20' южной широты, которой Магеллан достиг только 28 декабря, плавание эскадры было затруднительно по частым противным штормам. Однако же, по мере того, как она приближалась к тропикам, погода становилась благоприятнее, штормы прекратились и попутный ветерок подвигал корабли к экватору. Но месяцами блуждали нетерпеливые взоры путешественников по необозримой поверхности Океана, не находя ни клочка земли, на котором они

могли бы остановиться. Казалось, врата вечности разверзлись перед ними, а Магеллан вёл их туда с твердостью, достойною удивления. Лишь величие южной ночи утешало испуганных сослуживцев Магеллана. Свод небосклона предстал спутникам в полном величии: знамение *Креста* сверкало над ними, как знак благодати Божией.

«Этому морю конца нет, мы погибнем!» — твердили на всех кораблях. Один Магеллан, уповая на Бога, не терял присутствия духа и служил малодушным подпорой. А положение их было весьма незавидно. Послушаем очевидца:

«Морем мы плыли три месяца и двадцать дней, не имея вовсе свежей пищи. Сухари, которые мы ели, совестно назвать хлебом; это была какая-то пыль, перемешанная с червями, уже съевшими всё, что только заключалось в сухарях питательного; запах от неё был нестерпимый, потому что она служила убежищем мышам. Воду мы пили также гнилую и вонючую. Чтобы не умереть с голода, мы принуждены были даже есть куски бычьей кожи, которой обёрнута была грот-мачта, но, к несчастью, эта пища, подвергавшаяся влиянию морской воды, солнца и ветров, сделалась такой жёсткой, что её прежде надобно было мочить четыре или пять дней в море и потом поджаривать; тогда она становилась сколько-нибудь удобной для жевания. Часто также приходилось нам питаться древесными опилками; самые мыши, как ни отвратительны эти животные, употреблялись в пищу и даже считались таким лакомым блюдом, что за них платили по полдуката за штуку.

Но это ещё не всё. Величайшее бедствие наше состояло в том, что многие из людей поражены были особенным видом болезни, от которой дёсны пухнули до такой степени, что больной не мог принимать никакой пищи. От этой болезни у нас умерло девятнадцать человек, в том числе патагонский великан. Кроме того, у нас было от двадцати пяти до тридцати больных, которые чувствовали боль в руках, ногах и других частях тела, но эти люди выздоровели. Что касается до меня, то, благодаря особенному милосердию Божию, я во всё время, находясь среди стольких больных, был совершенно здоров.

В продолжение трёх месяцев мы прошли около четырёх тысяч миль и ни разу не испытали бури; потому мы назвали море, по которому шли — *Тихим*. На пути своём мы не встречали никаких земель, кроме двух

необитаемых островов, на которых нашли только птиц и деревья и которые назвали потому *Несчастливыми* (*las Desventuradas*)¹. Мы не могли достать дна около берегов их и видели здесь множество акул. Острова лежат на двести миль один от другого. Мы подвигались вперёд довольно быстро и если б Господ Бог и Его Святая Матерь не даровали нам благополучного плавания, мы наверно бы погибли в этом неизмеримом море. Не думаю, чтоб кто-нибудь ещё решился предпринять такое путешествие».

Но какова была радость испанцев, когда они после стольких лишений увидели плодородные острова Марианской группы! Что за очаровательная картина представилась взорам их! Величавые кокосовые пальмы, бананы, рисовые поля, сахарный тростник — сколько соблазна мореплавателям, истощённым и голодом и продолжительностью перехода!

«6 марта 1521 года, — продолжает Пигафетта, — придя в 12° северной широты, мы заметили небольшой остров к северо-западу и два другие к юго-западу. Первый был более возвышен и обширен, чем последние; наш генерал хотел остановиться у берегов его, чтобы взять здесь свежей провизии и запастись пресною водой, но не было никакой возможности исполнить это намерение: толпы островитян явились на наши корабли и воровали разные вещи; усмотреть за ними мы не могли, потому что от тесноты на палубах едва можно было двигаться. Начальник приказал наконец удалить их, но дикари не хотели послушаться добровольно: пришлось просто гнать незваных гостей. Тогда островитяне рассердились и, возвратясь в челноках, с таким ожесточением начали бросать в нас камнями и палками, что Магеллан, не хотевший сначала заводить ссоры, вынужден был однако же дать приказание стрелять в дикарей. Несколько человек из них было убито, но это несколько не помешало другим являться на суда и менять свой хлеб на наши товары. Однажды вечером островитяне очень искусно увели шлюпку, которая стояла у нас на хорошем конце за кормою корабля. Рассерженный генерал отправил на другой день к острову на двух шлюпках девяносто человек хорошо вооружённых матросов, которые, выйдя на берег вблизи первой деревни, лежавшей при подошве горы,

---

¹ О положении этих островов мнения различны. По одним показаниям первый остров назван *Ilha Primeira*, по другим *Сан-Педро*. Второй остров получил наименование *Тибурон*, что означает акулу.

сожгли около пятидесяти хижин и несколько лодок, убили семерых туземцев и забрали все припасы, какие только могли найти в этом месте. Между тем дикари, взобравшиеся на гору, пустили в наших град камней. Однако же, когда дело дошло до огнестрельного оружия, они убежали повыше. Таким образом похищенная шлюпка была наконец найдена. Начальник наш приказал налиться водою и, разделив взятые припасы на все корабли, велел всем возвратиться на свои места. Не считая удобным долее оставаться здесь после такого происшествия, он на другой же день снялся с якоря и пошёл далее по тому же направлению.

Когда наши матросы прокалывали копьями насквозь островитян, те старались вынуть из раны оружие с которой-нибудь стороны и потом осматривали его с удивлением; часто они умирали от ран, что разумеется, возбуждало в нас сожаление. Когда они увидели, что мы удаляемся, то бросились в свои лодки и гнались за нами, показывая рыбу, которую будто бы хотели продать, но, подойдя к нам, бросали камни и удалялись. Мы шли под всеми парусами посреди их лодок, но дикари очень искусно увёртывались и не попадали к нам под нос. В лодках их мы видели нескольких женщин, которые плакали и рвали на себе волосы; вероятно это были жёны убитых нами островитян.

Здесьние жители не знают никаких законов и повинуются только своей собственной воле; у них нет ни властителей, ни старейшин; они ничему не поклоняются. Ходят они нагие. У некоторых из них длинные бороды, а волосы на голове перевязаны на лбу и падают потом до самого пояса; иные носят небольшие пальмовые шляпы. Цвет их кожи оливковый; впрочем, нам говорили, что они рождаются белыми и кожа их темнеет с возрастом. Островитяне эти раскрашивают себе зубы в красный и чёрный цвета, что по их мнению очень красиво. Женщины здесьние хороши собою, правильно сложены и блее мужчин. Волосы у них чрезвычайно чёрные, гладкие и падают до земли. Они ходят нация, как и мужчины, закрываясь только поясом, сделанным из тонкой, как бумага, пальмовой коры. Они занимаются приготовлением циновок и корзин из пальмовых листьев и другими работами, нужными в домашнем обиходе. И мужчины и женщины натирают себе тело маслом, добываемым из кокосов и ещё из какого-то небольшого растения, называемого *сезэли*¹.

---

¹ Оно производит небольшие масличные зёрна (*Raphanus sativus chinensis* L.).

Эти островитяне питаются птицами, пататами, особенным видом продолговатых смокв (бананами), сахарным тростником и т. п. Хижины здесь выстроены из дерева и покрыты досками, сверх которых расстилаются большие листья, достигающие четырёх футов длины. Комнаты островитян довольно чисты и имеют полы и окошки, а постели, сделанные из тонких пальмовых циновок, положенных на мягкую траву, очень удобны. Единственное оружие этих дикарей — длинный шест, в конце которого вделана обточенная рыба кость.

Жители этих островов очень бедны, но чрезвычайно ловки, и в особенности воруют с замечательным проворством; потому мы назвали их землю *островами Разбойников*.

Развлечение дикарей состоит в прогулках с жёнами по воде в лодках, очень похожих на венецианския гондолы; только здесь они делаются уже. Все лодки выкрашены в чёрный, белый или красный цвета. Паруса сшиваются из пальмовых листьев. Парус обыкновенно ставится на одной стороне лодки, а на другой, для сохранения равновесия кладут брус, заострённый с одного края и имеющий для остойчивости поперечные шесты. Таким образом они плавают довольно безопасно. Руль их своим устройством напоминает лопаты булочников, т. е. состоит из шеста, к концу которого прикреплена доска. Они не делают никакого различия между кормою и носом; оттого у них на каждом конце судна по рулю. Дикари здешние очень хорошо плавают и не боятся плыть даже в открытом море как дельфины. Островитяне были чрезвычайно удивлены нашим приходом, а потому надобно заключить, что до того времени они не видали никого, кроме своих соседей».

Открытый испанцами архипелаг получил впоследствии наименование Марианских островов; вся группа расположена между параллелями 13° и 21° северной широты, пользуется климатом жарким, но с тем вместе не злокачественным для здоровья. Марианские острова вулканического происхождения. При открытии их, как полагают, они насчитывали до 150.000 жителей; к настоящему времени едва ли осталось из них тридцатая часть. Некоторые острова заброшены и не обитаемы дикарями.

Триста миль отошла эскадра Магеллана от группы Разбойничьих островов, когда с солнечным восходом она заметила впереди возвышенный берег, казавшийся островом¹.

---

¹ Самар, один из Филиппинских островов.

За ним открылся другой остров, как в последствии оказалось, необитаемый. Чем ближе эскадра подходила к берегам, тем очаровательнее становилась картина. Тёмно-зелёные леса и кустарники опоясывали побережье, а над ними величественно возвышались хребты гор, местами терявшиеся в облаках. Магеллан располагал курсы так, чтобы приблизиться к берегу и зайти в одну из его бухт. Плодородие почвы выказывалось более и более: плодоносные деревья были обременены фруктами различных родов. Магеллан остановился с эскадрой у острова *Гумуну* (*Humunu*), чтобы запастись свежей водой и отдохнуть после продолжительного плавания. Он приказал разложить на берегу две палатки для больных и приготовить им суп из черепахи, которую вероятно привёз с Разбойничьих островов.

В понедельник, 18 числа, после полудня явилась лодка с девятью островитянами. Магеллан приказал всем своим людям быть спокойными и хранить молчание. Дикари поднялись на палубу и тогда начальник их, обратясь к Магеллану, выразил знаками удовольствие, которое доставило его соотечественникам прибытие испанцев. Затем четверо островитян, по-видимому более значительных, остались на корабле, а прочие отправились звать своих товарищей, занимавшихся рыбной ловлей, и возвратились вместе с ними.

Магеллан, видя миролюбие дикарей, накормил их как следует и предложил подарки, состоявшие из красных колпаков, маленьких зеркал, гребёнок, погремушек, мелких вещей из слоновой кости и тому подобных безделиц. Дикари, очень довольные приветливостью Магеллана, прислали ему рыбы, пальмового вина, называемого *арáка*, несколько крупных и мелких бананов и два кокосовых ореха. В то же время они объяснили знаками, что теперь у них больше ничего нет, но что они возвратятся через четыре дня и привезут рис (на их языке *умáи*), кокосов и другой провизии.

«Островитяне, — говорит Пигафетта, — очень подружились с нами и передали нам названия многих предметов на их языке. От них мы узнали, что остров этот называется *Гумуну*¹; он не очень велик. Дикари вели себя вежливо и честно. Из дружбы к начальнику они привезли его на своей лодке к острову и повели в кладовую, где хранились их товары: гвоздика, корица, перец, мускатный орех и другое; при этом они показывали знаками, что страна, в которую мы идём, очень богата такими

---

¹ Магеллан назвал его *Asquada da li bonu segnali*, т. е. «Место воды хороших признаков».

продуктами. Начальник в свою очередь пригласил их на свой корабль и показал им всё, что только могло быть для них ново. На прощанье он велел выстрелить из пушки, что так напугало гостей, что некоторые из них хотели уже спастись бегством вплавь; впрочем мы легко успели уверить дикарей, что им нечего бояться и они оставили нас, повторив ещё раз обещание возвратиться в непродолжительном времени. На пустынном острове, у которого мы остановились, найдено два источника превосходной воды и золотиносный песок. Здесь встречались нам также белые кораллы, деревья с плодами, величиною меньше нашего миндаля, но очень похожими снаружи на сосновые шишки и несколько родов пальм, из которых только некоторые приносили плоды, годные в пишу».

Открытый таким образом архипелаг Магеллан назвал «островами *Лазаря*», потому что он увидел его в пятое воскресенье великого поста. Наследник престола Карла V переименовал его в «Филиппинские острова».

«В пятницу, 22 числа того же месяца, островитяне сдержали своё слово, — продолжает очевидец, — и явились с двумя лодками, наполненными апельсинами и кокосами; кроме того они привезли нам кувшин вина и петуха, назначенного служить живым доказательством того, что у них водятся и куры; мы купили всё привезённое. Начальник островитян был старик с раскрашенным лицом; в ушах его мы заметили серьги с подвесками. Бывшие с ним дикари носили золотые браслеты на руках и повязывали платки вокруг головы.

Мы провели у этого острова восемь дней; начальник ежедневно отправлялся на берег осматривать больных, которым давали пальмовое вино, приносившее им видимую пользу.

Жители соседних островов оттягивают себе уши и протыкают в них большие отверстия, в которые можно даже вложить руку (!), так они велики.

Эти дикари все язычники. Они ходят нагие, прикрывая только бёдра куском древесной коры или хлопчатобумажной материи, вышитой по концам шёлком. Цвет их кожи оливковый и вообще они очень дородны. Они татуируют своё тело и натирают его кокосовым маслом, чтобы предохранить себя, как говорят они, от солнца и ветра. Волосы их чёрного цвета и так длинны, что падают до пояса. Оружие их состоит из ножей, щитов, палиц и копий, обделанных золотом. Для рыбной ловли они

употребляют дротики, остроги и сети, сделанные почти так же, как и наши. Суда их тоже очень похожи на употребляемые у нас.

В понедельник Страстной недели я подвергся величайшей опасности. Мы готовились к отплытию, и я вздумал наловить рыбы. Стараясь поместиться удобнее, я упёрся ногою в мачту, смоченную дождём, но вдруг поскользнулся и упал в море, никем не замеченный. К счастью, верёвка одного паруса, спустившаяся в воду, находилась недалеко от меня; я схватился за неё и начал кричать так громко, что меня тотчас услышали и спустили шлюпку. Таким образом я был спасён, разумеется, не по заслугам моим, а только благодаря особенному покровительству Пресвятой Девы».

После восьмидневной стоянки у этих островов эскадра снялась с якоря и, продолжая плавание к западу-юго-западу, пришла на вид четырёх островов, которые Пигафетта называет именами *Ценало*, *Гуинанган*, *Ибуссон* и *Абари*. 28-го марта испанцы заметили ночью огонь на одном острове и потому утром спустились к нему. Подойдя к берегу на довольно близкое расстояние, они заметили небольшую лодку с восемью островитянами, которая шла к ним навстречу и приблизилась к борту. У Магеллана был невольник, родом малаец (уроженец Суматры); он заговорил с островитянами и они тотчас поняли его, но не хотели взойти на палубу и боялись даже слишком приблизиться к судну. — Магеллан, видя их недоверчивость, бросил на доске в море красный колпак и несколько других безделиц; туземцы подхватили подарки и приняли их с радостью, но тотчас же отправились обратно к берегу, чтобы, как путешественники в последствии узнали, известить своего короля о прибытии иноземцев.

«Два часа спустя, — говорит Пигафетта, — мы увидели две *баланги* (большие суда островитян), наполненные людьми. Король был в самой большой из них под балдахинном, сделанным из циновок. Когда он подошёл к нам, невольник приветствовал его и король понял приветствие, потому что владельцы здешних островов обыкновенно говорят на нескольких языках. Он приказал некоторым из своих людей подняться к нам на судно, но сам остался в своей баланге и, как только люди его возвратились, тотчас уехал.

Наш генерал принял очень приветливо тех, которые взошли к нам на палубу и раздал им подарки. Король, узнав о том, тотчас прислал Магеллану золотой слиток и корзину с имбирём, но начальник ваш, изъявив

полную признательность за эти подарки, отказался однако же принять их. Вечером эскадра остановилась вблизи королевского дворца.

На другой день, 25 числа, генерал послал на берег невольника, служившего нам переводчиком, сказать королю, что если он может прислать нам провизии, так мы заплатим за неё хорошо, и уверить его в то же время, что мы пришли не с враждебными намерениями, но хотим быть его друзьями. Тогда король сам явился на нашей шлюпке с своими шестью главными подчинёнными; он обнял генерала и предложил ему в подарок несколько фарфоровых ваз с рисом, покрытых листьями, два куска золота, довольно большие, и разные другие предметы. Магеллан с своей стороны подарил ему кафтан из красного и жёлтого сукна и красный колпак. Подчинённые его также не были забыты; одни получили зеркала, другие — ножи. Потом генерал велел подать завтрак и объяснил королю через толмача, что он хочет жить с ним, как с братом, что чрезвычайно обрадовало дикаря.

После этого ему показали сукна разных цветов, полотна, кораллы и другие товары, также как и все огнестрельные оружия, даже и пушки, выстрелы из которых очень напугали островитян. Один испанец надел на себя полное вооружение и латы, а другие трое стали наносить ему удары шпагами и кинжалами, чтобы доказать королю, что воин, вооружённый таким образом, не может получить ран. Это очень удивило короля; обернувшись к переводчику, он велел сказать генералу, что у приезжих один человек в состоянии защищаться против ста. — Да, — отвечал Магеллан, — и у меня на каждом из трёх кораблей двести таких воинов. — Потом король рассматривал отдельно все части вооружения, причём ему объясняли и назначение их».

Магеллан, как видно из этого, отступил от истины, показав число людей, состоявших под его начальством гораздо больше, чем оно было на самом деле; тогда у него и на всей эскадре оставалось не более двухсот человек. Если рассказ Пигафетты справедлив, то надобно думать, что преувеличенное показание сил Магеллан употребил для того, чтобы заранее отнять у короля желание напасть на его корабли. Это была благоразумная мера предосторожности.

«Затем, — продолжает Пигафетта, — капитан повёл короля на корму и, приказав принести карту и компас, объяснил островитянину, через переводчика, каким образом нашли испанцы пролив, посредством которого прибыли в это море и сколько месяцев находились они в пути, не видя берегов.

Король, очень удивлённый всем, что видел и слышал, простился с капитаном, прося его отпустить на остров двух европейцев осмотреть некоторые редкости, находящиеся в его владениях. Капитан назначил для этого меня и ещё одного из наших спутников.

Выйдя на берег, король поднял руки к небу и потом обернулся к нам; мы и все сопровождавшие короля сделали тоже самое. Тогда король взял за руку меня, а один из его придворных моего товарища, и в таком порядке мы отправились под тростниковый навес, под которым хранилась баланга короля, имевшая около пятидесяти футов длины и снаружи походившая на галеру. Мы уселись на корме её и начали разговор посредством знаков, потому что переводчика с нами не было. Придворные короля окружили нас, стоя и держа в руках копья и щиты.

Началось угощение; нам подали блюдо из свинины и полную кружку вина. При каждом куске мяса мы выпивали чашку вина и если не опоражнивали её досуха, чего впрочем почти и не случалось, то остатки выливали в другой кувшин. Чашка короля была постоянно закрыта и никто не прикасался к ней, кроме его и меня. Каждый раз перед питьём король поднимал руки к небу, повёртывался к нам и, взявшись за чашку правой рукою, левую протягивал ко мне, сжавши в кулак, так что в первый раз, когда он совершил эту церемонию, я ожидал получить тумака. В такой позиции он сидел, пока пил. Заметив, что все ему подражают, я стал делать тоже и принуждён был есть с островитянами свинину, хотя это было в страстную пятницу.

В ожидании ужина я представил королю несколько вещей, которые привёз с собою, и спрашивал, как называются разные предметы на языке островитян. Дикари были очень удивлены, когда увидели, что я записываю эти названия.

За ужином нам подали два большие фарфоровые блюда: на одном был варёный рис, на другом жареная свинина. Те же церемонии соблюдались за ужином, как и при закуске. Потом пошли в королевский дворец, походивший снаружи на копну сена. Он покрыт банановыми листьями и поддерживается четырьмя толстыми брусьями. Входить в него надобно по лестнице.

Король посадил нас на тростниковых циновках; мы должны были поджать ноги, как портные. Через полчаса принесли блюдо жареной рыбы, свежесобранного имбиря и вина. Старший сын короля пришёл и сел рядом с нами. Тогда мы с ними стали есть рыбу и варёный рис. Испанец, мой товарищ, пил так много, что сделался пьян.

Свечи у дикарей приготавливаются из особенного рода смолы¹, обёрнутой в пальмовые или банановые листья.

Король, показав нам знаками, что хочет спать, ушёл, а мы остались с его сыном, с которым и спали вместе на тростниковых циновках, положив под головы подушки, сделанные из древесных листьев.

На другой день утром король явился к нам, взял меня за руку и повёл завтракать туда же, где мы вчера ужинали; но в это время приехала за мной шлюпка и я, извинившись перед владельцем острова, отправился с моим товарищем обратно на корабль. Король был в очень хорошем расположении духа; он поцеловал наши руки и дал нам поцеловать свои. Брат его, владелец другого острова, поехал вместе с нами, сопровождаемый свитой из трёх человек. Капитан наш подарил ему несколько мелочей и оставил его у себя обедать.

Этот король рассказывал нам, что на его острове находят куски золота, величиною в орех и даже в яйцо; они перемешаны обыкновенно с землёй, которую просеивают; по словам владельца, все его сосуды и даже все его украшения в доме сделаны из золота. Король был одет очень опрятно в костюм своей страны; я решительно не видал ещё ни одного такого красивого дикаря, как он. Чёрные волосы его падали на плечи, шёлковое покрывало надето было на голове, а в ушах висели золотые кольца. От пояса до колен он был покрыт хлопчатобумажной материей, вышитой шёлком; с боку у него висело оружие в роде шпаги или кинжала с золотой рукояткой, довольно длинной; ножны сделаны были очень искусно из дерева. На каждом из зубов его виднелись три золотые пятна, так что все они как будто были соединены этим металлом.

Постоянное его местопребывание — остров, на котором лежат земли «Бутуано» и «Калагана», но когда два короля имеют надобность посоветоваться, они съезжаются на острове Массана, у которого мы тогда были. Первый владелец называется раджа *Коламбу*, а второй — раджа *Сиагу*.

В день Светлого воскресенья наш капитан отправил на остров священника с несколькими матросами, чтобы приготовить всё необходимое для обедни; в то же время он послал переводчика объявить королю, что явился на берег не для того, чтобы обедать с ним, но чтобы исполнить церковную службу по обрядам нашей религии. Король одобрил наше намерение и прислал нам двух заколотых свиней.

---

¹ Называемой туземцами *амине* (*Hymenaea Courbaril* Linn.).

Мы вышли на берег в числе пятидесяти человек, слегка вооружённые и одетые как можно было лучше. Когда наши шлюпки пристали к берегу, с кораблей сделали шесть выстрелов в знак мира. Оба короля, вышедшие нам навстречу, обняли капитана и поместили его между собою. Потом мы отправились в то место, где назначено было служить обедню; оно было не очень удалено от берега.

После обедни начальник наш велел принести большой крест, украшенный гвоздями и терновым венцом; мы пали перед ним на землю и дикари тоже из подражания нам. Тогда капитан через переводчика сказал королю, что этот есть знамя, полученное им от своего государя с тем, чтобы водружать во всех странах, к которым корабли его будут приставать, и что поэтому он водрузить его и на здешнем острове. При том, сказал капитан, этот символ будет для вас благоприятен: все странствователи, увидев его, поймут, что мы были приняты вами, как друзья, и не сделают вам никакого зла; если же кто-нибудь из вас случайно попадёт в плен на прибывший сюда корабль, то пусть только покажет крест и его сей час же освободят. Затем капитан говорил, что крест надобно поставить на самом возвышенном месте острова, видном со всех сторон, что каждое утро следует приходить молиться ему и тогда ни гром ни бури не сделают островитянам никакого вреда. Оба короля, проникнутые убеждением, которым дышала речь начальника, поручили переводчику сказать ему, что они с удовольствием исполнят его желания.

Когда мы спросили дикарей, какой они держатся религии, маврской или языческой, они отвечали, что не поклоняются никакому земному предмету, но, подняв руки к небу, островитяне объяснили нам, что молятся верховному существу, называемому *абба*; этот ответ очень обрадовал капитана. Тогда раджа Коламбу, подняв руки к небу, сказал, что он желал бы чем-нибудь доказать нам своё расположение. Мы спросили, отчего мало припасов на его острове? — Это потому, отвечал он, что я не живу постоянно здесь; я сюда прихожу или для охоты или для совещаний с братом, а резиденция моя и моего семейства на другом острове.

Капитан объявил королю, что если у него есть враги, испанцы охотно присоединятся к его войскам, чтобы доставить ему победу. Владелец сказал, что он действительно находится в войне с жителями двух островов, но что теперь не время нападать на них и поблагодарил капитана. После полудня крест был водружён на вершине горы; праздник окончился стрельбою; король и капитан поцеловались и пошли на корабли, причём нам пришлось проходить обработанными полями. Капитан

спрашивал, есть ли в окрестности удобная гавань, в которой можно было бы запастись свежими припасами и продавать товары. Ему отвечали, что таких три: Лейте, Зебу и Калагнан (или Карагуа, на острове Минданао), но Зебу — самый лучший из них. Островитяне предложили лоцманов, чтобы отвести туда наши корабли, и капитан назначил отплытие на завтра. Он предложил королю заложников, которые должны были оставаться на острове до возвращения лоцманов в отечество. Король согласился и принял предложение.

1-го апреля, утром, мы хотели уже поднимать якорь, как вдруг король Коламбу прислал сказать нам, что он сам согласен быть нашим лоцманом, если только мы подождём, пока он кончит жатву ржи и других произведений земли; в тоже время он просил капитана прислать ему в помощь людей, чтобы ускорить работы. Капитан исполнил его желание, но оба владельца так много ели и пили накануне, что, или от нездоровья или просто от неумеренного питья, они не были в состоянии ничем распорядиться и наши люди остались без занятия. Следующие два дня все работали усердно и жатва была кончена.

Мы провели в Массане семь дней. Островитяне раскрашивают себе тело и ходят нагие, подвязывая только около пояса кусок материи. Женщины здесь носят юбки из древесной коры, которые ниспадают от пояса до пят. Чёрные волосы их иногда так длинны, что касаются до земли. Уши у всех проколоты и украшены золотыми кольцами и подвесками. Эти островитяне большие пьяницы и имеют привычку жевать один плод, называемый «арека» и очень похожий на грушу; они разрезают его на четыре части и, посыпав известью, завёртывают их в листья дерева *бетре* (бетель, *Piper Sisiboa*, Linn.), весьма схожие с листьями шелковицы (тутового дерева). Пожевав несколько времени плод, дикари выплёвывают его и тогда у них весь рот делается красным. Они уверяют, что такое жевание освежает им сердце; говорят даже, что они умерли бы, если б вздумали отказаться от своей жвачки¹.»

В таком положении нашёл Магеллан этот архипелаг, и он ещё по сие время не изменил своей первобытной физиономии. Золото Испанцы нашли здесь в изобилии. Однажды Магеллан имел случай удостовериться, в какой мере этот металл ценится островитянами. Дикарь принёс большое блюдо риса и несколько смокв; Магеллан предложил ему две-три золотые монеты, но дикарь не принял их и потребовал нож.

---

¹ У дикарей жевание бетеля составляет такую же страсть, как у европейцев курение табака.

Другой островитянин принёс довольно большую, массивную полосу золота и с радостью променял её на несколько ниток стеклянных бус. Узнав об этом, Магеллан однако же строго запретил своим людям производить такую меновую торговлю из предосторожности, чтобы островитяне не заметили, что испанцы ценят золото выше своего стекляруса и других подобных предметов.

Снявшись с якоря, эскадра Магеллана отправилась по направлению к юго-востоку (по словам Пигафетты) и вскоре пробежала острова *Богаль*, *Кандиган*, *Баябай* и *Гатиган*. 7 апреля она вошла в гавань острова *Зебу*, удалённого от Гатигана на расстояние пятнадцати миль. Испанские корабли проходили мимо многих селений, в которых дома были построены на деревьях. Когда же суда приблизились к городу, генерал-капитан приказал расцветиться флагами и сделать залп из всех орудий, что чрезвычайно перепугало островитян.

Затем начальник эскадры отправил одного молодого человека, который состоял при нём для изучения морского искусства, на берег, в качестве посла к королю, чтобы объявить ему при помощи переводчика, также с ним отправленного на берег, что цель прибытия его к острову миролюбивая. Когда посольство Магеллана съехало на берег, оно заметило короля, окружённого многочисленной толпой, испуганной громовым залпом орудий. Переводчик заботливо старался успокоить короля, говоря ему, что это обычай испанцев приветствовать пальбою чужеземных владетелей, который служит залогом дружбы и миролюбивых намерений, с которыми капитан эскадры явился перед его островом.

Тогда король приказал спросить посла, что заставило его капитана остановиться именно перед его островом и чего он желает от него? Испанцы отвечали ему, что начальник их, командующий эскадрой, состоит в службе величайшего в мире короля и зашёл сюда на пути к Молуккским островам, что генерал их, по прекрасному отзыву о нём соседнего короля, владетеля Массана, у которого он останавливался с эскадрой и который не мог нахвалиться соединением многих похвальных и добрых качеств короля Зебу, счёл приятным долгом сделать ему визит и с тем вместе завестись у него некоторыми припасами, в обмен на его товары.

На это испанцы получили в ответ, что владетель Зебу рад гостям и приветствует их, но торговать без платы пошлины не дозволит, что у него уж порядок такой, от которого он не отступит и в этом случае, и,

как бы в доказательство справедливости слов своих, приказал присовокупить, что ещё третьего дня к нему приходила сиамская джонка за золотом и невольниками, с которой он также получил определённую плату за право торговать в его владениях.

Переводчик по приказанию посла отвечал, что капитан его, генерал такого великого короля, который никакому королю в мире не согласится платить пошлины; если король Зебу желает быть в дружеских отношениях к испанцам, то и они со своей стороны будут поддерживать дружбу; если же король хочет войны — эскадра генерала готова отражать нападения и наказывать оскорбления, наносимые её флагу.

После таких слов владетель острова Зебу призадумался. В то время к нему подошёл сиамский купец, прибывший на остров по торговым делам, и сказал ему на своём наречии: «Будь осмотрителен, король! Эти люди (он счёл их за португальцев) того племени, которое завоевало Каликут, Малакку и другие большие острова». Переводчик Магеллана понял, о чём говорил королю купец и прибавил:

— Наш король гораздо могущественнее короля Португальского, о котором владетелю Зебу говорит купец; если бы он не хотел быть другом твоим, то прислал бы к тебе столько судов и вооружённых солдат, что легко мог бы разорить весь остров. — подтвердил сиамец справедливость слов переводчика, что совершенно привело короля в замешательство. Он приказал сказать послу, что завтрашний день утром даст положительный ответ, а теперь пойдёт посоветоваться со своими приближёнными. Между тем по распоряжению короля посла и переводчика накормили завтраком.

Когда на эскадре узнали об ответе владетеля Зебу, король Массана немедленно поехал сам на берег и рассказал королю, что Магеллан, генерал эскадры, человек миролюбивый и ни с кем не желает ссориться, а зашёл к нему за припасами, в которых имеет недостаток.

После таких убеждений старшего по себе владетеля, король Зебу объявил Магеллану, что он не только не желает получить с него пошлину за право вести торговлю в его земле, но даже готов подчиниться его королю платою ежегодной подати. Магеллан отвечал, что он не требует от него никакой платы, но желает лишь пользоваться правом свободной торговли в его владениях. После таких объяснений, по обычаю островитян совершенно было изъявление дружбы договаривавшихся, что происходило с большими церемониями. Магеллан представил после того все выгоды, какие извлекут островитяне Зебу от дружеского союза

с такой державой, какова в то время была Испания, и незаметно, обратил разговор в беседу религиозную, стараясь поселить в островитянах любовь к христианской вере и благоговейное к ней почитание. Он пояснял им некоторые места Священного Писания и в короткое время возбуждал в дикарях пламенное желание быть посвящёнными в учение христианской религии. Островитяне, вникая в благочестивые размышления Магеллана, не могли скрыть восторга, постоянно в них возраставшего, и тронутый португалец прослезился, обнимал и целовал каждого по одиночке. Так мы везде встречаем убедительные доказательства того религиозного настроения Магеллана, с которым он постоянно обращал идолопоклонников к пастве Зиждителя Вселенной.

Когда Пигафетта, в сопровождении ещё нескольких испанцев, был отправлен к владельцу Зебу с разными подарками от генерал-капитана эскадры, он нашёл короля во дворце, около которого теснилась значительная толпа островитян. Владелец Зебу принял послов с дарами ласково; он сидел на полу, устланном ковром, на пальмовых листьях, и был почти не одет, как и другие стоявшие около него дикари. Во время прихода к нему Пигафетты, он завтракал и запивал яства пальмовым вином, которое хранилось в фарфоровых кувшинах и было прикрыто листьями ароматических растений; в каждом кувшине находилась тростниковина, посредством которой широкоплечий и плотный владелец Зебу тянул лакомый для него нектар.

Испанские послы передали ему подарки начальника, которым он очень обрадовался. В числе их находились две стеклянные чаши, которые Пигафетта, передавая королю, поцеловал и некоторое время держал над головою. Приняв их, владелец Зебу исполнил тоже самое. Затем он пригласил послов присесть и позавтракать с ним.

Пока испанцы удовлетворяли своему аппетиту, те из островитян, которые были на кораблях Магеллана, стали сообщать наперебой владельцу своему подробности приёма, оказанного им чужеземцами. После того племянник владельца повёл прибывших послов в собственный дом, в котором они встретили четырёх девушек-музыкантов, игравших на разных инструментах, употребительных в их стране. Одна из виртуозок немилосердно колотила в барабан наподобие европейского; другая упражнялась на литаврах; третья била в цимбалы, а четвёртая производила подобный же оглушительный шум на каком-то особом роде инструменте. Впрочем, музыканты соблюдали условия такта, так что

испанцы были даже удивлены познаниями островитян в музыке. «Литавры, — говорит Пигафетта, — отлиты из какого-то металла, кажется из бронзы, и приготавливаются в стране *Sign' Magno* (*Синус Магнус* Птолемея, т. е. Китайский залив), где они служат вместо колоколов и называются *агон*. Здешние островитяне употребляют также инструмент, который очень похож на европейскую скрипку, но только с медными струнами.

Артистки-девушки были очень хороши собою и почти так же белы, как европейки. Они были совершенно нагие и только некоторые из них имели грубые юбки, приготовленные из волокон древесной коры. Чёрные волосы этих девушек прикрывались особого рода убором, чрезвычайно красивым для их молоденьких лиц. В ушах были пробиты огромные дырья, в которых висели не серьги, а просто деревянные обручи».

После таких ласковых приёмов, исполненных с обеих сторон, испанцы пожелали приступить к меновой торговле; владетель Зебу согласился на предложение европейцев и отвёл им большое помещение для складки товаров, приняв этот магазин, как и оставшихся при нём четырёх испанцев под личное своё покровительство. «Этот народ, — говорит Пигафетта, — уважает справедливость и имеет для продажи разного рода произведений *меру* и *вес*. Весы островитян подобны нашим: с одной стороны коромысла привешена чашка, а на другой соразмерный противовес, к которому прицепляют определённые тяжести. Кроме того они имеют ещё *меру длины, жидкостей и сыпучих тел*.

Обитатели этих островов большие любители удовольствий и ведут самую праздную жизнь. Кроме описанных мною музыкальных инструментов они имеют ещё один, наподобие нашей волынки, который называют на своём языке *субин*.

Строения островитян составлены из досок, балок и тростника и внутренним распределением покоев почти также устроены, как наши европейские дома. Дикари сооружают свои жилища на столбах так, что всё нижнее пространство между зданием и землёю удобно превращается в хлева, в которых они держат свиней, как и разных домашних птиц».

Торговля испанцев производилась успешно. Островитяне изумлялись до смешного, когда увидели пред собою соблазнительные для них безделицы европейской промышленности. За медь, железо и другие производительности природы, дикари давали металл благородный —

золото. Рис, свиней, как и другие жизненные припасы испанцы выменивали на пустые предметы роскоши. За четырнадцать фунтов железа они получали от дикарей десять крупинок золота, ценность которых, каждой отдельно, равнялась червонцу и получервонцу. Узнав об этом, Магеллан снова запретил своим подчинённым слишком выказывать страсть европейцев к золоту; это он сделал сколько из предосторожности, чтоб дикари не обратили внимание на алчность чужеземцев и не придали бы большей ценности металлу, столько и потому, чтобы матросы не продали с себя всё, что на них было, и тем не содействовали бы дурному влиянию, которым вся выгодная торговля испанцев могла бы со временем уничтожиться.

Между тем как подчинённые Магеллана усердно занимались торговлей, сам он короче и ближе сошёлся с владельцем Зебу, который, много наслышавшись от него о религии христиан, впоследствии изъявил ему желание принять св. Крещение. Такое похвальное намерение островитянина, главы всех других ему подчинённых дикарей, благочестивый португалец одобрил и объяснил ему всю важность его стремления, если оно вызвано у него не какими-нибудь суетными видами на приобретение от того выгод, а искренним убеждением в благость христианской религии. Король в свою очередь спешил убедить португальца, что его побуждает к тому не приобретение выгод, а утешительные поучения христианской веры. Тогда Магеллан согласился на просьбу владельца Зебу и проповедник эскадры наименовал новокрещённого *Карлосом*¹, по имени короля Карла V.

Одновременно с Карлосом приняли христианскую религию королева, наименованная при крещении *Иоганной*, и сорок дев, состоявших в её свите.

Королева Иоганна была стройная, красивая женщина. Небольшая шляпка конической формы из пальмовых листьев чрезвычайно драпировала её миленькое личико, которое было слегка нарумянено, также как губы и ногти. Она увидела у одного испанца изображение Пресвятой Девы со Спасителем на руках, и убедительно стала просить, когда ей объяснили значение изображения, чтоб ей подарили его. Испанец не отказал в просьбе и согласился на уступку².

---

¹ До того времени владелец Зебу назывался раджой Гумабон.

² Спустя 77 лет, когда в 1598 году испанцы пришли на Зебу в сопровождении многих миссионеров, они нашли это изображение в совершенной сохранности и назвали потому город, который вскоре затем построили, «Градом Иисуса».

Королева Иоганна любила наряжаться и гуляла по городу с большою пышностью. Перед нею всегда шли три девушки, которые несли в руках по шляпке своей повелительницы. Сама она постоянно была одета в белом и чёрном цветах, а голову убирала прозрачным шарфом, шитым золотом и ниспадавшим до плеч. За нею следовала толпа женщин, по большей части не одетых, босых и с распущенными волосами. Иоганна была приветлива с народом и советовала многим из приближённых своих последовать её примеру и обратиться к христианской религии. Зебуский Дон-Карлос действовал так же, сколько по внутреннему убеждению, столько же и по примеру своей супруги, и в короткое время из числа островитян приняло христианскую веру более 800 человек. Такое благочестивое начало к просвещению радовало Магеллана, тем более, что оно не было побуждаемо испанцами ни насильственно, ни поощряемо к тому какими-нибудь суетными предложениями выгод. В этом отношении островитянам была предоставлена полная свобода и каждый действовал по собственному убеждению. Однако ж, когда Магеллан заметил, что некоторые островитяне продолжали приносить жертвы своим истуканам, он не в шутку рассердился и стал настоятельно требовать, чтобы они тотчас сожгли своих идолов. Дикари извинялись перед ним и в простоте своей объявили, что такое жертвоприношение с их стороны совершено с тем исключительным намерением, чтобы умиливать идолов, которых просили о восстановлении здоровья брата Дона Карлоса. Выслушав это оправдание, Магеллан отправился к больному, пользовал его медицинскими средствами, уговаривал обратиться к Господу нашему Иисусу Христу, который избавит его от мучительного недуга, и дикарь изъявил желание принять крещение, чему последовали жена его и десять девушек, которые состояли при ней в свите. Не прошло двух-трёх дней, как больному стало гораздо легче, а через неделю он уже бодро гулял по городу, прославляя христианскую веру и вознося к небу тёплые молитвы. Такое чудо, совершённое благостью Провидения, сильно подействовало на островитян; они тотчас же устремились к идолам, уничтожили их в прах и последовали примеру своих старейшин.

«Идолы здешних островитян, — говорит Пигафетта, — сделаны по большей части из дерева, и все почти изнутри выдолблены. Ноги и руки этих смешных изображений раздвинуты в беспорядке в разные стороны, вероятно, по произволу художника, их делавшего. Лица идолов

несоразмерно велики против туловища; в челюстях вставлены огромные зубы, наподобие кабаньих. Все эти чудовища по большей части выкрашены.

При похоронах старейшин у здешних островитян соблюдались большие церемонии. Знатнейшие женщины острова собирались в комнату покойника, посередине которой помещался ящик или гроб усопшего. Он украшался пальмовыми ветвями (прикреплёнными по углам ящика), от вершин которых протягивались бечёвки так, что навешанными на них бумажными платками они составляли балдахин, под которым садились женщины, укутанные в белые платки. При каждой женщине стояла служанка, обязанность которой состояла в том, чтобы охлаживать своих господ пальмовым опахалом. Между тем одна из среды этих знатных островитянок мало-помалу начинала обрезать покойнику волосы, а другая, которая была знатнейшею супругою усопшего (потому что, невзирая на многожёнство, которое дозволялось у островитян, одна из них всегда пользовалась особенным первенством), соединяла руки покойного со своими и плакала горько-прегорько до тех пор, пока первая совершала обрезание волос; когда же обрезание прекращалось, первая жена покойника начинала петь. Таким образом эта церемония продолжалась попеременно несколько времени, после чего присутствовавшие бросали мирты, росный ладан и т. п. в огонь, расставленный по углам комнаты в великолепных фарфоровых сосудах. Эти церемонии продолжались от пяти до шести дней и столько же времени, стало быть, держали покойника в доме. Для предохранения тела его от тления, островитяне бальзамируют покойников камфорою, а по совершении обряда погребения заколачивают ящик деревянными гвоздями и относят его на могилу, где охраняют в особо устроенном месте, тщательно заколоченном досками. Островитяне рассказывали нам, что всякий раз, когда умирает на острове какой-нибудь знатный из них, в полночную тишину является над домом умершего большая чёрная птица в роде ворона и каркает самым жалобным тоном; собаки вторят этому крику заунывным и общим воем, что продолжается будто бы от пяти до шести часов. Когда мы расспрашивали дикарей о причине такого явления, они не могли нам сказать на этот счёт ничего положительного».

Пользуясь всеобщим уважением и дружбой островитян, Магеллан мог надеяться на счастливое окончание своего путешествия. Однако ж, к несчастью, вышло иначе: пылкий характер его поставил эскадру в

весьма затруднительное положение, разрешившееся для него самого очень трагически.

Близ Зебу находится островок *Мáтан* и порт того же имени. 26 апреля один из двух владельцев этого острова¹, на котором испанцы уже сожгли деревню, прислал к Магеллану своего сына с объявлением, что другой владелец (Килапулапу) не признаёт власти испанского короля и препятствует ему исполнять всё то, что обещал он капитану; при этом владелец просил также помощи у испанцев, чтоб наказать неприятеля. Магеллан послал сказать в ответ, что он сожжёт все деревни островитян, если начальник их не заплатит ему подати. «Пусть начинает, — сказал дикарь, — я жду его». Тогда Магеллан приказал вооружить три бота и отправился на них с шестьюдесятью хорошо вооружёнными матросами², не слушая никаких просьб его подчинённых. В особенности Серрано старался ему представить всю опасность его смелого предприятия. «Какую личную для вас пользу, — говорил он Магеллану, — может принести участие в стычке с дикарями? Кроме того, примите на вид, что эскадра наша довольно в плохом состоянии, так что для овладения ею не понадобится больших сил. Впрочем, если желание ваше помочь дикарю так непреодолимо, то пошлите кого-нибудь из нас на место себя; к чему вам именно подвергать жизнь опасности? Вы наш начальник и потому должны беречь себя для нас же. Послушайтесь совета, генерал, не ездите сами».

Но Магеллан не исполнил совета и в полночь отправился в путь. Думал ли он уезжая, что ему не придётся более возвратиться на свою эскадру, с которою свершил столь великий и славный подвиг!

За ним последовало несколько старейшин острова Зебу, даже сам Дон-Карлос; все они помещались в больших балангах. Часа за три до рассвета экспедиция благополучно прибыла на остров Матан. Магеллан ещё раз послал предложить неприятелю мир, однако же с условием, чтобы он подчинился испанскому правительству. Но Килапулапу решительно отказался от такого рода сделок и прислал генералу ответ, что он в силах отразить нежданное нападение испанцев и готов сразиться, когда получит подкрепление, которого с часу на час ожидает. Дон-Карлос предупредил однако же Магеллана о хитрости, которая скрывалась в этих словах и которой, быть может, испанцы действительно бы могли

---

¹ Его звали *Зула*, а другого *Килапулапу*.

² Все в панцирях и шишаках.

быть обмануты. Дело в том, как говорил Магеллану Дон-Карлос, что Килапулапу, пользуясь темнотой, хочет их заманить в западню: он приготовил рвы, расположив их поперёк направления, которое необходимо принять отсюда к селениям, и полагает, что второпях, как может быть начальник испанцев бросится к нему на приступ при известии о малочисленности его воинов и ещё неподоспевшем подкреплении, не заметит в ночной темноте хитрости дикаря и обрушится со всеми военными силами в эти рвы, в которых островитянам будет уже очень удобно перестрелять европейцев как галок.

Поэтому Магеллан дождался рассвета и тогда уже высадил свой десант. Дон Карлос хотел сопутствовать ему, но отважный воин, герой многих битв, не хотел допустить такого самопожертвования и приказал ему, как и всем находившимся при нём старейшинам, не трогаться с места и отнюдь не оставлять своей баланги, а любоваться с неё испанским способом фехтования. Но генерал не знал, что его ожидало на берегу; мы услышим об этом от Пигафетты:

«Мы соскочили по колени в воду, потому что шлюпки не могли подойти к берегу, усеянному подводными камнями и отмелями. Нас было всего сорок девять человек; одиннадцать остались стеречь гребные суда и, в случае нужды, действовать с них фалконетами. Путешествие наше до берега было довольно продолжительным.

Мы отправились прямо к деревне, где не нашли никого из жителей, но едва успели мы зажечь дома, как вдруг отряд из пяти сот островитян ударил на нас с одного фланга. Мы стали отбивать нападение, но в то же время другой отряд показался с противоположной стороны, а третий явился перед нами. Дикари кинулись на нас, испуская страшные вопли. Положение наше сделалось затруднительно, и потому Магеллан должен был разделить наше малочисленное войско на два отряда; мы били дикарей так усердно, как только могли, но и они сражались с невероятным ожесточением; раны, получаемые ими, казалось ещё увеличивали их бешенство. Рассчитывая и крепко надеясь на превосходство сил, они осыпали нас градом тростниковых копий, камней, кольев, так что нам трудно было и защищаться. Отравленная стрела попала в ногу капитану.

Сражение продолжалось большую часть дня; у стрелков не было уже ни пороха для ружей, ни стрел для луков. Туземцы теснили нас всё более и более. Заметив, что их удары, направленные нам в головы или в торсы, не наносили вреда, дикари стали пускать копья и камни нам в ноги, и в

таком множестве, что мы едва стояли на них. Фалконеты на ботах не могли принести нам никакой пользы, потому что мелководье не позволяло судам подойти достаточно близко к берегу.

Капитан, видя наше в самом деле критическое положение, приказал отступить, но в стройном порядке. Мы стали ретироваться, продолжая отбивать наших освирепевших дикарей. Шлюпки были уже от нас не далее как на расстоянии выстрела из лука; мы шли по колени в воде, но островитяне следовали за нами неотступно; они поднимали свои копья и бросали одни и те же до шести раз. Зная очень хорошо нашего капитана, они преимущественно против него направляли свои удары и два раза сшибали с него шишак. Однако же он не уступал, и мы, столпившись около него, продолжали сражаться¹. Такой неравный бой продолжался около часу. Наконец, одному островитянину удалось попасть копьем прямо в лоб капитану; раненый пронзил дикаря своим насквозь, но ударил так сильно, что копье осталось в теле убитого. Магеллан хотел обнажить шпагу, но не мог исполнить желания, потому что получил жестокую рану в правую руку. Дикари скоро заметили, что он не может защищаться и бросились на него; один островитянин нанёс ему такой сильный удар по левой ноге, что капитан тотчас упал лицом к земле и сделался жертвой копий туземцев. Таким образом погиб наш вождь, наше светило, наша опора!..

Упав наземь и видя, что ему нет никакой возможности защищаться от такого множества неприятелей, капитан несколько раз оборачивался в нашу сторону, чтобы видеть, спаслись ли мы. Мы все были переранены и не имели силы ни помочь начальнику, ни отмстить за него, и потому поспешили забраться в шлюпки и удалиться. Спасением своим мы обязаны были всё-таки убитому начальнику и успели уйти только потому, что островитяне толпились около того места, где он упал.

Это печальное для нас событие происходило 27 апреля 1521 года, в субботу, день выбранный именно для того капитаном, потому что он всегда почитал его священным и наиболее лёгким и счастливым для

---

¹ Кажется, рыцарь Пигафетта грешит в этих словах против истины. Когда Магеллан, заметив явную невозможность держаться против такого несметного полчища дикарей, сравнительно с его горстью воинов, приказал ретироваться, и как сам же Пигафетта говорит, в стройном порядке, испуганные отчаянным натиском островитян, испанцы не оказали должного послушания опытному в боях герою и с малым исключением почти все обратились в бегство, так что около Магеллана осталось всего до восьми человек подручных, с которыми он мужественно, с блистательною стойкостью воина продолжал отступление, покинутый большинством подчинённых. Ниже Пигафетта как бы сам намекает об этом.

своих предприятий. Восемь человек из наших людей и четыре крещёных индейца погибли вместе с ним; остальные возвратились израненные на корабли. Люди, находившиеся на шлюпках, хотели помочь нам выстрелами из фалконетов, но, находясь на слишком далёком расстоянии от поля нашего действия, они больше наделали вреда нам, чем неприятелю, который, однако же, потерял пятнадцать человек одними убитыми.»

Зебуский Дон-Карлос, повинуясь приказанию Магеллана, не оставял баланги; но когда увидел, что истинный друг его пал под ударами несметного числа копий, он заплакал горькими слезами и немедленно поспешил на помощь к остальным испанцам, что сделал весьма кстати, прикрывая своими людьми ретировавшихся европейцев.

Так погиб Магеллан, герой и один из величайших мужей своего века! Среди многих опасностей, битв и лишений он был всегда первый, первый по неустрашимому духу и непоколебимой твёрдости характера. Кончина его чрезвычайно опечалила экипажи кораблей; они грустили тем более, что не могли даже отдать бранным останкам вождя своего должные почести. Владетель Зебу, с согласия испанцев, послал нарочного сказать жителям Матана, что если они выдадут тела убитых европейцев и в особенности их начальника, то получат такие товары, какие пожелают иметь. Но матанцы прислали в ответ, что они ни за что не отдадут трупа такого человека, каков был Магеллан, что они намерены сохранить его останки, как памятник победы над сильным вождём. Таким образом труп героя остался в руках дикарей и лишён был почёта утешительного религиозного обряда.

«Но, — восклицает Пигафетта, — слава Магеллана не умрёт! Он был украшен всеми добродетелями и в самых величайших бедствиях обнаруживал непоколебимую твёрдость духа. В море он подвергал себя гораздо большим лишениям, чем кто-либо из экипажа. Превосходя всех в знании мореходных карт, он владел в совершенстве искусством мореплавания и доказал это на деле, совершив путешествие вокруг света, чего никто до него не отважился предпринять¹».

Совершенно справедливо. Магеллан кончил своё жизненное прище уже по исполнении великого предприятия, следовательно *славным победителем*. Он довёл эскадру именно до того предела, которого

---

¹ Да и после него не скоро решились повторить попытку: прошло почти столетия, пока тем же путём совершили вторую экспедицию. Ею начальствовал *Франц Дрейк* (Drake), англичанин.

европейцы достигали восточным путём. Совершением такого незабвенного для потомства подвига, он обязан сколько гению своему, столько же и уменью достигать большего влияния на окружавших его; твёрдость характера этого замечательного моряка особенно видна в тех многочисленных случаях, когда он только смелостью выходил из весьма затруднительных обстоятельств и щекотливых положений. В поступках его временно проглядывает жестокость, но вероятно он умел же чем-нибудь привязывать к себе людей, когда те по большей части были на его стороне во время частых и многих беспорядков, происходивших на других судах его эскадры, когда она находилась ещё по ту сторону Америки и только лишь приближалась к Магелланову проливу. Во всяком случае нельзя, однако же, не пожалеть, что судьба не предопределила ему насладиться плодами своих деяний и не позволила лично самому привезти в Европу то славное известие — выше которого не изобрести бы в то время никакому уму человеческому. Смерть лишила великого мужа этой отрады; она оторвала его от земного бытия в то время, когда гениальный человек только что начинал жить умственной жизнью. Но, как знать: пути Господа неисповедимы! Быть может, премудрость Творца отозвала его на вечное житие с тою целью, чтоб не омрачать чела его людскою неблагодарностью. Быть может даже благодать Божия избавила его от оков Колумба!..

Скорбя о потере столь знаменитого начальника, осиротевшие испанцы Магеллановой эскадры избрали на его место *Дуарта Барбозу* (португальца, бывавшего в Индии и на Молуккских островах и представившего о похождениях своих весьма интересное описание) и *Хуана Серрано*, родом испанца.

Меновая торговля на берегу была прекращена и оставшиеся товары перевезены на корабли. Но вскоре произошла измена, виновником которой был малаец, бывший невольник Магеллана. Озлобленный на Барбозу, он съехал на берег к королю Дону Карлосу и уговорил его завладеть для своего могущества кораблями злополучной эскадры. Алчность дикаря пробудилась в нём со всем ужасом её последствий. Он приказал просить новых начальников и прочих офицеров к обеду¹ и для торжественного вручения тех драгоценных подарков, которые будто бы обе-

---

¹ Я рассказываю это событие по словам Герреры, разработавшего его по официальным источникам, хранимый в испанских архивах. Рассказ Пигафетты несколько не согласуется с его повествованием.

щал Магеллану отправить с ним к королю Карлу V. Дуарте Барбоза собрал всех капитанов и объявил, что он обещал зебускому владельцу присутствовать на пиршестве, чтобы принять его дары и представить их с возвращением в Европу своему государю. Серрано советовал не съезжать с кораблей, говоря, что было бы даже вежливее, если б владелец Зебу лично привёз дары на эскадру, не упоминая уже об опасности оставлять корабли при настоящем положении дел. Барбоза отвечал, что он не видит в таком поступке никакой опасности и решительно едет на берег, приглашая охотников; но если Хуан Серрано боится чего-нибудь, он может спокойно остаться на корабле. Обиженный и сильно затронутый таким выражением, Серрано был из числа первых, которые соскочили в шлюпку, приготовленную для отправления на берег¹. Зебуский владелец встретил гостей, по обыкновению, ласково и расположился с ними под сенью пальм за трапезу. Но в то самое время, когда гости, решительно ничего не подозревая, с беспечностью предались дружеской беседе, из многих засад нагрянули изверги и передушили всех европейцев, за исключением Хуана Серрано, который особенным снисхождением и добротой своего сердца умел расположить к себе большинство дикарей. Трупы убитых островитяне приволокли к берегу и на глазах всей эскадры бросили их в море. Испанцы, находившиеся на кораблях, хотели было приняться за оружие и ободряли друг друга или умереть храбрыми воинами, или отмстить за коварную измену островитян. Но в то же время они заметили почти совершенно нагого Серрано со связанными руками, которого привели к берегу дикари; он объяснил сослуживцам своим об участии, постигшей их кровных братьев и со слезами просил выкупить его из рук извергов, которые согласны его выдать испанцам за два орудия, и потому убедительно просил исполнить желание дикарей, чтобы избавить его от неминуемой смерти². Но испанцы рассчитали, что оставаться долее у Зебу при общем восстании островитян им опасно, и потому немедленно снялись с якоря и ушли в море, оставив

---

¹ С ними съехал и астролог Сан-Мартино.

² Эту часть события Пигафетта рассказывает так: испанские корабли, заметив толпу островитян с трупами убитых европейцев, которые дикари бросали в воду, тотчас снялись с якоря и, подойдя к берегу, сделали несколько выстрелов из орудий. В это время показался на берегу Серрано, который просил прекратить действие артиллерии и выкупить его у дикарей какими-нибудь товарами. Но Хуан де Карвальо, зная, что по смерти обоих капитанов (из которых уже один был убит) начальство над эскадрой перейдёт к нему, не дозволил шлюпкам идти к берегу и подать погибавшему руку помощи. — Кому из них верить, очевидцу ли, или историку — не знаю.

Серрано в руках дикарей. Уходя они слышали оглушительный крик, доносившийся к ним из селения, почему заключили, что остервеневшие изверги упились кровью благородного испанца, павшего в руках дикарей невинной жертвой.

Печальная участь Серрано достойна особенного сожаления. Он был один из деятельнейших помощников Магеллана и, кажется, превосходил всех остальных товарищей обладанием здравого смысла. Даже в последних двух случаях, на исходе дней своей жизни, он выказал удивительную прозорливость, которая, как я думаю, не может быть названа только безотчётным предчувствием. Он советовал Магеллану не ездить на Матан, где начальник его преждевременно был отправлен в могилу; и теперь он советовал Дуарте Барбозу не вверяться островитянам после столь горького и печального для них происшествия, и был совершенно прав заключением, вызванным его дальновидностью.

Бежавшие от кровавых сцен испанские корабли расположились на якорь у острова *Бóголь*, лежащего в 18 милях от Зебу. Малочисленность экипажа, уменьшенного двумя последними происшествиями на 33 человека, заставила испанцев решиться сжечь один корабль («Консепсьон»), предварительно забрав с него всё годное для других судов. Таким распоряжением последние были укомплектованы людьми и состояли, по общему выбору, под управлением *Хуана Карвальо* (корабль «Тринидад») и *Гонзале Гомез д'Еспиноза* (корабль «Победа»). Первый из них был избран главноначальствующим отряда.

Продолжая плавание к юго-юго-западу, отряд заходил на остров *Бутуан* (как говорит Пигафетта, но из подробного описания его видно, что они останавливались у острова Минданао), от которого по принятому ими направлению они прибыли к довольно большому острову *Палаоану* (т. е. Пáлаван или Парáгоа?), на котором могли заpastись провизией, до того у них истощившеюся, что экипажи кораблей даже хотели оставить свои суда и поселиться с отчаяния на каком-нибудь плодородном острове. Под проводкою услужливого островитянина, отряд прибыл, наконец, на остров *Борнео*, который испанцы давно отыскивали. Здесь встретили их чрезвычайно ласково и миролюбиво; некоторые офицеры с эскадры, в качестве послов, представлялись тамошнему владельцу, который дозволил европейцам заpastись дровами, водою и производить на его острове какую им будет угодно торговлю. Но испанцы, сколько видно из слов Пигафетты, чем-то оскорбили жителей Борнео; они отважно атаковали европейские корабли на пирогах, но не

имели в том никакого успеха, потому что Карвальо, заметив нападение, тотчас снялся с якоря и ушёл в море. Он избрал обратный путь с целью остановиться у одного из виденных им островов, чтобы проконопатить корабли, которые стали оказывать значительную течь. Дорогой его отряд встретил четыре пироги, которые, тяжело нагруженные кокосами, шли к Борнео. Карвальо атаковал их; три пироги успели уйти, а четвёртая, оставленная людьми, которые нашли спасение в бегстве на небольшой островок), сделалась добычей испанцев. Затем корабли отряда прибыли без особенных приключений на небольшой необитаемый островок, на котором открыли преудобную гаваньку, и в ней ревностно принялись за исправление своих судов, которое продолжалось более сорока дней. Здесь Пигафетта видел удивительное явление природы, которое описывает под названием «деревя с живыми падающими листьями». «Если до них прикасаешься пальцем, — говорит он, — листья бегут от него; я хранил такой листок в шкатулке около девяти дней, и всякий раз, когда отворял ящичек, видел, что листочек мой в нём разгуливал¹».

Когда суда были приведены в должный порядок, общим советом решили сменить главноначальствующего, предоставив права его *Гонзалу д'Еспиноза*, на капитанский пост которого на «Победе» заступил *Хуан дель Кано* (корабельный мастер сожжённого корабля «Консепсьон»).

Удалившись от острова, испанцы встретили джонку (шедшую с Борнео с огромным запасом провизии) и взяли её, после отчаянного сопротивления, на приступ. Но когда оказалось, что на ней были знакомые им островитяне с Парагоа, которыми европейцы были так радушно приняты, они дали дикарям свободу, удовольствовавшись контрибуциею, состоявшею из четырёх сот мер риса, двадцати свиней, стольких же коз и полусотни куриц. После того они продолжали плавание к восток-юго-востоку, чтоб подойти на вид Молуккских островов, и вскоре к немалому удивлению своему заметили, что море было совершенно покрыто сплошными массаами какой-то травы; это обстоятельство привело их к заключению, что они заблудились и попали не в те моря; почему, кажется, и стали располагать курсы ближе к северо-востоку. Таким обра-

---

¹ Позже и другие путешественники рассматривали это замечательное явление и убедились, что это не листья, а насекомые из породы стрекоз или саранчи. Они наделены четырьмя овальными крыльями (около 3 дюймов длиной), из которых верхние два так между собою распределены, что действительно получают разительное сходство с листьями коричневого цвета (*Mantis religiosa* Linn.).

зом они прибыли к острову Минданао, при северо-восточной оконечности которого имели опять неприятельское дело с джонкой; на ней, как оказалось впоследствии, находился родной брат короля Минданао, который спешил уверить испанцев, что он хорошо знает положение Молуккских островов. По его описанию, отряд принял направление к юго-востоку. Однако же этим курсом он приблизился к островам *Цибóко*, *Бíрам-Батолáх*, *Сарангáни* и *Кáндигар*. Корабли бросили якорь у острова Сарангани (Сирангон), в виду первого селения, и испанцы с радужием встретили островитянина, который вызвался быть для них лоцманом к Молуккам, если те заплатят ему требуемое. Испанцы охотно соглашались на всё, лишь бы добраться до цели своего достижения. Но когда этот дикарь переговорил с лоцманом, находившимся на корабле от Минданао, он быстро спустился в свой челнок и хотел было бежать на нём. Однако несколько матросов тотчас же бросились за ним в воду и втащили его за волосы, на судно. Затем корабли поспешно снялись с якоря и продолжали плавание под проводкою двух скованных дикарей, которых испанцы посадили на корме корабля для того, чтобы им удобнее было видеть горизонт и соображаться с берегами покидаемых островов, и тем с большею верностью вести отряд по желанию блуждавших мореплавателей.

Отряд шёл к юго-западу и по прошествии некоторого времени миновал пролив, которым делилась группа небольших островов, частью обитаемых, частью же необитаемых, на два отдельные архипелага. При конце его европейцы увидели остров *Сáнгир*, но не могли, однако же, скоро приблизиться к нему, потому что противный ветер заставлял лавировать. Так пробивались они до 6 ноября, и в этот день заметили на горизонте четыре довольно возвышенные острова. Лоцман, которого они имели с острова Сарангани, сказал обрадованным испанцам, что это были Молукки. Восторг на судах, произведённый таким известием, можно себе вообразить. Очарованным взорам европейцев представились в синеве горизонта гористые берега давно желанных островов. «Восхищению нашему не станут удивляться, — говорит очевидец, — когда припомнят, что мы блуждали по морям и океанам без двух дней 27 месяцев и открыли неисчислимое множество островов, отыскивая Молукки.

Португальцы разгласили молву, — продолжает рыцарь, — что Молуккские острова расположены среди многих опасных отмелей и посто-

янно бывают покрыты мглою или туманом; мы нашли совершенно противное тому и всегда имели под килем глубину более ста сажень, даже на самом близком расстоянии от берегов.»

В пятницу 8-го ноября 1521 года, часов за пять до солнечного заката, «Тринидад» и «Победа», этот печальный остаток Магеллановой экспедиции, наконец бросил якорь на рейде острова *Тидора*, и радостный салют из всех орудий возвестил морякам окончательное достижение их цели. Молуккские острова составляли для испанцев торжество предприятия и они видели в них то тихое и отрадное отдохновение, на которое полагали себя вправе рассчитывать после совершённого ими утомительного и по многим отношениям бедственного плавания. С каким восторгом моряки любовались тогда живописным видом драгоценных островов! Я сказал «драгоценных» потому, что в то время они представляли для Европы предмет большой важности и слава о них гремела повсюду. Естественной причиной тому были драгоценные, в то время ещё редкие москательные произведения и пряные корни (как например, мускат, гвоздика, корица, имбирь и прочее), из которых некоторые находились в цене чуть ли не выше золота.

Владетелем острова Тидора испанцы были приняты особенно ласково и почти полтора месяца (44 дня), которые они здесь провели, находились с ним в постоянной дружбе. Оба корабля с невероятною алчностью нагрузились драгоценною гвоздикою и 18-го декабря снялись с якоря, чтобы следовать в Европу. Но в то время, когда «Тринидад» силится поднять якорь, люди заметили опасное положение корабля, наполнявшегося водой. Причину течи и место, откуда она происходила, открыть не могли и потому решили остаться на рейде, чтобы исправить повреждение. Однако же все старания отыскать его оказались совершенно безуспешными, и «Победа», не желая терять попутного восточного ветра, отправилась в море, оставив корабль «Тринидад» и Хуана Карвальо с пятьюдесятью тремя испанцами на острове Тидоре¹. Землики простились трогательно, со слезами, и оставшиеся на острове далеко провожали «Победу» на своих шлюпках в море, где разыгравшийся ветерок быстро умчал корабль за пределы горизонта. Этим кораблём

---

¹ Общим советом офицеров было именно решено исправить повреждение корабля на месте и потом отвести его в Юкатан (при Мексиканском заливе). Однако же вышло не так: корабль был отнят впоследствии португальцами и остался на Тидоре. Уцелевшая часть экипажа его возвратилась в Испанию через три года.

командовал *Себастиан дель Кано*, имея под начальством своим 47 человек европейцев и 13 плененных индейцев, забранных им с разных островов. По пути «Победа» заходила на некоторые острова Восточной Индии, потом спустилась к югу, на параллель 40°, обогнула мыс Доброй Надежды (6 мая) и по прошествии двухмесячного плавания, зашла освежиться на один из островов Зелёного Мыса (Сан-Яго). Во время этого перехода, испанцы много страдали от бурь, недостатка в провизии и в пресной воде, лишились более 20 человек экипажа и в самом ужасном состоянии, в понедельник 8 сентября бросили якорь на рейде некогда горделивой Севильи. Из 60 человек, состоявших на корабле при отправлении его с Молуккских островов, в отечество возвратились только *семнадцать*.

«И на другой же день по прибытии, — говорит Пигафетта, — мы отправились на берег, чтобы в церкви «Пресвятой Девы Марии» возблагодарить Бога за спасение наших душ».

Этими словами Пигафетта заканчивает свой дневник.

Когда Хуан Себастиан дель Кано вместе с немногими спутниками своими представился ко двору, они были приняты с чрезвычайным почётом, в особенности дель Кано, которому государь назначил пятьсот дукатов пожизненной пенсии, и даровал ему герб, на котором изображались, на одной половине щита, в красном поле, золотой замок, а на другой, в золотом поле, мускаты, гвоздика и прочее и Андреевский крест; щит держали два владельца Молуккских островов, а над ним помещался земной глобус с надписью: *Primus circumdedisti me*¹. Соразмерные награды и почести получили также и подчинённые его. Из всего этого видно, какое высокое значение имели в то время Молуккские острова и что политическая цель снаряжения Магеллановой экспедиции заключалась собственно в завоевании их для Испании, которая не могла, однако же, удержаться на них под всеокрушающей силою португальцев². Испанцы, чтобы чем-нибудь вознаградить утраченное, сосредоточили цель своих завоеваний на важнейшем открытии Магеллана в этом море — на Филиппинских островах, которыми они владеют ещё и поныне. С включением острова Кубы этот архипелаг представляет теперь единственную колонию, которая осталась Испании от множества блестящих покорений необыкновенно богатых земель.

---

¹ «Ты первым обошёл меня!» — прим. OCR.

² Они в свою очередь были вытеснены голландцами.

Таков был ход всего дела, таковы были последствия великого предприятия Магеллана!

Но обратимся теперь собственно к его проливу и войдём в некоторые подробности о патагонцах и жителях Огненной Земли.

Ниже увидим, что в 1764 году Франция стала устраивать колонию на Фолклендских островах. Испания потребовала её себе на том основании, что острова эти составляют в некотором смысле часть континента Южной Америки. Права Испании были признаны, и Буггенвиль, бывший в то время капитаном корабля, получил приказание следовать на *Мальвины* (как в то время назывались Фолклендские острова) и сдать устриваемую колонию испанцам, а затем пройти в Восточную Индию мимо Америки. Для этой экспедиции ему назначили фрегат «Сердитый» (*Boudeuse*), а на островах к нему должен был присоединиться шлюп «Звезда», предназначенный для доставления фрегату груза дополнительной провизии. Буггенвиль вышел из Нанта 15-го ноября 1766 года и остановился в устье реки Ла-Плата, где встретил испанские фрегаты, также следовавшие на Фолклендские острова. Исполнив данное поручение, Буггенвиль возвратился в Бразилию и в Рио-де-Жанейро соединился со «Звездой». Тогда оба судна отправились к Магелланову проливу с тем, чтобы им пройти в Великий Океан.

2 декабря Буггенвиль обогнул мыс Дев, а 8-го бросил якорь в заливе *Буко*.

«Едва мы остановились там, — говорит он, — я тотчас же приказал спустить на воду две шлюпки, одну с фрегата, другую со «Звезды». Десять человек офицеров с ружьями вошли на катерах внутрь залива и пристали к берегу, отдав предварительно приказание, чтобы на шлюпах люди были ежеминутно готовы отвалить и отправиться в обратный путь. Едва мы вступили на берег, как тотчас увидели до шести человек туземцев, которые ехали навстречу нам на лошадях, во весь галоп. На расстоянии пятидесяти шагов от нас они сошли с лошадей и подбежали к нам с криком и возгласами «*шауа!*» Приблизившись к нам, они протягивали свои руки к нашим. Потом дикари обняли нас, продолжая кричать из всей мочи «*шауа! шауа!*» Мы повторяли за ними этот непонятный для нас крик. Туземцы очевидно были рады нашему приезду; только двое из них как будто чего-то боялись, но скоро однако же успокоились. После множества взаимных ласк, мы приказали принести с шлюпок сухари и свежий хлеб и раздали их дикарям, которые тотчас же

с жадностью стали есть ваш подарок. Число дикарей беспрестанно увеличивалось и наконец дошло до тридцати; между ними мы заметили несколько молодых людей и одного мальчика около восьми или десяти лет. Новоприбывшие доверчиво подходили к нам и приветствовали нас так же, как и первые. Дикари, по-видимому, нисколько не удивлялись нашему появлению; подражая голосом звуку ружейного выстрела, они объяснили нам, что это оружие им знакомо. Туземцы вообще были к нам очень внимательны. Некоторые офицеры начали собирать растения; несколько патагонцев тотчас стали помогать им и приносить те виды, которые срывали наши молодые ботаники. Один из дикарей показал нашему офицеру свой глаз, видимо больной, и спрашивал его знаками, какую траву лучше всего употребить против этой боли. Стало быть, они имеют понятие о той медицине, которая образуется из применения ботаники к излечению человеческих болезней. Это было знание *Махаона*, доктора богов.

Мы променяли несколько безделок, драгоценных для дикаря, на звериные шкуры. Туземцы знаками просили у нас курительного табаку. Красный цвет производил на них сильное впечатление; едва только они замечали у нас какую либо вещь этого цвета, как тотчас бросались к ней и выказывали самое сильное желание присвоить её в свою собственность. Вообще при каждом подарке, при каждой ласке с нашей стороны, они снова затягивали своё «шауа!» Этот неистовый крик оглушал нас. Кому-то пришло на ум дать им водки, каждому по одному глотку; выпив дикари обыкновенно ударяли себя рукою по горлу и выпускали дрожащий, невнятный звук. Все они повторяли этот приём, доставивший нам чрезвычайно странное зрелище.

Между тем солнце склонялось к западу, пора было нам думать о возвращении на суда. Как только туземцы заметили, что мы хотим уехать, они рассердились и знаками упрашивали нас остаться ещё немного, чтобы подождать других дикарей, которые скоро явятся. Мы дали им понять, что воротимся завтра и привезём те предметы, которых они желают. Нам казалось, что они были бы более довольны, если бы мы ночевали на берегу. Когда мы собрались совсем, туземцы пошли нас провожать к шлюпкам; один из них пел во время шествия. Часть дикарей вошла даже по колени в воду, чтобы только подальше проводить нас. Придя на шлюпки, мы должны были смотреть в оба глаза; дикари хватали всё, что попадалось им под руку. Один туземец завладел серпом, но

возвратил его по первому требованию, без всякого сопротивления. Отъезжая от берега, мы увидели ещё дикарей, которые бегом спешили сюда же. На прощанье мы не преминули прокричать «шауа!» так громко, что эхо нашего расставания далеко отозвалось в берегах.

Здесьние туземцы довольно рослы. Ни один из виденных нами не был ниже пяти футов пяти дюймов и выше пяти футов десяти дюймов. Особенно меня поразили у дикарей широкие плечи, огромная голова и вообще объём всех частей тела. Они крепки и плотны; мускулы их упруги, кожа тверда: с первого взгляда видно, что с помощью природы и здоровой, питательной пищи, тело дикарей достигло бы удивительного развития, к какому оно только способно. Наружность их не сурова и не неприятна, так что многие из них даже могут назваться красивыми. Лица туземцев круглы и довольно плоски; глаза бойкие, живые, зубы чрезвычайно белы, хотя немного широки; длинные чёрные волосы их связаны на макушке. Некоторые патагонцы носят усы, более впрочем длинные, чем густые. Цвет кожи дикарей — бронзовый, как вообще у всех американских народов, где бы они не жили: в жарком ли поясе, или в умеренном и холодном; у иных щёки нарумянены. Язык патагонцев показался нам приятным, и вообще мы ничего не заметили в них такого, что бы доказывало зверство характера. Мы не видали их женщин; может быть, те пришли бы после, потому что туземцы всё упрашивали нас подождать и послали одного из своих к большому огню, разложенному в некотором расстоянии от берега, в том месте, где они ночевали.

Патагонцы одеваются почти так же, как и жители берегов реки Ла-Плата; наряд их: кожаный пояс и большой плащ из звериных шкур, достигающий до пят и застёгивающийся у пояса; обыкновенно верх плаща они откидывают назад; от того, не смотря на суровость климата, верхняя часть тела их постоянно ничем не покрыта; вероятно, привычка сделала их нечувствительными к холоду. Климат же здесь не слишком тёплый, потому что мы посещали эту часть Патагонии в летнее время и всё-таки не имели более 10° тепла. На ногах дикари носят нечто вроде ботинок из лошадиных шкур; у двоих или троих мы видели на ногах около колен медные кольца, дюйма в два шириной. Офицеры наши заметили также, что у двоих из молодых дикарей надеты были бисерные ожерелья.

Единственное оружие, которое они имели с собою, были два круглых кремня, привязанные к двум концам витой кишки — оружие, обыкно-

венно употребляемое народами южной части Америки. Были у них и небольшие ножи *английской* работы, вероятно, кем-нибудь подаренные. Лошади туземцев, небольшого роста и очень худощавые, были осёдланы и взнузданы на тот же манер, как и лошади берегов Ла-Платы. У одного патагонца мы заметили седло с золочёными гвоздями, деревянные стремена, покрытые медными блёстками и кожаную узду, т. е. полную испанскую сбрую. Пища туземцев состоит преимущественно из сердца и мяса диких животных; у многих сырые куски мяса висели на лошадях и мы видели, как дикари ели их в сыром и ничем не приправленном виде. Кроме лошадей туземцы держат также собак, маленьких и некрасивых, которые, как и лошади, должны пить морскую воду, потому что пресная очень редко встречается не только по побережьям, но и во всей здешней земле.

Мы не заметили, чтобы который-нибудь из дикарей имел власть над другими; даже два или три старика, бывшие в толпе, вышедшей к нам на встречу, не пользовались никаким особенным почётом. Я думаю, что народ этот ведёт такую же жизнь, как татары. Блуждая по обширным равнинам Южной Америки, непрерывно на лошадях, мужчины, женщины и дети преследуют дичь и зверей, которыми наполнены равнины, одеваются шкурами добычи и, по всей вероятности, имеют даже и то общее с татарами, что грабят караваны путешественников. К этому я считаю не лишним прибавить, что впоследствии мы нашли в Тихом Океане народ, который ещё выше ростом, чем патагонцы.»

Подвигаясь вперёд проливом, Буггенвиль видел обитателей Огненной Земли.

«Мы проходили, — говорит он, — большую бухту или залив, которому не видели конца; вход в него, около 2-х льё шириной, заграждался посредине довольно высоким островом. Большое число китов, показывавшихся в здешних водах, и сильное волнение давали нам повод думать, что мы идём проливом, который приведёт нас близко к мысу Горн. Вскоре мы увидели на берегу множество огней, которые то являлись, то угасали; наконец, они разгорелись ярко и тогда мы различили нескольких дикарей почти подле того места, на котором я хотел остановиться. Подойдя ближе, я узнал в них то же племя, которое видел в первое плавание своё по Магелланову проливу. Тогда мы называли их *пешерé*, потому что это было первое слово, произнесённое ими при встрече с нами и впоследствии повторявшееся так же часто, как у патагонцев «шауа». Та же причина заставила и на этот раз удержать за ними прежнее имя.

Наступившая вскоре темнота не позволила нам остаться с ними долее. Мы успели заметить только, что их было около сорока человек мужчин, женщин и детей, и что лодки их, в числе десяти или двенадцати, стояли недалеко отсюда, в небольшой бухте.

6 января 1768 года несколько диких явились к нам на фрегат. Четыре пироги показали утром у мыса *Галан* и, после довольно продолжительного колебания, три пошли в глубину залива, а четвёртая направилась нам навстречу. Впрочем, и на последней гребцы с полчаса думали, пристать ли им к борту, или нет; наконец, однако же, решились и с удвоенною силою прокричали «пещере!» В этой пироге были мужчины, женщины и двое детей. Женщины не вышли из шлюпки (вероятно, чтоб смотреть за ней), а мужчина поднялся к нам на палубу довольно доверчиво и с весёлым лицом. Другие две пироги последовали примеру первой и на палубе фрегата явилось несколько туземцев с детьми. Вскоре они совершенно освоились с нами. Их заставляли петь, танцевать, слушать музыку и в особенности есть; последнее они исполняли с удивительным аппетитом; им было совершенно всё равно, что бы им ни подавали: хлеб, солонина, сало — они всё ели¹. Нам было даже довольно трудно избавиться от этих неопрятных и неприятных гостей: только тем и могли мы сманить их опять в пироги, что отнесли туда у них на глазах куски солонины. Они не обнаруживали никакого удивления при виде наших судов и разных предметов, представлявшихся их глазам. Вероятно, это потому, что удивляться произведениям искусства может только тот, кто имеет хотя некоторые элементарные сведения, а дикари смотрят на творения человеческой промышленности так же, как на законы природы и её феномены (с которыми он свыкся, прибавлю я). Туземцы жили несколько дней на мысе *Галан* и в течение этого времени мы их часто видели и на фрегате и на берегу.

Жители *Огненной земли* невысоки ростом, некрасивы, худощавы и распространяют вокруг себя, так сказать, свою собственную атмосферу, чрезвычайно злокачественного принципа, невыносимого для европейца. Они ходят почти нагие, надевая только сверху небольшие тюленьи кожи, которые в тоже время служат кровлею для их хижин и парусами для пирога. Женщины их отвратительны, и мужчины, кажется, не оказывают прекрасному полу никакого внимания. Жёны обыкновенно

---

¹ То же самое бывало и на *Никобарах*. Дикари зачастую обедали вместе с нами, за одним столом, и сплошь да рядом не отказывались вторично начать с супа, когда его подавали опоздавшему к обеду островитянину.

управляют в пирогах и вообще заботятся о шлюпках, так что даже иногда, не смотря на холод, они должны отправляться за ними вплавь, чтоб привести к берегу. На берегу они занимаются собиранием дров и раковин; мужчины вовсе не участвуют в этой работе. Даже и те из них, которые кормят младенцев грудью, не избавляются от тяжёлых трудов; такие работницы носят обыкновенно детей своих на спине в той же самой коже, которая служит им одеждой¹.

Пироги их делаются из коры и очень дурно связываются по швам тростником и затыкаются мхом. Посреди пироги устроен небольшой очаг из песка, где постоянно горит небольшой огонь. Оружие их — луки и стрелы, приготовленные из барбарисового дерева, которое растёт здесь в изобилии; тетива делается из кишки; на концах стрел прикрепляются довольно искусно обточенные камешки. Но это оружие они употребляют более против дичи, чем на врагов; оно так же мало может сделать вреда, как и руки, которые им пользуются. Мы видели у них ещё рыбы кости, длиною в фут, заострённые с конца и покрытые зазубринами с одного бока. Но я не думаю, чтобы эти кости разыгрывали у них роль кинжалов; скорее дикари употребляют их на охоте, надевая на длинные шесты и действуя ими, как острогами. Туземцы живут все вместе, мужчины, женщины и дети, в хижинах, в середине которых разводится огонь. Главная пища их — раковины; я заметил, что у многих из них зубы испорчены и это, вероятно, потому, что они едят моллюсков прямо с огня, хотя всё-таки вполовину сырых.

В сущности, дикари эти довольно добрые люди, но они так слабы, что нельзя их доброту ставить им в заслугу. Мы имели случай убедиться, что у них много предрассудков и что они веруют в злых гениев; те, которые занимаются заклинанием последних, считаются в одно и то же время и медиками и жрецами. Из всех дикарей, каких я только видел в моей жизни, *пешерé* самые жалкие; они именно находятся в том состоянии, которое называют природным, и если можно жалеть о человеке, который, не имея никаких обязанностей и располагая сам собою, доволен своею судьбою, потому что не знает лучшей участи, то следует пожалеть и о здешнем дикаре, не только лишённом всего, что делает жизнь приятною, но ещё обязанном страдать от самого тяжёлого в свете

---

¹ Как справедливо замечание Аморетти, о котором я упоминал выше.

климата. Пещере образуют, насколько мне известно, самое малочисленное общество в мире, однако же, как мы сейчас увидим, и у них существуют шарлатаны.

9-го числа, после полудня, пещере отправились с берега к фрегату; они даже принарядились по этому случаю, т. е. выпачкали себе всё тело красными и белыми пятнами; но видя, что наши шлюпки направляются к их хижинам, дикари последовали за ними; только одна пирога оставалась у «Звезды», да и та скоро соединилась с прочими. Женщины были все собраны в одну хижину и дикари выказывали даже неудовольствие, когда мы хотели туда войти. Они приглашали нас в другие лачужки, где мы предложили им несколько подарков, принятых очень охотно. Туземцы пели, танцевали и вообще высказывали гораздо больше веселости, чем можно было ожидать от дикого народа, обыкновенно очень серьёзного по наружности.

Но радость их была непродолжительна. Один мальчик, лет двенадцати, единственная сколько-нибудь интересная личность во всей толпе дикарей, вдруг начал харкать кровью и почувствовал сильные конвульсии. Несчастный ребёнок был перед этим на «Звезде», где ему подарили несколько кусков стекла, вовсе не предвидя, какое пагубное употребление сделает он из подарка. У туземцев есть привычка всовывать себе в горло и ноздри маленькие куски *тальяка* (каменного сала); вероятно здешние поверья приписывают этим кускам силу талисмана, а может быть, дикари считают их предохранительным средством против какой-нибудь болезни. Ребёнок хотел, вероятно, сделать такое же употребление из стекла. Губы, дёсны и нёбо его были разрезаны в нескольких местах и кровь непрерывно шла у него изо рта.

Это приключение возбудило в дикарях страх и недоверчивость. Вероятно они подозревали нас в чём-нибудь нехорошем, потому что призванный для оказания пособия мальчику колдун прежде всего счёл долгом снять с больного холстинную рубашку, подаренную ребёнку кем то из наших. Он хотел вернуть эту вещь французам, но когда те отказались принять обратно свой подарок, он бросил её им в ноги. Впрочем один дикарь, вероятно более любивший даровую одежду, чем боявшийся колдовства, тотчас же подобрал брошенное.

Колдун положил мальчика на спину в одной из хижин и, встав на колени между ногами больного, давил ему из всех сил головою и руками желудок; при этом он кричал беспрестанно, но ничего нельзя было разобрать в его крике. По временам он поднимался, сжав руки и как бы

держа в них болезнь, быстро разжимал их на воздухе и дул, отгоняя прочь злого духа. Во время этой церемонии какая-то старуха в слезах кричала больному в ухо так громко, что тот, я думаю, оглох. Бедняжка страдал столько же от болезни, сколько и от леченья. Колдун дал ему, впрочем, немного отдохнуть, а сам отправился надеть свой парадный костюм; вскоре он явился с напудренной головой и с двумя на ней белыми крылышками, придававшими его причёске вид меркуриевой шапки. Тогда он опять начал свои операции с большею уверенностью, но с таким же неуспехом: ребёнку становилось всё хуже и хуже.

Офицеры, возвратившись на фрегат, рассказали мне всё это происшествие с малейшими подробностями. Я тотчас отправился на берег с нашим старшим хирургом, который взял с собою немного молока и мягчительного питья. Когда мы приехали к дикарям, ребёнок был уже вне хижины. Колдун, к которому на помощь явился другой, точно так же одетый, возобновил свои операции над животом, спиною и ногами мальчика. Жалко было смотреть, как они мучили это несчастное создание, страдавшее безропотно. Всё его тело было уже измято; медики продолжали своё варварское лечение, произнося множество заклинаний. Горесть отца и матери больного, участие всех дикарей, доказывавшееся несомнительными признаками, наконец терпение мальчика — всё это вместе составляло трогательное зрелище. Дикари, вероятно, заметили, что мы разделяем их печаль; по крайней мере недоверчивость их значительно уменьшилась. Они позволили нам приблизиться к больному и осмотреть его окровавленный язык, который отец несчастного и ещё другой пещере непрерывно обсасывали. Много хлопот стоило нам убедить их дать больному молока; мы должны были сами несколько раз отвезать его, пока отец, несмотря на упорное сопротивление жонглёров, согласился напоить им своего сына: при этом он принял даже от нас в подарок целый кофейник наполненный мягчительным питьём. Колдуны сначала завидовали хирургу, но наконец, кажется, приняли его за ловкого собрата. Они даже открыли для него кожаный мешок, который постоянно носят у себя с боку и в котором заключаются их шапка с перьями, белая пудра, тальк и другие снадобья туземной медицины; но, впрочем, мешок тотчас же был закрыт, как только хирург успел бросить один взгляд на его содержимое. Мы заметили также, что когда один колдун старался заговорить болезнь мальчика, другой занимался отвлечением чар, которые, как он подозревал, мы напустили на них.

Я воротился на фрегат уже при наступлении ночи. Ребёнок страдал меньше, непостоянная рвота, мучившая его, заставляла нас думать, что стекло попало даже и в его желудок. Впоследствии оказалось, что наши догадки были слишком справедливы. В два часа ночи с фрегата услышали повторные вопли и с рассветом, несмотря на страшную погоду, дикари пустились на своих лодках. Без сомнения они бежали из места, в котором царствовала смерть, и от пагубных чужеземцев, которые явились сюда на их несчастье. Впрочем, они никак не могли обогнуть западного мыса острова и должны были остановиться и ожидать более тихой погоды. Вскоре, однако же, сильный порыв ветра отогнал дикарей на середину пролива и рассеял их плохие пироги».

Почти в одно время с Буггенвилем посетил Магелланов пролив англичанин *Валлис* (Wallis), командовавший шлюпом «*Суаллоу*» (Swallow). Вот что рассказывает он о здешних обитателях:

«17 декабря 1766 г., около часу, я снялся с якоря. Ветер был свежий, противный, так что нам пришлось лавировать между мысом *Девы Марии* и противоположным ему *Песчаным*. Подходя к траверсу последнего, мы увидели на берегу несколько человек туземцев, которые охотились на лошадях за какими-то дикими животными. В руках они держали наготове свои пращи, но, впрочем, у нас на виду они никак не могли поймать своей добычи. Вечером, часов около девяти, едва мы успели бросить якорь, как туземцы зажгли прямо против нашего шлюпа множество огней; на рассвете мы увидели около четырёхсот дикарей, которые стояли лагерем в живописной долине, помещённой между двумя холмами; лошади туземцев паслись позади лагеря.

На другой день мы видели на берегу множество американцев. Я вспомнил, что, по словам капитана Картерета, в этом самом месте командор Байрон нашёл великанов-патагонцев и послал двоих лейтенантов моего отряда (он состоял из двух судов) к берегу с приказанием не сходить со шлюпок, потому что суда мои стояли слишком далеко от берега и не могли бы их защитить в случае надобности. Офицеры, возвратившись, рассказывали, что когда катер их подошёл на близкое расстояние от берега, туземцы высыпали им навстречу в большом числе; это были те же дикари, которых мы видели накануне, с прибавлением новых лиц, преимущественно женщин и детей. Заметив, что наши люди не имеют намерения выйти на берег, дикари были очень опечалены; некоторые из них, приблизившись, сколько можно было, к шлюпке, делали знаки, чтобы мы подошли к берегу; при этом они несколько раз кричали

по-английски: «Англичане, выходите на берег!» Наконец, видя, что их старания напрасны, они так настойчиво хотели войти к нам в шлюпку, что мы с трудом удержали их. Офицеры предложили туземцам хлеб, табак и несколько безделиц, стараясь объяснить им, что желали бы получить за них в обмен страусов или диких зверей; но дикари не могли понять этого предложения»¹.

28 января 1767 года Валлис остановился со своими судами в другом месте пролива, поблизости мыса *Галан*.

«После солнечного заката, — говорит он, — мы увидели на южном берегу большой дым. Рано утром я послал на берег несколько шлюпок за водой, и вслед за тем, как люди наши пристали к месту, где мы обыкновенно наливались водой, от южного берега отвалили три пироги и пристали к восточному, где находились наши люди. На берег вышло шестнадцать дикарей; они остановились в некотором расстоянии от наших матросов и стали их звать к себе, знаками изъявляя приязнь. Матросы также выразили дружбу и показали дикарям несколько мелочей, в том числе нитки бисера. При виде этих вещей туземцы обнаружили удовольствие и испустили радостный крик. Наши люди старались подражать их крикам; тогда патагонцы приблизились, продолжая кричать и смеяться. Обе группы сошлись и взаимно подали друг другу руки; туземцы получили от наших несколько подарков.

Дикари были покрыты кожами каких-то морских зверей и распространяли нестерпимый запах; некоторые из них ели с большим аппетитом и даже с удовольствием гнилое мясо и сырую рыбу. Казалось, они чувствовали холод и торопились развести огни. Трудно понять, как они могут здесь жить зимой; погода стояла такая суровая, что часто даже падал снег. Они были вооружены луками, стрелами и дротиками, концы которых были сделаны из кремня, обточенного в форме змеиного языка. Дикари пускали стрелы и бросали копья искусно и сильно, попадая почти всегда в цель, как бы она ни была удалена.

---

¹ Эти последние слова — «не могли понять» — напоминают мне резкую характеристическую особенность английских моряков, проявляющуюся в сношениях их с дикарями и вследствие которой последние скорее всего научаются говорить — по-английски. Француз, голландец, немец, русский — все сопровождают в таком случае слова свои объяснительной мимикой, или, вернее, действуют более ею, чем старанием объяснить дикарю желаемое словами. Англичанин же, флегматически сохраняя неподвижность, завещанную ему предками, толкует дикарю требуемое им без обвиняков по-своему, скороговоркой на родном ему языке, и если тот его не поймёт, пробормочет обычное *god damn* — и уйдёт, словно дело сделал!..

Для добывания огня, они употребляют кремь и мох, перемешанный с беловатой землёй, который также легко загорается, как трут. Потом они берут сухую траву, находящуюся здесь в большом количестве и, положив в неё мох, размахивают ею по воздуху.

Люди наши привезли трёх дикарей на шлюпе; они осматривали здесь всё, но удостоили особенного внимания только платя и зеркало. Последнее не только изумило их, но и доставило им большое удовольствие. Взглянув в него первый раз, они тотчас же отвернулись и посмотрели на нас и друг на друга; потом они опять оборотились к зеркалу и, отвернувшись снова, бросились осматривать заднюю сторону его. Ознакомившись наконец с этим предметом, они хохотали и, видя перед собою свою собственную улыбающуюся физиономию, выражали радость громким смехом¹. Впрочем, вообще они были равнодушны ко всему, что мы им показывали; очевидно, что желания этих дикарей не простирались дальше того, чем они уже владели. Ели они всё, что только мы им предлагали, но не пили ничего, кроме воды.

Когда они уезжали со шлюпа, я отправился вместе с ними на берег и нашёл там много женщин и детей, собравшихся в том месте, где мы брали воду. Я дал им несколько мелких вещей, которые их заняли, но не надолго. В обмен дикари предложили мне некоторые из своих оружий. Я думаю во всём свете не найдётся другой такой дикой и пустынной страны, за исключением разве безлюдных мест Швеции и Норвегии; потому то и жители этой страны кажутся самыми жалкими представителями человеческого племени. Совершенное равнодушие их к новым предметам, конечно, даёт повод думать, что они незнакомы с теми со-

---

¹ А мы были свидетелями впечатления, какое произвели на дикаря звуки музыки. Это случилось в Никобарах, во время обеда; у одного из наших офицеров была гармония и мы поставили этот ящик как бы принадлежность столового прибора. За вторым блюдом надавили пружину (чего дикарь не заметил, усердно убирая с тарелок лакомое для него яство, то пальцами, то вилкой, смотря потому, как ему было удобнее), и кают-компания огласилась звуками весёлого мотива. Мы делали так, как будто ничего не слышим и даже не обращали на островитянина никакого внимания, чтобы он, не стесняясь, мог предаться полному изумлению. Первым движением дикаря, когда до слуха его долетели стройные и ему незнакомые звуки, было наскоро облизать пальцы левой руки, а из правой выронить вилку. Потом он осмотрелся по сторонам, как бы отыскивая певицу; затем поднял тарелку — чтоб посмотреть, нет ли под ней чего-нибудь, — заглянул под стол, приподнял скатерть, повернул стул — всё ничего; а музыка знай наигрывает да поигрывает! Убедившись в бесполезности своих разысканий, дикарь стал посмеиваться и от удовольствия так уморительно покрываться, что мы наконец не выдержали и общим хором расхохотались.

жалениями, которые так часто возбуждает неудовлетворённое желание; но с другой стороны это же равнодушие обнаруживает их нравственное ничтожество.

Оставив нас, дикари уселись в пироги и, растянув свои шкуры вместо паруса, направили путь к южному берегу, где виднелись их хижины. Мы заметили, что ни один из туземцев не обернулся взглянуть на наши суда или на нас самих: так ничтожно было впечатление, произведённое на них новыми лицами и предметами, и так умели они забываться настоящим моментом, отрешаясь совершенно от прошедшего,

Через несколько дней я перешёл отсюда в Залив *Anprait* (Upright), и однажды, когда люди ездили на берег за дровами и сельдереем, к нам подошли две шлюпки, наполненные американцами. Эти дикари были так же грубы и жалки, как и те, которых мы видели прежде. Они дрожали от холода; одежда их состояла из моржовой шкуры, наброшенной на плечи и не доходившей даже до пояса; впрочем, мы заметили, что принимаясь за вёсла, они снимают и эту одежду, кладут её подле себя и остаются совершенно нагими. У них было несколько дротиков, грубо вооружённых несколькими камнями и предназначенных для моржовой охоты, рыб и пингвинов. У одного, однако же, мы заметили кусок железа, величиною в обыкновенные ножницы, вделанный в дерево; но, кажется, это был скорее какой-нибудь инструмент, чем оружие.

Глаза у всех их были больные: вероятно это происходит от привычки беспрерывно сидеть около дыма. Запах от дикарей был ещё хуже, чем от лисиц, что конечно зависит от неопрятности, а также и от пищи, которую они употребляют.

Шлюпки их имеют около пятнадцати футов длины, три ширины и столько же глубины. Они делаются из древесной коры, связанной или жилами некоторых животных, или кожаными ремнями. Швы внутри забиты тростником, а снаружи замазаны древесной смолой, которая препятствует воде проникать в шлюпку. Пятнадцать небольших веток, согнутых в дугу, были пришиты поперёк судна на дне и по бокам, а другие прямые перекинуты с одного бока на другой сверху и прочно вделаны обоими концами. Впрочем, всё это было устроено очень дурно, и вообще мы не заметили у американцев ничего, что бы показывало промышленное развитие. Я дал им два топора и несколько мелких вещей. Получив подарки, дикари поехали от нас по направлению к югу и больше не возвращались.

«Стоя в здешнем заливе, мы по обыкновению посылали во все стороны шлюпки искать удобного места для якорной стоянки. На этот раз шлюпки наши ходили за десять миль к западу и нашли только два пункта, в которых можно было избрать якорную стоянку: одно находилось к западу от мыса Апрайт, в заливе *Островов*, по только вход в него и выход из бухты были весьма затруднительны; другой, названный нами заливом *Дофина*, казался на тот предмет более удобным, при хорошем, надёжном грунте. Наши шлюпки провели там ночь, во время которой к нашим людям прибыло до тридцати туземцев, которые с радостью и проворством стали выгружать из шлюпки всё, что только было в ней. Заметив это, матросы остановили дикарей. Те, видя, что им мешали, побежали к своим пирогам и вооружились длинными шестами и дротиками, концы которых были сделаны из рыбьих костей. Впрочем, они не начали сражения, а наши люди, числом до 22-х человек, не хотели выходить из оборонительного положения. Наконец, при помощи нескольких подарков, сделанных дикарям, обе партии сошлись и мирно расположились вместе на острове.

30-го марта мы заметили, что множество лодок с туземцами остановилось у восточного берега залива; на другой день многие из дикарей явились к нам на палубу и мы узнали в них тех самых, которых наши люди встретили несколько дней тому назад. Они вели себя очень смиренно и уехали от нас, получив по обыкновению несколько подарков.

На другой день, 1-го апреля, к борту нашего шлюпа пристали две шлюпки с туземцами: их было четверо мужчин и трое детей в каждой. Мужчины были лучше прикрыты, чем прежние наши посетители, но зато дети явились совершенно нагие. Волосы последних были немного светлее, чем у мужчин. Дети, по-видимому, обращали на себя нежность и внимание взрослых, которые очень часто поднимали их на воздух. Я дал детям несколько ожерельев и браслетов, доставивших им, как казалось, большое удовольствие.

В то время, как некоторые из туземцев были на палубе, а другие держались на своих пирогах у борта шлюпа, баркас наш отправился на берег за водою и дровами. Когда туземцы, сидевшие в лодках, заметили это, они стали громко кричать и звать своих, бывших у нас на палубе. Последние также, по-видимому, испугались и, забрав на руки детей, опрометью бросились в челноки, отвалили и погнались за баркасом, не сказав нам ни одного слова. Нельзя было угадать причины их волнения; мы видели только, что туземцы следуют за баркасом, обнаруживая

несомненные признаки беспокойства и страха. Баркас шёл скорее, чем пироги дикарей, и когда он подходил к берегу, люди наши увидели нескольких туземных женщин, которые собирали раковины между скалами. Таким образом поведение дикарей объяснилось: бедняки боялись, чтобы мы не оскорбили их женщин. Для успокоения туземцев, наши люди подняли вёсла и позволили лодкам опередить баркас. Американцы со своей стороны не переставали кричать, пока жёны их не услышали и не скрылись из виду. Мужья, пристав к берегу, вытащили на побережье свои пироги и побежали за жёнами с величайшею поспешностью».

Вот каковы обитатели берегов пролива, открытого Фердинандом Магелланом и чрезвычайно подробно описанного *Фиц-Ройем*, *Кингом* и *Дарвином*, в течение девятилетней экспедиции их на судах английского королевского флота¹. Мы также имели в виду пройти этим проливом, но, должно быть, недостаток в подробной карте его берегов, отклонил капитана от такого намерения и заставил предпочесть плавание вокруг мыса Горн, к которому я теперь обращаюсь.

Параллель мыса Горна мы пересекли 10-го марта, в час пополуночи, в долготе 89°12' западной от Гринвича, а на другой день, после обеда, стали склонять курс к востоку. Здесь температура воздуха на шканцах доходила только до 3½° с плюсом, а в воде термометр показывал +5°.

С приближением к мысу Горну, усердный норд-вест начинал изменять. Заходя и пошаливая маловетриями, он сгонял нас с настоящего румба, наносил град, пасмурную, холодную и вообще дурную погоду и, кроме того, невероятно жестокие шквалы. Иногда бывали и штили, при огромной зыби: а это, можно сказать, наказание, решительно мучение в плавании.

Наконец, 15-го марта, в 4 часа утра, мы прошли меридиан мыса Горн, по южной параллели 58°7', при тихом и ровном брамсельном ветерке от норд-веста. Наибольшая южная широта, которой мы достигали, была 58°22'. В тот же день, к 8 часам утра, мы увидели купеческий бриг, шедший к западу: это был всего второй предмет, встретившийся нам на пути из Петропавловска; а между тем плаванью нашему шёл сто пятый

---

¹ Narrative of the Surveying Voyages of his majesty's ships *Adventure* and *Beagle*, between the years 1826 and 1836, describing their Examination of the southern shores of South America etc., в 3 томах, Лондон 1839.

день. Можно себе представить одушевление, которое произвело на нас это свидание со смельчаком, который, вопреки осеннему времени года здешнего полушария, силился обогнуть зловещий Горн¹.

Что же такое в самой вещи *мыс Горн*, который обходя мореплаватели принимают столько предосторожностей? Не мыс, а небольшой *островок*, лежащий к юго-востоку от «Огненной Земли», к архипелагу которого он причисляется. Он состоит из колоссальной утёсистой массы, возвышающейся, как великан среди других островов, почти на 1750 футов. Если не *Гарсиа Лоайза*, плававший в 1525 году, то во всяком случае *Франц Дрейк*, пятьдесят три года спустя, *первый открыл* его окончательность, которая, по новейшим наблюдениям, определена в южной широте 55°58'41". Название «Горн» островок получил по городу Гоорн (Hoorn), в Голландии, уроженцы которого, *Лемер* и *Шутен* были первые моряки, обогнувшие его в плавании своём в 1646 году; они назвали таким именем этот крайний предел континента Южной Америки в честь места своего рождения.

На другой день стали постепенно склонять курс к северо-северо-востоку, так что 18 марта мы перешли параллель Горна с восточной стороны.

Под вечер того же дня мы видели множество береговых птиц, вероятно с Фолклендских островов. Здешние альбатросы были несравненно меньше пойманных мною в Индийском Океане. Множество белых, чёрных и пёстрых петрелей (Petrels) и морских голубей (*Sterna stolidus*, Linn.), красивых птиц океана, летали около нас стаями; китов мы не видели. На параллели Фолклендских островов пронесло мимо нас множество морской капусты.

Фолклендские острова состоят из двух больших и многих малых островов и скал, окружённых каменистыми рифами. Северная часть «Восточного» Фолкленда очень скалиста, а южная расстилается волнообразными равнинами. «Западный» Фолкленд низменнее «Восточного», но частью так же утёсист и равномерно богат хорошими лугами. Остальные островки этой группы каменисты, бесплодны, утёсисты. Климат — по-океански умерен и мало подвержен переменам: зимою ни горы, ни

---

¹ Обогнуть мыс Горн от востока в осеннее время года редко когда удаётся. Известный наш капитан Головнин боролся здесь, в 1807 году, с крепкими западными ветрами около месяца, и был вынужден спуститься на мыс Доброй Надежды, где он попал в плен, вследствие разрыва России с Англией. Капитан Блей, о котором я говорил выше, пробыл здесь также безуспешно более 30 суток и лишился многих людей от распространившегося на судне скорбута.

поляны не бывают постоянно покрыты снегом, а летом даже не созревает рожь. Флора здешняя принадлежит горным породам Огненной Земли и бесплодной почвы Патагонии, да и та прозябает исключительно только в низменной части островов: на высотах она не может держаться от сильных штормов, бушующих здесь с неимоверною жестокостью, особенно во время осенних равноденствий. Замечательное и полезное для скотского корма растение представляет здесь трава *түссак*, которой покрыты острова всего архипелага словно лесами миниатюрных пальм.

Совершенное отсутствие лесов было до сих пор причиной, что колонизации на этих островах не удавались, хотя они чрезвычайно важны по положению, которое занимают Фолклендские острова как бы на рубеже трёх великих морей. Англичанин *Девис* первый увидел эту группу (в 1592 г.), но *Гоукинс* (в следующем году) в точном смысле слова первый *открыл* их науке, присвоив всему архипелагу идиллическое наименование «Страны дев Гоукинса», за которой впоследствии (1689) утвердилось нынешнее название. Первая попытка заселить эти острова принята в 1764 г. французами¹; но я упоминал уже, что в то время Испания потребовала их себе на том основании, что острова эти составляют в некотором смысле часть континента Южной Америки. После продолжительных переговоров Франция наконец согласилась уступить испанцам колонию за условленное вознаграждение, и *лас Малъвинас* (как испанцы называли тогда Фолкленды) стали заселяться негодьями и преступниками из Буэнос-Айреса. В 1772 году и Англия основала на них колонию (на северной стороне Западного Фолкленда); однако же через два года она уничтожилась, точно так же как и основанная испанцами. Через несколько лет опять переселили сюда преступников из испанско-американских колоний, и французский «Порт Сан-Луи» превратился в скромную «Гавань Пустыни», Puerto de Soledad. Впрочем, и это предприятие не увенчалось успехом, так что к началу нынешнего столетия на обоих Фолклендах остались только огромные стада диких лошадей и рогатого скота. Между тем китоловные суда продолжали заходить в спокойные бухты здешних берегов и в 1820 году новая Аргентинская

---

¹ Они и до сих пор называют всю группу *Малуйнами*, les Malouines.

Республика основала на них факторию, уничтоженную англичанами спустя восемнадцать лет; с тех пор Англия владеет этим архипелагом¹.

Медленное плавание Южным Атлантическим Океаном было причиною, что нам пришлось испытать силу здешних жестоких шквалов от северо-запада, замеченных мореплавателями между параллелями 38 и 45 градусов и господствующих в этих местах преимущественно в осеннее время года. Однако же, мы хладнокровно выждали веяния тёплых и кротких ветров, и чудное тропическое солнце благодетельно стало отогревать наши души, оледеневшие было от горнских холодов, града и прочего ненастья.

Наступил апрель, и первое число его ознаменовалось торжественным обманом. В кают-компании только что собрались было пить чай, как вдруг весёлый возглас вахтенного лейтенанта в люк: «берег виден!» невольно заставил всех выбежать наверх. Мало того: буфетчик и вестовые не замедлили передать радостное известие в жилую палубу, откуда каждый, кто только мог, поспешил выйти наверх. И что ж? Обман, жестокий, немилосердный обман, на который, впрочем, нельзя было гневаться: насмешливое восклицание: «первое апреля, господа!» заставило, разумеется, каждого подсадовать только на собственную доверчивость и спуститься опять к чаю. Между тем горькая шутка подала повод к приятным толкам о берегу, который мы, благодаря ровным попутным ветеркам, увидели к вечеру 6-го апреля. В полночь глубина по лоту оказалась в 32 сажени, тогда мы поворотили от берега на левый галс, к востоку-юго-востоку.

С рассветом следующего дня мы поворотили снова на правый галс, чтоб приблизиться к берегу, а в полдень находились уже от мыса *Кауроки* в 16 итальянских милях. Но тихие противные ветерки, перемежаясь с несносными штилями, медленно подвигали нас вперёд и как бы смеялись над нашим стремлением к берегу и магической команде: «из бухты вон!»

Так мы провели и 8 апреля.

Нельзя довольно верно передать торжество моряка, когда он после долгого, утомительного перехода, видит синеющий вдали берег! Хотя чувство это мною и испытано, но я не берусь его описывать. Не за-

---

¹ В 1841 году она, наконец, решилась усердно содействовать заселению этих островов. Развивающаяся на них колония насчитывает ныне до 160 жителей обоего пола, занимающихся преимущественно скотоводством. Китоловам такое учреждение составляет большое благодеяние.

будьте: мы подходили к берегам роскошной Бразилии после *статрид-цативосьмидневного* перехода!.. Каков такой переход на самом деле? 14 с половиною тысяч миль¹: это без малого 25.500 вёрст!.. И после всего этого, в виду берега, проштилевать ещё трое суток: какое нужно терпение моряку, которого сама природа так жестоко испытывает!

На другой день, в 8-м часу утра, мы увидели на NOtO² маяк *Ráza* (Raza), находящийся на небольшом островке, лежащем в 8 милях от входа на рио-де-жанейрский рейд. Этот маленький островок куплен у бразильского правительства английскими купцами. Они построили на нём прекрасный каменный маяк, немало облегчающий приход с моря к здешнему рейду, который, можно сказать, служит перепутьем решительно для всех судов, идущих в Великий и Индейский Океаны.

Около маяка Раза мы продержались под малыми парусами всю ночь, чтоб дожидаться морского ветерка. Конечно, читателям моим известно, что при всех берегах тропических стран или жаркого пояса господствуют *морские* и *береговые* ветры. Береговой воздух, согреваясь в течение дня несравненно скорее морского, образует таким образом разреженное пространство, в которое стремится морской воздух: вот отчего происходит направление «морского ветра», дующего, следовательно, *в течение дня*. Между тем, к ночи, когда атмосфера берегового воздуха, сгущённого во время дня сильными испарениями, делается несравненно плотнее морской, она должна стремиться, в свою очередь, в относительно разреженное пространство морского воздуха, производя таким образом «береговой ветер», который дует *по ночам*. Эти два ветра, прохлаждая атмосферу знойного климата, делают его довольно сносным, и начинаются обыкновенно спустя два-три часа по солнечном восходе и закате. Промежуток времени между одним ветром и другим сопровождается безветрием, которое, перед началом морского ветра, составляет самую тяжёлую часть дня в жарком климате.

С рассветом следующего дня нам представился в полном величии вход рио-де-жанейрского рейда; но береговой ветер не переставал: нужно было иметь терпение и — ждать!

Но вот, наконец, заштилело, и к 11 часам утра подул морской ветерок. Не теряя нисколько времени, мы тотчас поставили паруса и, преодолев таким образом препятствия, были ко 2-му часу пополудни при входе на

---

¹ Так велика была сумма суточных генеральных курсов.

² Т.е. в направлении северо-восток + румб (11,25°) к востоку. — прим. OCR.

рейд миловидного Рио, по левую сторону которого величественно возвышается *Сахарная Голова* (Pao d'assucar), а по правую белеет форт *Санта-Крус*, небольшое, но сильное укрепление, с которого невидимые голоса ревели нам в рупор обычные вопросы, делаемые купеческим судам. Унылый гул колоколов с множества городских церквей и монастырей торжественно потрясал воздух, и мы невольно переносились мыслью на родину: второй год нашего странствования был уже на исходе.

Наконец, мы вошли в воды, омывающие берега города и его окрестностей; рейд стал принимать величественный вид. С левой стороны, к северу, разбросаны были домики, и вскоре *Ботафóго*, *Прайя-де-Фламíнго*, *Прайя-де-Лузия* и *Глория*, окрестности Рио, представили ряд жилищ по берегу, за которым горделиво обрисовывался силуэт *Корковадо*, высочайшей горы окрестности Рио. Множество военных судов, расположенных на рейде отдельными группами и пестрота флагов разных держав оживляли картину рейда; с прибытием нашим увеличились как число, так и пестрота их: флаг мощной России гордо красовался посреди английского, американского, французского и бразильского флагов.

Воцарившаяся у нас тишина, при входе на рейд, была наконец прервана громогласным: «из бухты вон!»... и 75-пудовой якорь наш, погружаясь с быстротою молнии в пучины рейда, сучил нетерпеливо канат. Радость наша была выше всякого описания.

Едва мы успели управиться с уборкой парусов, как к борту нашего «Або» спешили уже щегольские военные шлюпки с поздравлениями. Это не этикет, а радушная вежливость между моряками. Первой из них была шлюпка французского контр-адмиральского фрегата, стоявшего здесь на станции. За нею посетили нас с командорского корабля Северо-Американских Штатов, английского и бразильского (корпусного) фрегатов.

Первое впечатление, производимое столицей Бразильской Империи на прибывшего к ней с моря очень благоприятно. Город раскинут среди роскошной тропической растительности, на берегу, украшенном прихотливою, веселящею взор зеленью косогоров и в виду двух гигантов *Сахарной Головы* и *Корковадо*. На противоположной стороне красиво тянутся простенькие строения *Сан-Домíнго*, *Прайя-Грáнде* и других предместий, а к северу задний план этой широкой картины составляют *Органные горы*, величественно возвышающиеся вдали над густыми ле-

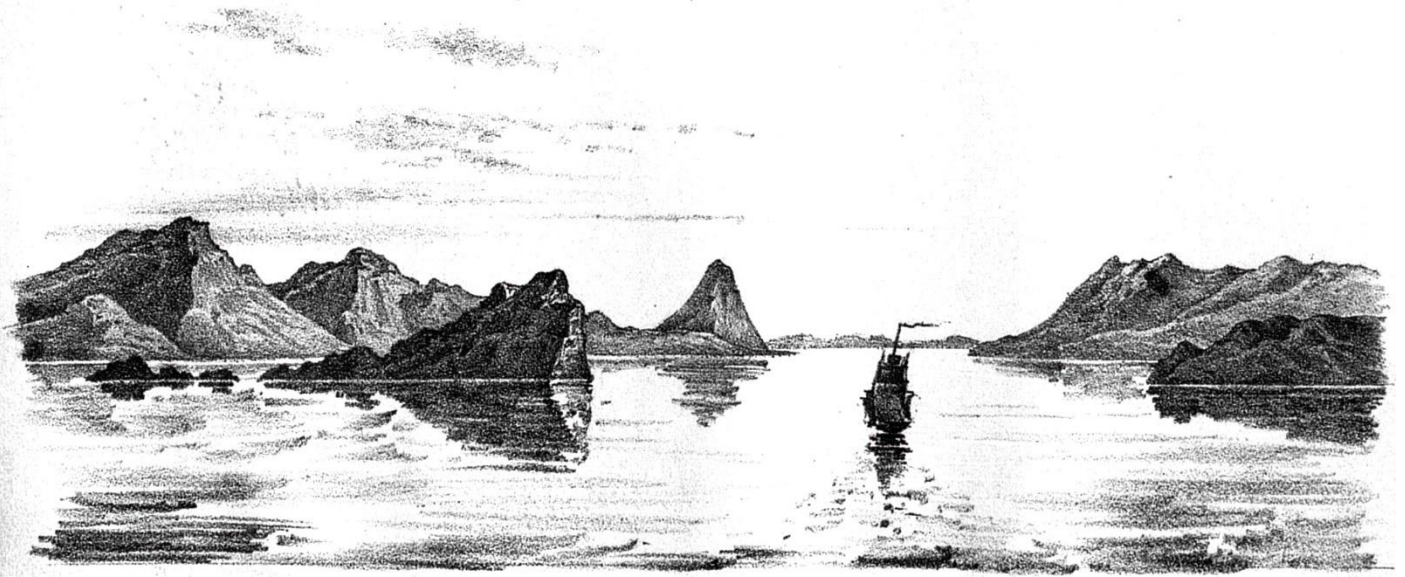
сами. К этому надобно ещё прибавить для полноты описания оживлённую деятельность множества здешних лодок, *фалу*¹, сновавших по всем направлениям рейда, и маленьких пароходов, перевозивших пассажиров с одного берега губы на другой. Впрочем, несмотря на всю привлекательность такой панорамы, покрытой прелестнейшим в целом свете небом, я предпочёл ей занятие с лодочником, смуглым, загорелым португальцем, который привёз нам прекрасных плодов, зелени и свежего мяса, словом вещей, которых мы даже не видели в течение полугода!.. Последний запас провизии мы сделали в Маниле, в июле 1841 года, а теперь, говорят, был апрель 1842 г.: почти год! Трудно на такое время заpastись чем-нибудь, кроме гороха да солонины!..

С отдачею якоря на рио-де-жанейрском рейде мы имели в виду довольно большой отдых после совершённого утомительного плавания. Нам было необходимо осмотреть весь рангоут, исправить бегучий и стоячий такелажи, проконопатить палубу, которая походила в последнее время на решето, починить гребные суда, которые были, за исключением баркаса, в самом плачевном состоянии вследствие нежданного визита неуклюжего вала Океана и (главное) дать случай отдохнуть и освежиться команде, утомлённой продолжительностью статридцативосьмидневного перехода. Все эти и другие важные обстоятельства задержали нас довольно долго в Рио, на рейде которого нам пришлось простоять одиннадцать недель. Разумеется, в это время мы успели вполне насладиться восхитительной природой Бразилии, которая действительно сто́ит того, чтобы потом говорить о ней с восторгом и удивлением.

Первый вечер, который мы провели на рейде Рио-де-Жанейро, подействовал на нас, утомлённых однообразием Океана, с какою-то особенною благотворной силой. И действительно, в вечере этом было много поэтически-прекрасного. Отдалённый шум морского прибоя гармонировал мёртвой тишине, царствовавшей на рейде; над головою раскидывался неомрачённый тёмно-голубой небосклон, с неисчислимым множеством звёзд, фантастически отражавшихся на спокойной поверхности обширного рейда. О, дни былые, дни минувших лет!.. С каким невыразимым восторгом я вспоминаю о вас...

---

¹ Так называются в Рио-де-Жанейро большие лодки, употребляемые для перевозки клади и других тяжестей. Вооружение этих лодок состоит из двух больших латинских парусов, а на случай безветрия употребляются два весла.

Вход на Рио-де-Жанейрский рейд

Обширная рио-де-жанейрская бухта имеет около 15 миль в длину (по меридиану) и до 6 миль в ширину. Столица Бразилии, составляя для Южной Америки один из главнейших приморских портов, бывает постоянно оживлена торговой деятельностью множества заходящих сюда коммерческих судов, число которых год от года увеличивается. В прошедшем году (1841), оно доходило до 850, не говоря о каботажных судах, которых насчитывали более 2 тысяч. В том же году, в отходе состояло: первых до 1.030, а последних около 2.500. Главнейшие продукты к вывозу: сахар, кофе, рис, ром, рога, кожи, ипекакуана и табак. Привозятся преимущественно: водка, спирт, пиво, сыр, масло, соль, стекло, уксус, свинцовые белила, пшеница и вино. О вывозе кофе предлагаю здесь несколько любопытных цифр, объясняющих быстроту, с которою развивалась здесь эта отрасль торговой промышленности. В 1820 году вывоз кофе простирался до 175.000 мешков; к 1826 году он увеличился до 260.000; в 1831 до 428.249; в 1835 до 647.438; в 1839 до 889.324, а в 1841 году вывезено более 904.050 мешков. Главнейшая часть бразильского кофе идёт в Северо-Американские Соединённые Штаты, в Гамбург и некоторые порты Средиземного Моря.

Рио-де-Жанейро, насчитывавший во второй половине XVI столетия всего до 2½ тысяч жителей и около 600 человек войска¹, стоит теперь

¹ См. Southey's History of Brasil, vol. II, pag. 667.

наряду с первыми городами Нового Света. Населения этого города, возведённого на степень столицы Бразилии, особенно увеличились от значительной эмиграции португальцев, которые в числе почти 20.000 последовали за королём. Поэтому не мудрено, что бразильские обычаи быстро покорились влиянию европейских, от чего, в некоторой степени, страна эта утратила колорит оригинальной самобытности. Бóльшую часть населения вообще всех португальских штатов Бразилии составляют *европейские португальцы* (Portuguezes, или Filhos da reino); потом *португальцы, родившиеся в Бразилии* (Brasileiros); далее *мулаты* (Mulatos, потомки от белых и негров), *мамелюки* (Mamaluccos, потомки от белых и индейцев), *негры* (Negros, африканские уроженцы), *креолы* (Creolos, негры, родившиеся в Бразилии), *карибокосы* (Caribocos, потомки от негров и индейцев) и *индейцы* (Indios, первобытные обитатели Бразилии, между которыми были найдены цивилизованные Caboclos и племена, ещё по сию пору оставшиеся в диком состоянии, каковы Gentios, Tatuas и проч.). Все разноцветные народы эти появляются в Рио во множестве, исключая однако ж племени Tatuas, образцы которого весьма редки на улицах города.

Васкончелло¹ разделяет первобытные племена восточных берегов Бразилии на два класса; к первому он причисляет полуобразованных индейцев (Indios mansos), а ко второму дикие орды, известные под общим именем Tatuas. Главным пропитанием индейцев, как и негров, служат два растения: *маис* и *маниока* (Jatropha Manihot, Linn.), плантации которых разведены здесь в огромных размерах.

19 апреля мы праздновали на нашем транспорте Пасху. Но она не была на этот раз так весела, как за год тому, в Индейском Океане. Какая-то невольная грусть проглядывала в нашем веселье... чего-то недоставало на этот раз, — и это «что-то» выражалось на физиономиях моих спутников, припоминавших тот же праздник в прошлом году.

Между тем начались в свободное время съезды на берег. Я не съезжал, однако, довольно долго, несмотря на естественное желание вступить на землю, почувствовать под ногами твёрдую и не шаткую опору, отчего я почти отвык, не зная этого удовольствия по крайней мере полгода. Возвращавшиеся с берега рассказывали мне разные разности, между прочим и то, что несмотря на щегольское устройство первого

---

¹ Noliclas antecedentes, curiosas, a necessaries das Cousas do Brasil in Padre Simao de Vasconcellos Chronico da Companhia de Jesu do Estado do Brasil, etc.

отеля города, какого-то господина или госпожи Phagoix, обществом наших офицеров предпочтён прекрасный Lodging House мистера Гарднера. Устройство, комфорт, table d'hôte и умеренная плата — около 3 руб. серебром в сутки — восхвалялись моими повествователями и довели, наконец, до того, что жизнь у мистера Гарднера, весьма гостеприимного американца, они стали сравнивать с прекрасной, спокойной семейной жизнью, далёкой от трактирной, всегда шумной, беспокойной и более или менее женированной. Тут дело объяснилось: у почтенного Гарднера была прекрасная дочь, лет восемнадцати, которая — между нами будь сказано — свела в последствии многих решительно с ума. Рассказы о ней были или пламенны и красноречивы, или колки и насмешливы, смотря по душевному состоянию рассказывавшего. Я слушал, охотнее верил первым — прости мне, Т***! — и, мысленно, враждовал однако с тою, которая так искусно и в такое короткое время умела завербовать сердца моих спутников. Странное чувство какой-то необъяснимой, заочной антипатии волновало меня, и я твёрдо «решился» не посещать Гарднера во всю нашу стоянку. Невольно улыбаюсь, припоминая это забавное пожертвование!.. Однако же, судьба хотела мне подтвердить непреложную истину, что «человек не должен загадывать вперёд».

Прекрасный и обширный рио-де-жанейрский рейд представляет вполне безопасную и спокойную якорную стоянку. Говорят, впрочем, что здесь случаются иногда жестокие порывы от северо-запада, которые в состоянии сдрейфовать судно с якоря. В бытность нашу на здешнем рейде, мы имели всего раз как-то, спустя полчаса по солнечном закате, довольно свежий порыв от запада-юго-запада. Но он был слишком слаб, чтоб сдрейфовать судно. Конечно, если б наш якорь был брошен нечисто, так, что канат мог бы опутывать якорную лапу, то очень немудрено, что нас бы подрейфовало при этом случае. При отдаче якоря у нас выпускали каната (цепного) немногим более глубины, на которой становились; потом, по мере заднего хода, постепенно потравливая, отдавали вдруг значительную бухту. От этого якорь был всегда чист, потому что в тихое время судно ходило около канатной бухты. Жаль, что не все соблюдают это *правило* при отдаче якоря с цепным канатом: бух-таки прямо саженой с тридцать!..

Однажды, под вечер тихого и прекрасного дня, я расхаживал по шканцам с Т*** и Ю***, припоминая наше петропавловское житьё-бы-

тьё. Игривые воспоминания деятельно одушевляли нашу беседу и довели, мало-помалу, до того, что мы условились ехать на другой день на берег. В числе условия было, бесспорно, и то, чтоб ни за что не заходить к Гарднеру. К чему это было, я право, признаться, не припомню; знаю только, что виновницей всему была мисс Элиза, дочь Гарднера, которая, прошу заметить, не нравилась моим товарищам: по крайней мере они сами так говорили.

Настало наконец и утро следующего дня. Мы неслись к берегу на лёгонькой шлюпке и через полчаса были уже у пристани огромной городской площади Largo do Pazo, на которой, несколько левее пристани, помещался большой дом с вывескою, которая гигантскими буквами извещала, что здесь великолепный Hotel Pharoix. Мы пошли наискось площади, правее, в улицу di Reita. Эта огромная площадь была ещё в недавнем времени, лет десять тому назад, местом отвратительной торговли невольниками; связанные негры наполняли её совершенно, как бараны, приведённые на продажу.

Идя площадью, мы прошли мимо дворца бразильского императора, здания, не отличавшегося архитектурой от прочих строений города. Часовые небрежно расхаживали около своих постов, иные из них курили сигары!!..

Правее от нас и ближе к берегу, красовался огромный гранитный обелиск, к которому проведены трубы водопровода *Кариока*, получающего своё начало в горах. Они поддерживаются каменными арками, построение которых относят к очень далёким временам, и соединяются в бассейне обелиска помпами, накачивающими пресную воду. Устройство этого огромного водопровода, оконченного в 1740 году и имеющего значительное протяжение (около 4-х вёрст), стоило правительству больших издержек¹.

Пройдя всю площадь, мы очутились в Rua di Reita, по которой нам следовало пройти в главную улицу города. Однако же, почувствовав аппетит, мы завернули предварительно в один из первых попавшихся ресторанов и потребовали лёгкий завтрак. Отсюда мои спутники указали мне на одну дверь противоположной стороны улицы, и на ней чёрную жестяную дощечку с белыми буквами, гласившими: T.W. Gardner, № 14.

---

¹ Кроме того, к площади Largo do Pazo примыкают ещё два большие здания, это: церковь *Божьей Матери*, фасад которой довольно изящен, и *императорская капелла*, не представляющая ничего особенного по наружному виду.

— Да-да, друг, — говорил Т***, ударив меня по плечу и взглянув в окна бельэтажа; но тёмно-малиновые шерстяные занавесы не позволили его взору проникнуть в глубину комнат, скрывавших предмет вздохов большинства моих спутников и сослуживцев.

Но вот мы и в великолепной улице столицы Бразилии, в Rua d'Ouvidor, улице, составляющей для Рио-де-Жанейро то же, что Невский проспект для Петербурга. Несметное число магазинов, которыми она унижена, были завалены щегольскими изделиями и безделками Парижа. К числу самых изящных принадлежит, в особенности, магазин госпожи Фино, прелюбезной цветочницы. Эта бойкая и витиеватая парижанка, артистка fleuriste, приготовляет великолепнейшие цветы из перьев роскошных птичек, которыми наполнены в изобилии леса благословенной Бразилии. Цветы эти так живы, так натуральны, что нельзя надивиться искусству, с которым подобраны в них краски. Это решительно chef d'oeuvre искусства. Для выделки их необходимо иметь необыкновенное терпение, простого будет недостаточно.

Одно, в чём справедливо можно бы упрекнуть улицу d'Ouvidor, как и вообще весь город, это неприятная и поражающая нечистота на самых тротуарах. Кроме того, по вечерам гораздо безопаснее ходить серединою улиц, потому что около домов можно подвергнуть себя очень не ароматическому орошению какими-то отвратительными нечистотами, ниспадающими из окон верхних этажей. Неужели это дозволено в столице Бразилии?!..

Переходя по разным улицам, украшенным лёгкими зданиями новейшей архитектуры и неуклюжими домами прошлого столетия, с железными балконами, мы встретили от двадцати до тридцати человек негров, которые несли на головах большие мешки кофе, каждый пудов по пяти весом. Бедняки не шли, а бежали рысью, под предводительством загорелого португальца, вооружённого объёмистой камышовой тростью. Этим орудием наказывают несчастных негров за малейший проступок, почитая их не только скотами, но гораздо хуже их. Вот доказательство: если негр заработал своему господину сумму, которую тот заплатил за него, то владелец готов убить своего невольника по самой ничтожной причине. Бесчеловечное обхождение бразильцев и португальцев с неграми не имеет никаких границ; оно гадко, отвратительно для европейца. Не редкость, например, быть на улицах Рио-де-Жанейро свидетелем самых немилосердных побоев, достающихся на долю бедных невольников. Нужно, впрочем, благодарить за обычай, который

спасает иногда этих несчастных: всякий прохожий, видя наказание провинившегося негра, имеет право махнуть рукой: знак, который прекращает наказание и даёт невольнику помилование. Узнав об этом, однажды кто-то из нас спас одну старуху-негритянку от палки, которая очень усердно разгулиwała по согбенной спице бедной женщины. И в чьих руках была эта палка, как бы вы думали, читатель? Тоже женщины, очень недурненькой португалки или бразильянки, с которой, пожалуй, при случае можно бы пуститься в нежности, разумеется, для человека, незнакомого с её способностью к таким предосудительным поступкам¹. Однако, я обращаюсь к неграм, которых мы встретили на улице за работой.

Исполняя эту трудную, изнурительную работу головой, несчастные негры редко когда бегут молча; они размеряют свою рысь по такту какого-нибудь напева, разумеется, всегда грустного и унылого. Для аккомпанемента они употребляют особого рода гармонику; она состоит из коры кокосового ореха, на которой натянуты две-три металлические струны. Унылый и прерывающийся одышкой напев песни, вторит довольно удачно звукам диковинного инструмента, но весь ensemble печален в высшей степени и невольно раздирает душу непривычного к подобному зрелищу человека, ещё не совершенно огрубевшего от ежедневных встреч с подобными процессиями. По крайней мере, такое грустное впечатление произвёл на меня вид этих несчастных тружеников.

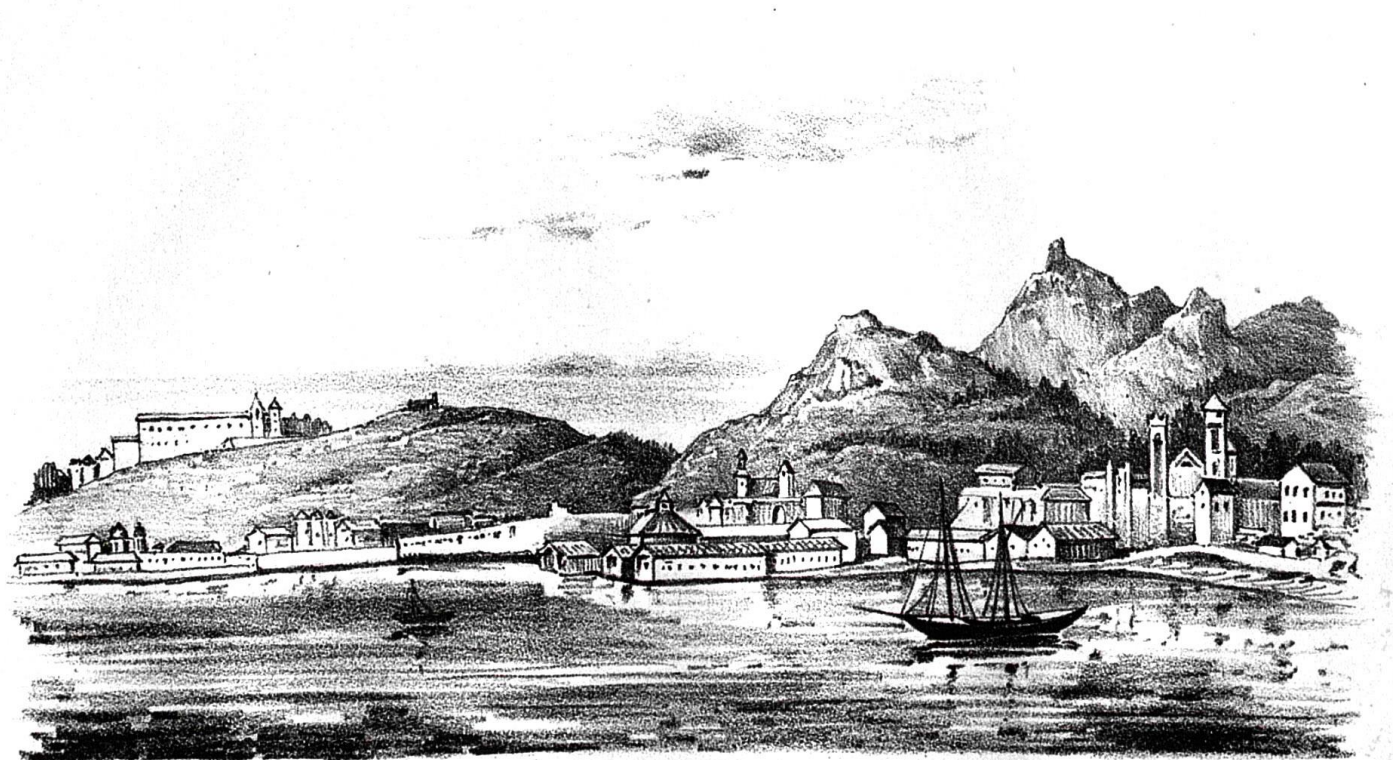
Побродив до обеда по улицам величаво разбросанной столицы и сделав неизбежные в таких случаях закупки, мы собрались вечером во французский театр². Он находится вблизи дворца, в квартале весьма грязном и неопрятном, нисколько не гармонирующем зданию «Сан-Франциско», в котором он помещается. Пьесу давали знакомую, «Стряпчий под столом». В восьмом часу мы сидели уже в креслах небольшого,

---

¹ В этом отношении, мнения путешественников довольно различны. Так, например, автор описания «Reise nach Brasilien», по-видимому, утверждает, что с неграми, говоря вообще, обходятся хорошо. Не знаю наверно; плантаций я не посещал; но с тем вместе могу не без оснований сомневаться в справедливости его слов, потому что в городе, в Рио, в котором я провёл три месяца, имел несчастье убедиться, что с неграми обходятся не по-человечески.

² Здесь кстати заметить, что в Рио есть итальянская опера и балет; однако ж, я не был ни в первой, ни в последнем, что разумеется непростительно. Театр, на котором даются эти представления, находится на Конституционной площади, и при открытии его, в 1812 году, получил наименование Сан-Хоао.

но миленького и со вкусом устроенного театра, который, по своей миниатюрности, кажется совершенно игрушкой, каким-то карточным домиком: дунул — и всё разлетится! Между тем оркестр шумел, места наполнялись. По окончании увертюры взвился занавес. Умалчивая об игре довольно плохих артистов, я мимоходом замечу, кто занимал здесь в то время (чего доброго ещё и теперь!) роли первых любовниц. Это старинная знакомая петербургской публики, m-lle Caroline, находившаяся некогда в составе нашей французской труппы. Спектакль кончился в одиннадцатом часу, а к двенадцати мы были уже на транспорте.

Рио-де-Жанейро

Город *Рио-де-Жанейро* или *Сан-Себастьян*, как преимущественно называют столицу Бразилии в официальных бумагах, был основан в 1567 году. Спустя 200 лет, его переименовали в столицу Бразилии, и теперь он составляет один из обширнейших городов Америки. Рио-де-Жанейро лежит в $22^{\circ}54'$ южной широты и $43^{\circ}10'$ западной долготы от Гринвича. Поэтому город пользуется прекрасным климатом, так что в зимние месяцы не бывает менее 18° , а летом более 28° тепла. Город построен на юго-западной стороне залива, на низменном месте, окружённом затейливо изрытыми горами. Он разделяется обширной площадью на две части, из которых западная называется Новым городом, а восточная Старым. В нём семь приходов, в которых несколько церквей, но о

них я уже говорил. Рио богат также семинариями и монастырями. Самый замечательный из них воздвигнут на горе, возвышающейся над городом. Внутренность монастыря достойна внимания по удивительной резьбе. Картины и символические фрески грубы, испорчены временем и не заслуживают особенного внимания. К замечательностям города и его окрестностей надобно отнести загородный дворец бразильского императора, называемый Сан-Кристоф, арсенал, монетный двор, биржу, таможню и ботанический сад. Жителей полагают до 140 тысяч, в числе которых весьма немного бразильцев. Главную часть населения составляют португальцы, мулаты, европейские негодянты и негры. Торговля в руках англичан, французов, американцев и итальянцев. Бразильцы и португальцы слишком ленивы для торговой деятельности; в этом отношении они вполне поддерживают свою репутацию ленивейших народов в мире.

Сибаритство их происходит, быть может, от того, что здесь великое множество праздников. При всех этих торжествах водится престранное обыкновение потешаться на улицах различными фейерверками, бенгальскими огнями, шутихами и тому подобным. Идешь, бывало, по улице в подобное празднество, как вдруг под ногами взрывают шутиху: невольно, конечно, испугаешься, даже при всей храбрости, которую нужно же допустить в моряке?.. И кто же, как осмотришься, был виновником вашего испуга, положим, самого комического? — какая-нибудь миленькая смуглянка, португалка, продолжающая в вас бросать римские свечи, громко и от души смеясь тому сальто-мортале, к которому вы некоторым образом невольно должны были прибегнуть в момент взрыва негодной шутихи!

В отношении к фруктам Рио богат удивительным разнообразием. Вы найдёте на рынках прекрасные апельсины, манго, финики, виноград, гуавы (*Psidium pyritarum*, Linn.), ананасы (*Bromelia Ananas*, Linn.), несколько родов бананов, между которыми особенно вкусны так называемые *da terra*; наконец, кокосовые орехи, дыни (*Melancias*) и множество других фруктов. Впрочем, может ли быть здесь недостаток в подобных естественных произведениях, когда, сколько известно положительно, сахарный тростник был найден в диком состоянии около нынешнего Рио-де-Жанейро?

Бразильская империя разделяется на 18 областей. Она имеет значительные сокровища в богатых рудниках драгоценных металлов и, невзирая на это, всё-таки сильно истощена в финансовом отношении: вот

последствия беспрестанных внутренних смут, вследствие которых правительство нашлось вынужденным передать свои рудники на откуп английским купеческим компаниям, отчего натурально, весь кредит империи теперь в руках англичан. Богатейшие области Бразильской империи, в которых находятся рудники, называются *Минас-Жераес* и *Гояз*; в особенности первая из них обладает несметными богатствами, хотя в начале нынешнего столетия некоторые положительные люди полагали, что богатство её совершенно уже исчерпано. Кроме того, как известно, в здешних рудниках много алмазных копий. Вот, между прочим, интересный анекдот, рассказанный капитаном Головниным в его вторичном путешествии вокруг света, совершённом в 1817 году. Какой-то учёный, родом британец, путешествовавший по Бразилии лет за 10 до прибытия капитана Головнина, сумел исходатайствовать позволение тамошнего правительства осмотреть алмазные копи, с правом не быть останавливаемым на заставах, где обыскивают обыкновенно всех путешественников с ног до головы, даже разбирают сёдла, чтоб предупредить всякий тайный вывоз драгоценных камней. Воспользовавшись таким правом, весьма снисходительно дарованным ему бразильским правительством, учёный англичанин вывез в своё отечество большие сокровища и к довершению открыл в Лондоне *магазин* драгоценных камней. Но это, положим, предосудительная сторона слабого человечества. *Gelegenheit macht Diebe*¹, говорят весьма справедливо немцы; незачем было и давать подобного позволения. Не угодно ли будет, однако, выслушать финал, которым англичанин довершил свой поступок. Он издал в свет небольшую брошюру, в которой описал до малейших подробностей все плутни и хитрости, употребляемые в Бразилии при тайном вывозе алмазов. Этого мало; он назвал даже по именам всех чиновников, которые участвуют в таких злоупотреблениях. Бразильское правительство, получив его брошюру, приказало их всех перевешать, чем дело и было покончено.

В окрестностях Рио есть прелестный водопад, известный под именем Тежуко. Однажды мы решились к нему отправиться и нарочно съехали на берег с вечера, чтоб с рассветом следующего дня пуститься в путь и, воспользовавшись таким образом утренней прохладой, быть к знойному полдню на месте. Шлюпка была готова, мы понеслись к берегу. При этом я обязан, однако, сообщить, для «собственного оправдания»,

---

¹ *Gelegenheit macht Diebe* ≈ Плохо не клади, в грех не вводи (пословица). – прим. OCR.

что в числе нашего общества, всего пятерых, было трое равнодушных к дочери Гарднера. Мудрено ли, что прибыв к берегу, все предпочли остановиться в его Lodging House?.. Я шёл рука об руку с моим Т*** и не хотя следовал за своими сослуживцами...

Подойдя к роковому порогу, мы все остановились по поводу прений о весьма важном вопросе: «в которой конюшне нанять лошадей?» Наконец, условившись, трое отправились выбирать ретивых, а многоуважаемый мною П. Я*** и ваш покорнейший слуга наверх, к Гарднеру. Входим, зала пуста. Вскоре послышались, однако, частые шаги лёгкой поступи, сопровождавшиеся приятным шелестом шёлкового платья.

В дверях показалась девушка лет 19; её темнорусые волосы и прелестные голубые глаза, обведённые густыми бровями, украшали правильный и интересный оклад лица, которому чудный миниатюрный ротик с мелкими, как жемчуг, зубками придавал невыразимую прелесть. Она приветливо поздоровалась с моим спутником и дружески и грациозно протянула ему свою пухленькую ручку для пожатия.

Откровенно сознаться, присутствие этой живой и решительно прелестной miss мне было приятно. Я любовался ею и мысленно сожалел, что потерял столько драгоценного времени, не посещая действительно «прекрасный» Lodging House Гарднера. Мне стало даже досадно на Т***, который, Бог знает почему, как будто старался всегда отзывать о ней, если не дурно, то всё же, по крайней мере, не в её пользу. Уж не чувство ли ревности побуждало его к этому?.. Однако же спутники наши вскоре вернулись и объявили, что лошади были заказаны к 4 часам утра.

Вечер мы провели весело. Эта юная обворожительная американка резвилась совершенно как милый ребёнок. Серебристый звук её голоса магнетизировал моряков, — спокойных, довольных своим настоящим положением!.. Father и Mother её чрезвычайно полюбили русских, которые преусердно занимали их своими рассказами и болтовнёй. Пробыло 10 часов, и мы разбрелись по номерам.

На другой день, в 5 часу утра, мы потянулись шажком по сонному Рио-де-Жанейро, а через два часа выехали уже далеко за город. По обеим сторонам довольно широкой и пыльной дороги, среди прихотливой природы, тянулись дачи знатных и богатых людей столицы, убранные густым плюшем; в садах были всюду бананы, каштаны и апельсины, — но зато ни одной берёзы. Горы, одетые ещё утренним туманом, представляли попеременно живописные пейзажи, убранные кофейными, ба-

нановыми, апельсиновыми и каштановыми деревьями. Прелестны подобные прогулки в тамошних благословенных краях!.. Едешь, бывало, по аллеям, усеянным самыми зрелыми тонкокожими апельсинами; невольно, конечно, соблазнишься, придержишь коня к стороне, с разборчивостью лакомки выберешь дерево, остановишься у него и нарвёшь самых аппетитных апельсинов, сколько душе угодно! Приятно и как дешево!..

Плантации маниоки, сахарного тростника и апельсиновых деревьев, составлявшие там и сям самые пышные леса, сменялись по временам живописными *вёндами*¹, окружёнными группами банановых деревьев и кокосовых пальм. Самые разнообразные цветы, от ярко-пунцового до тёмно-голубого цвета, пестрели по обеим сторонам дороги, довершая живописность ландшафта, от которого веяло жасмином, флорипандио и туберозами. Чистый тропический воздух этой окрестности Рио был наполнен звуками множества прелестных птичек. Среди ветвистых деревьев мелькала как яхонт, бразильская *танáгра* (Tanagra), небольшая тёмно-малиновая птичка, которую французы называют *la goûge*. В иных местах показывались колибри, арары и длиннохвостые кукушки кирпичного цвета. Райские птицы не встречались в числе их.

Кстати о райских птицах. Аморетти рассказывает, что рыцарь Пигафетта первый объяснил европейцам, что райская птица (*avis paradisisca*, Linn.) точно так же как и другие пернатые имеет ноги; известный естествоиспытатель *Альванде* по этому поводу даже упрекал сочинителя, как за ложь, потому что в Европе тогда все учёные были убеждены в противоположном тому, полагая, что она без ног (вероятно на том основании, что они обыкновенно отрезались у чучел). Геррера, описывая райскую птичку, говорит, что она называется *болондината* (т. е. божья птица) и неизвестно чем кормится, хотя кастильцы и утверждают, что она питается росой и ароматическим благоуханием различной естественной производительности.

Но вот, нам послышалось сильное журчание; оно возвестило о близости «Малого Тежуко». Надобно заметить, что в окрестностях Рио находятся два водопада под этим именем. Ближайший из них, вскоре открывшийся пред нами, называется *Малым Тежуко*. Он падает с высоты

---

¹ Так называются здесь небольшие дома, находящиеся при столбовых и просёлочных дорогах. При них устроены рестораны, в которых путешественник найдёт прохладительное и что-нибудь из съестного.

нескольких сот футов тонкой, клубящейся пеной, серебристые и радужные брызги которой, разлетаясь, кажутся дымящимися. Окрестные скаты, возвышенности и косогоры покрыты пышной тропической зеленью; природный гранитный бассейн, выбитый, без сомнения, силой ниспадающей воды, представляет огромный резервуар кристальной и холодной воды, в которой мы с удовольствием выкупались, и вся окрестность дышит самой гармонической прелестью.

Малый Тежуко

Большой Тежуко, удалённый от Малого на расстояние получасовой езды, много теряет в глазах путешественника, видевшего первый. Он лишён стройности и колоссально-величественного вида, то есть поразительного для глаза, столь необходимого условия для живописности подобного ландшафта. На обратном пути мы избрали другую дорогу к городу, для того собственно, чтоб побывать в ботаническом саду. Тут встретилось нам на пути озеро; мы перешли его вброд, что послужило поводом ко многим забавным сценам, из которых едва ли кто вышел сух, в буквальном значении этого слова.

То рысью, то плавным галопом — езда не слишком тряская для нашего брата моряка — мы прискакали наконец к ботаническому саду, имевшему некогда европейскую знаменитость. Знающие люди утверждают, однако, что в настоящее время слава его скрылась за горизонт похвалы. Впрочем, сад содержится в большой чистоте, хотя следы запущения показываются местами. В числе множества разного рода деревьев и растений, мне большей частью незнакомых, я видел чайное дерево, корицу и саго. В особенности понравился нам павильон, составленный из ветвей железного дерева: мило, роскошно и щеголевато! Подле него находилось дерево, на котором было до пяти родов листьев, различных видов и цветов. Впрочем, мне надо сознаться, снисходительные читатели, что влияние десятичасовой верховой езды отняло у нас всякую способность к созерцанию этого редкого собрания произведений прозябаемого царства, и мы ходили по ботаническому саду почти полусонные. Окончив на скорую руку осмотр всего любопытного, мы сели на лошадей и поспешили в город.

К 8-ми часам собрались у Гарднера. Все наперебой стали сообщать прелестной мисс о подробностях нашей поездки на Тежуко, шутили, подшучивали и провели самым приятным образом вечер. Впрочем, я говорю это вообще; некоторые не принимали ни малейшего участия в общем веселье и были весьма задумчивы, так что со стороны можно было подумать, что прелестная женщина — плохой проводник равнодушия. Однако ж, мы собрались на другой день на транспорт, и дорогою условились совершить поездку на Корковадо, в которой, к сожалению, я не мог участвовать.

Находясь долгое время под влиянием чудного неба Бразилии, я думаю, будет не удивительно, если чистосердечно сознаюсь, что Камчатка

у нас — забылась! Присутствие юной американки, мастерски кокетничавшей с нами, деятельно раздражало воображение молодёжи. Конечно, сотни мильрейсов, которые мы платили за стол и постой, очень годились её почтенному father. Но как бы то ни было, я был совершенно доволен тем, что не один поплатился за такое легкомыслие; мы осуществили даже странность, которой примера, вероятно, никто не слышал: несколько человек могли влюбиться, со всею пылкостью своих сердец, в одну и ту же особу — и оставаться в прежних, дружеских отношениях!.. Это, серьёзно, довольно странный случай.

Мистера Гарднера посещали также офицеры американской эскадры; в числе их был один молодой лейтенант, по имени Медокс, стройный, красивый мужчина. Патриархальная молчаливость его подавала нам повод к забавным насмешкам, которые бывало зачастую сердили привлекательную miss, а в этом состоянии она была ещё очаровательнее.

Сидя однажды с Медоксом, который был в свою очередь также не совсем равнодушен к Элизе, и моим Т*** на романических колыхающихся креслах около круглого стола, на котором в поэтическом беспорядке было разбросано множество альбомов, изящных гравюр и щегольских альманахов, мы разговорились как-то об охоте в здешних лесах и изъявили даже желание составить подобную поездку.

— Не советую, господа! — сказал мистер Медокс, придавая словам своим какое-то таинственное значение.

— Почему бы так? — возразили мы с Т*** в один голос.

— Потому что здесь надобно быть очень осмотрительным в подобных поездках: не думайте, чтоб я сомневался в вашей храбрости, несколько; нет, я говорю собственно о португальцах, здешних плантаторах: они не умеют извинять иностранцам нечаянных поступков против их прав.

— Разве вы имели случай убедиться в том, что говорите так положительно?

— К несчастью, так. Никогда не забуду я этой памятной поездки! — улыбаясь, прибавил он со вздохом.

— Расскажите же нам, мистер Медокс, эту памятную поездку; ваш невольный вздох и улыбка меня сильно интересуют, — сказал Т***. Закуривая свою Manilla, я одобрил его предложение, прибавив тут же и свою просьбу.

— Это довольно длинная история...

— Тем лучше; мы будем, значит, иметь удовольствие долее слушать и наслаждаться вашим рассказом.

— Таких любезностей я не люблю так же, как и «шквалов с под ветра»: меня удивляет только одно, что моряк мог отважиться на гостинную фразу: вероятно miss Элиза виновница такому направлению ваших мыслей, иначе я себе не могу этого объяснить, — улыбаясь, сказал он мне в ответ.

— Вероятно, мистер Медокс; но мы можем, я полагаю, надеяться услышать подробности вашей поездки?

— Извольте, извольте, с удовольствием. Только я вас предупреждаю, господа, что мой рассказ будет длинен: не люблю упускать даже мелких приключений из моего повествования.

На этот раз я не отважился сказать ему какую-нибудь «любезность».

— Итак, господа, я начинаю. Прежде, однако, замечу, что за год до этого приключения я был на корвете в Калифорнии и возвращался сюда на станцию из Вальпарейзо, с сердечными ранами: никогда не забуду тех глупостей, которые я творил по милости очаровавшей меня Агнесы!.. О, молодость, молодость!!

Последние слова слышала и мисс Элиза, которая пришла к концу его речи. Только что распустившийся махровый розан был в её ручках, и безжалостные пальчики красавицы выщипывали листочки роскошного цветка. Она была что-то не в духе, мистер Медокс не обращал на то, по видимому, никакого внимания и хладнокровно продолжал рассказ свой.

— Итак, господа: это было здесь в Рио-де-Жанейро, в 18** году, 6 мая. Впрочем, вы меня извините, мисс: я начинаю рассказ нашей поездки в Сампайо без вашего позволения: будет ли вам это приятно?

— О, очень! — отвечала она. — Ваше приключение меня веселит; в особенности, когда представляю себе храброго Медокса... бегущего! — иронически улыбаясь, заметила Элиза.

— Не хочу верить, мисс, чтоб вы не имели столько сострадания и не пожалели бы нас. Однако, с вашего разрешения я начинаю.

Мы подвинулись ближе к столу, закурили сигары и молча слушали его интересное повествование, которое я передаю моим читателям, но не хочу, однако же, убеждать их в его исторической точности: за что купил, за то и продаю.

— Итак, господа, — продолжал мистер Медокс — это было здесь, на рейде. Я достаивал свою полночную вахту и по обыкновению, как на

якорной стоянке, дремал, сидя на сигнальных ящиках, которые находились у нас по обе стороны головы руля. Полусонные мысли мои были заняты воспоминаниями «о ней», дочери диких берегов Хили. Хотя подобные воспоминания производят в иных бессонницу, однако на меня подействовали они совершенно иначе: я крепко заснул!

Элиза улыбнулась. Ах, как она была хороша в это время!.. Медокс продолжал.

— Между тем, нежно-любящее сердце моё не дало мне и тут покоя: и во сне являлась мне всё «она, она и она!» Пылкое воображение, в бреду этого фантазмагорического видения, перенесло меня опять к моему кумиру, и я блаженствовал, наслаждаясь созерцанием её хорошенького лица!.. Но вдруг, полновесная длань ударила меня по плечу... я проснулся, и, увидев пред собою S***, моего искреннего друга, должен был разочароваться, и с прискорбием убедиться, что всё виденное мной было во сне, а не наяву.

— Да полно валяться! — сказал S***, стащив меня за ноги с рундука. — Ведь посмотри, — продолжал он — как тебя дождь вымочил, а ты, поди-ка, и не чуял?

По освидетельствовании моего костюма, он точно оказался мокрым. Это обстоятельство показалось мне тем более странным, что ночь была в полном смысле тропическая: небо, усеянное мириадами звёзд, тёплый, чистый, благоуханный воздух... темень хоть глаз выколи!

— Да чему тут удивляться, — продолжал он — шквал нагнал дождевую тучу, и тебя за исправное стояние на вахте вспрыснуло: вот и всё. Но дело не в том: не хочешь ли ехать с нами на охоту? Мы сейчас отправляемся, вот и шлюпка с четырьмя неграми у борта. Едешь, что ли?

— Конечно, конечно еду, — сказал я ему полусонный, и вслед за тем спустились мы в кают-компанию.

Вообразите себе довольно обширную каюту, освещённую двумя восковыми свечами; посредине её большой стол, на котором, в полном смысле слова, царствует хаос: сигары, ягдташи, дробницы, пороховницы, сыры, сардели, рюмки, стаканы, джин, херес, портвейн (в остойчивых, но изящной формы карафинах), троих пресыщающихся и одного дремлющего в полном вооружении на диване, — и воображение ваше нарисует вам именно картину, которая мне представилась, когда я вошёл с S*** в каюту.

— Получив благосклонное согласие сопутствовать, я в одну минуту нарядился сагитариусом и предстал пред лице охотников вооружённый

довольно неисправным карабином, с перекинутыми через плечо ягдташем и пороховницей. Наскоро закусив, выбежал я наверх, и сам-пят погрузился в шлюпку. На баке пробило 8 склянок, когда мы отвалили от борта, и лопасти 4-х вёсел дружно ударили по поверхности зыблющейся стихии, размётывая фосфорические искры её далеко за корму шлюпки.

— Нас было, как я уже говорил, пятеро: двое наших лейтенантов G*** и P***, S***, я и познакомившийся с нами португалец Сампай, по предложению которого поездка эта состоялась. Он воспитывался в Париже, и был действительно настоящий француз: много смеялся, острил, говорил, и «к былям небылиц без счёта прилагал!». С любопытством слушали мы, однако, его болтовню о предстоявших нам удовольствиях, и уже заранее приготовлялись увидеть спокойно спящего в тростнике крокодила и чудных птичек бразильских лесов, из перьев которых, как вам, господа, известно, мадам Финó приготовляет искусственные цветы.

— Время шло незаметно: вторая бутылка хереса была на исходе, и одна бутылка портера распита гребцами-неграми, которые, сказать между прочим, с самоотвержением наваливались. Незаметно удалялись мы от корвета, солнце не подходило ещё к горизонту, и всё, даже берега, находилось во мраке неизвестности, исключая огоньков в Прайя-Гранде, Прайя-де-Лузия, Глории и нас пятерых, видных по пылавшим в зубах сигарам.

Г-н Сампай, рио-де-жанейрский негодник, довольно ограниченного состояния, жил в Сан-Доминго и, познакомившись с нашим доктором, сблизился со всей кают-компанией; часто у нас обедал, приглашал также к себе; служил толмачом... словом, проводил время так же праздно, как и мы. Накануне описываемого мною дня, некоторые из наших офицеров, обедая у него, en passant, завели речь об охоте. Должно быть желание угодит подстрекнуло Сампая сделать им то предложение, по поводу которого я сообщаю вам, господа, подробности нашей поездки.

— Messieurs! — говорил он восторженно — я вас уверяю, что вы ничего подобного не видали!.. Ce sera parfaitement amusant: je vous assure!.. Часа в три-четыре ночи отсюда выедем; к полдню будем в Сампайо... отдохнём, погуляем, и на другой день, с рассветом, отправимся в леса.

— Весьма естественно, что никто не отказался от этого соблазнительного предложения. Вероятно и вы, господа, — говорил мистер Ме-

докс, обращаясь к нам — не стали бы противиться, если б вас приглашали насладиться зрелищем этой роскошной природы... этим чудным произведением Творца!..

— Между тем знойное тропическое солнце подошло к горизонту и, распустив первые багряные лучи свои, осветило истинно величественную природу. При соединённом действии четырёх трудящихся негров и поставленного грота, мы унеслись уже довольно далеко от Рио, продолжая путь свой вдоль по губе на север, к устью речки *Макако*, при берегах которой, в расстоянии около 26 миль (45 вёрст) от Рио, лежал порт де Сампайо.

— Перед нами Органные горы выступали величественно из разлива утреннего тумана; чайки, пробуждённые наступлением дня, стаями летали над зеркальной поверхностью вод, с криком оспаривая друг у друга искусно приобретаемую пищу.

— Наконец, в исходе десятого часа утра достигли мы устья речки Макако и сделали тут первый привал для отдыха неграм. Спекулятивный ум человека хорошо понял потребность корчмы в этих окрестностях, и вот перед вами запачканная лачужка, где кроме кашача (так называется здесь молодой ром) можно получить *Aguardiente*, даже портвейн и весьма не гастрономическую закуску.

— Между тем, как негры расположились уничтожать маниоку¹ (их любимая пища, приготовляемая в роде толкна), подкрепив предварительно силы кашачей, Сампай отправился бегать с ружьём по берегу, влача за собою S*** и меня, страстных, но плохих охотников, и беспрестанно повторяя, что он видел сейчас *une goûge*.

— Таким образом провели мы здесь не более получаса и отправились далее речкой. Речка Макако довольно узка, но судоходна. По дороге нам встречалось много больших лодок с кладью. Местами росший с боков тростник доходил до середины речки и тем делал её чрезвычайно узкой; тут-то указывал нам Сампай места, в которых «будто бы» крокодил выходил на берег греться; но, вероятно, эти ложбины в тростнике произошли от пристававших к берегу лодок. Мы охотно позволяли ему ораторствовать, — но весьма неохотно подле него сидели: *les goûges* сводили его с ума, и меткие выстрелы раздавались поминутно то над головой, то под ухом... словом, того и гляди, что вместо какой-нибудь тропической птички, он положит кого-нибудь из негров или из нас.

---

¹ Маниока, хлебо-корень, растёт небольшими кустарниками.

— G***, как казалось, скучал; выстрелы P*** повергали иногда жертв, а S*** и я придерживались пословицы: «за большим погонишься — и малое потеряешь»; поэтому мы стреляли только в тех птиц, которые сидели нам почти на дуло ружья, а таких случаев было, к прискорбию, весьма мало.

— Таким образом ехали мы довольно долго речкой; час был уже третий в исходе, а порт де Сампайо не показывался. Желудки начали требовать подкрепления, но кроме вина у нас ничего не было; следовательно нам оставалось утешаться уверениями хвастуна Сампая, который говорил, что мы получим там непременно обед французской кухни. В ожидании этого истребляли мы Manilla и Navana.

— Сампай продолжал, по-прежнему торопясь заряжать, стрелять и преусердно восклицал: «o, les rouges, les rouges!»

— Наконец, к нашему удовольствию, из-за извилистых берегов речки показались мачты больших лодок, и один из гребцов-негров провозгласил: Senhor! Porto de Sampayo!

— Радостно накинули мы наши плащи. На часах было ровно четыре, когда мы вышли на берег, и погоняемые сильным голодом, направили стопы свои к строениям. Первое попавшееся нам был длинный, одноэтажный флигель с несколькими магазинами и гостиницей: до неё-то мы только и добирались. Обед был заказан, а в ожидании его мы отправились осматривать так называемый Порт.

— Porto de Sampayo служит для рио-де-жанейрских купцов как-бы складочным местом; сюда пригоняют и привозят из окрестностей всякую живность, которую купцы скупают и переправляют на больших лодках, фалу, в Рио. Порт де Сампайо очень невелик и не важен по транзитной торговле. Главную роль играет в нём португалец, торговавший прежде неграми. Пойманный впоследствии английскими крейсерами, он содержался у них на блокшиве около года и, как говорят, был не раз наказываем за покушения к побегу, почему естественно возненавидел англичан. Теперь же имеет он на месте до 400 (едва ли не более) человек негров и сахарный завод. Для помещения такого огромного числа негров он выстроил каменный одноэтажный флигель, называемый «двором негров». Несколько каменных, большею частью одноэтажных домиков с присовокуплением к ним небольшой церкви, — вот весь Порт де Сампайо.

— За обедом говорун Сампай занимал нас своей привычной болтовнёй, и в заключение предложил провести вечер на дворе негров, чтоб

посмотреть их туземный танец, *батуйка*. Мы с удовольствием приняли это предложение и, окончив трапезу, которая была весьма не утончённо приготовлена, отправились на двор негров, оставив ружья и прочие принадлежности в гостинице, где у нас были взяты номера для ночлега.

— По совету нашего путеводителя Сампая, чтоб одушевить по возможности танцующих, надлежало взять с собою до двадцати бутылок кашачи. Мы так и сделали.

— Вошедши на двор негров, мы уселись посредине его, на разбросанной поленнице дров, с нетерпением ожидая начала танца. Сампай суетился, хлопотал, — и наконец начали уже проглядывать наряженные для танца негры; всё было почти готово: не доставало какого-то сундука, который должен был служить барабаном.

— G*** и P*** о чём-то беседовали, а я с S*** отправился осматривать жалкие кельи негров. И действительно они были жалки!.. Довольно широкая скамья, совершенно голая, — даже без циновки! — служила ложем отдохновения негра. В углу стояло ведро с водой; на окне лежал ломоть чёрствого хлеба. Мерцающий свет лампадки едва приметным образом освещал конуру и, бросая лучи свои на крепко спавшего с разинутым ртом негра, производил какое-то неприятное впечатление: как уголь чёрное лицо его и белые коралловые зубы казались страшными.

— Переходя таким образом из одной конуры в другую, мы добрались до ворот и, заметив в них нашего вожатого Сампая, подошли к нему. Он говорил и, как казалось, довольно крупно, с каким-то португальцем. Ничего не понимая, но со вниманием слушая, вышли мы с ним за ворота, с удивлением поглядывая на Сампая, который от горячего спора перешёл к покорности и поминутно приподнимал с головы шляпу, как будто о чём-то упрашивая. Раздражённый португалец ничего не слушал, заглушая слова его своим криком. Наконец, обратившись к S*** и ко мне, — смиренно стоявших подле Сампая, — указал нам ретираду, топнув к довершению ногою. Это показалось нам слишком оскорбительным, почему мы и ответили ему несколькими фразами, которых, к сожалению, он не понял. Между тем Сампай продолжал следовать за ним, учащая свою вежливость: это подало нам повод к подозрению.

— Переговорив с S***, я спросил наконец Сампая, что так-как танца, по-видимому, не будет, так не известить ли G*** и P***?

«Да, да, скажите им; танца не будет!» — вот слова, которые я получил от него в ответ. Голос его изменился, лицо побледнело.

— Что бы это значило? — спросил я S***?

— Кто его знает!.. что-то струсил — говорил мне S****. — Подожди, я схожу к G*** и P***: надобно же им сказать, — продолжал он.

S*** отправился к воротам, а я стоял в недоумении, не понимая причин этой перемены в весельчаке Сампае, и невольно обернулся, чтоб на него взглянуть. К удивлению, однако ж, увидел, что он направлял стопы восвояси; на оклик мой: «monsieur Сампай!» не было ответа.

— Что это вы! сумасшедшие! — закричал вдруг плачевным голосом S***. Я обернулся, и что же?!.. Двое негров, вооружённые исправными ча-стоколинами, пробовали силу своих ударов на ногах несчастного S***. Я было хотел подойти... заступиться... как вдруг из-под ворот послышался крик P*** и рёв G***, сопровождаемые свистом, гиканьем и гамом. G*** и P*** опрометью бежали из-под ворот, и сотня негров погоняли их увесистыми ударами дубин, подбрасывая под ноги длинные жерди. Увидев в первый раз в жизни подобную атаку и невозможность заступиться, я нехотя должен был обратиться в бегство. Как я бежал — вы это легко себе можете вообразить; довольно сказать, что я опрокинул негра, который бежал со мною одним галсом, с огромною вязанкою дров на голове; мне пришло в голову, что эта вязанка непременно обрушится на меня, и тем, быть может, лишит жизни вашего покорнейшего рассказчика.

Мисс Элиза расхохоталась. «Забавно, мистер Медокс, говорила она ему, смеясь, что вам пришла в голову такая идея: нужно быть великаном, колоссом Родосским, чтоб опрокинуть вязанку дров вам на голову!

— Вы совершенно правы, мисс; но если я позволил себе подобную трогательную фразу, то это собственно из желания заставить вас пожалеть обо мне.

— Напрасный труд! — заметила мисс Элиза и замолчала. Медокс, поклонившись, продолжал рассказ свой.

— Несмотря однако на моё быстрое отступление, я был всё-таки в критических обстоятельствах: впереди меня бежал Сампай, которого двое негров также погоняли, — а сзади остальные спутники наши, с многочисленною свитою. Не постигая причин такого радушного приёма, я полагал, что взбеленившиеся негры намерены убить нас. Теперь, когда вспомню про эту баталию, мне смешно, но тогда, во время действия, мне было, признаться, не до смеха. К моему счастью, Сампай, старавшийся перебежать через мостик незначительной речки, который состоял из двух длинных досок, положенных концами на козлы, — с него свалился, и увлёк за собою неистовых негров. Подбежав в это время к

мостику, я со всего размаха на него разбежался, и благополучию перелетел на одной ноге, хотя и принял диагональное положение. Таким случайным образом спасся я от жестоких и бесчеловечных побоев дубинами!..

— Достигнув дома, в котором была гостиница, я забежал в один из первых попавшихся магазинов, и в испуге спрятался за набросанный в углу хлам: до такой степени овладело мною чувство самосохранения; я полагал наверное, что нас хотят убить.

— Немного спустя, G***, P*** и S*** очутились в этом же магазине. Народ сбежался... стали за нас заступаться; но остервенившиеся негры ворвались в лавку, и один из них, нарядившийся для танца, отпустил последний удар дубиной по лбу G***. Этим окончилась битва: с трудом выгнали негров из магазина.

— Более всех пострадал P***. Голова его в двух местах и немного выше левого виска была рассечена; из ран кровь бежала ручьём. Кроме того ноги, руки... словом решительно весь он был избит!.. Я остриг ему в разбитых местах волосы и прикладывал уксус; это несколько остановило течение крови, которое при сделавшейся с ним рвоте, по временам однако же усиливалось.

— G*** ходил по магазину большими шагами, стараясь выведать от кого-нибудь причину нашего неожиданного бедствия; но к великой его досаде никто не говорил ни по-английски, ни по-французски, а от Сампая нельзя было добиться ни слова: он сильно спорил с предводителем войска. Когда я спросил G***, как он себя чувствует, он показал мне свои избитые руки и рубец в пальца полтора шириною, налившийся кровью.

— S*** был бледен как полотно: его тоже мутило. На спинке белой куртки его виднелись следы перекрёстных ударов грязных палок: по ним легко можно было судить о состоянии его спины.

— Весельчаку нашему Сампаю также порядочно досталось, но он про это забыл в горячем споре.

— Итак, один я удалился цел и невредим с поля сражения, но похождения наши этим ещё не кончились. Нас вскоре отправили во взятые нами номера гостиницы и окружили дом, окна и двери стражей, которую составляли на этот раз оборванные, грязные, вооружённые дубинами негры.

— P*** уложил я на кровать; вытер ему ноги и руки кашачей, и прикладывал уксус к ранам на голове до тех пор, пока течение крови не унялось совершенно.

— Слух о происшедшей битве скоро облетел всех жителей порта-де-Сампайо, и только один из них принял живейшее участие в нашем положении. Он не замедлил к нам явиться с изъявлением готовности быть нам полезным и, зная немного медицину, счёл необходимо-нужным пустить Р*** кровь; ланцет был при нём, и он тут же выцедил из него до 2-х чашек крови. На другой день приезжал к нам доктор, и не только одобрил его пособие, но счёл даже не лишним повторить приём.

— По словам сжалившегося над нами португальца, наш посланник был вблизи Сампайо; это подало нам повод обратиться к его защите. Не теряя времени, написал я ему донесение о случившемся и, запечатав, передал услужливому португальцу для доставления посланнику. Вскоре он удалился, обещая по возможности в тот же вечер исполнить поручение.

— Скажите, за что это нас так отподчивали? — спросил S*** вошедшего Сампая.

— За то, что вас считают не американцами, а англичанами. — был его ответ.

— Как англичанами?! — спросили мы в один голос.

— Да так же, — продолжал Сампай. — разве вы не слышали, как вся толпа кричала нам вслед: Mata os Ingrezes (Бейте англичан)?..

— До того ли мне было! — говорил G***, потирая слегка лоб. — Впрочем может быть, и слышал, да не понял.

Сампай объяснил нам фразу; мы расхохотались.

— Так это англичане виновники нашего бедствия?!.. Да как же вы не могли их уверить, что мы американцы? — говорил G***, обращаясь к Сампаю.

— Помилуйте, monsieur G***, — продолжал Сампай. — Мало ли я его уверял; но он ни за что верить не хотел: обрадовался, вероятно, случаю, отплатить англичанам: вы ведь знаете, что он находился у них на блокшиве?

— Положим, что так; но неужели он был поэтому вправе распорядиться таким образом безнаказанно?

— Я вам ещё не высказал всего, monsieur G***, — говорил Сампай. — Он полагал также, это уже раз и было, что вы англичане, и пришли возмутить его негров под предлогом, будто желаете посмотреть танец. Вот поэтому-то он и велел выгнать нас со двора.

— Так только выгнать? К чему же им было провожать нас так усердно?

— Тут кто-то из нас заметил, что это случилось вероятно из любви к англичанам.

— Вот как провели мы этот вечер. Утром, проснувшись, мы просили Сампая похлопотать о нашем освобождении, и он вскоре принёс нам весточку о решении мирового судьи, что мы не виновны, почему и утешал нас скорым освобождением. К полдню явилась муниципальная стража из четырёх рядовых и одного унтер-офицера, которые заняли посты при выходах и окнах. В 3 часа объявили нам свободу, предлагая конвой для защиты от раздражённых негров, которые могли бы на нас напасть дорогой. Но это была одна хитрая увёртка. Р*** уложили осторожно в шлюпку (идти он не мог); Сампай ему сопутствовал. Конвой разделился на две части: на шлюпку назначили двух рядовых, а для нас оставили остальных с унтер-офицером. Таким образом отправились мы в путь.

— По уверениям Сампая, нас провожали до маленького городка Сан-Жоао-де-Итабораи (San Joaõ de Itaboraí), где мы получим полную свободу и лошадей для обратного пути, если не захотим ехать водою.

— Заметив, однако же, грубое обращение конвойных и кандалы в руках одного из них, мы легко могли догадаться о намерении, с которым даны нам конвойные для прохода. И действительно, унтер-офицер останавливал нас на пути, когда ему хотелось закурить сигару, выпить воды или в корчме кофе и наконец отдохнуть. Мы повиновались даже и тому, когда он хитрой мимикой нам пояснял, что мы слишком скоро идём. При беспрестанном отдохновении конвойных и нашем упрямстве — не садиться отдыхать, под конец ноги наши начали уже чувствовать усталость; солнце садилось. По расчёту времени, мы прошли уже более 7 миль (10 вёрст), а нас всё-таки гнали ещё вперёд, тогда как Сампай говорил, что до городка всего 2 мили. Это обстоятельство заставило нас узнать приблизительно, по захождению солнца, куда нас гонят: к Рио или от него. На поверку вышло, что мы от него удаляемся. Продолжая шествие наше ещё с час, мы стали подходить к Сан-Жоао-де-Итабораи: это было ровно в 6 часов.

— По мере приближения нашего к городу, толпа любопытных увеличивалась. Мальчишки бежали впереди и за нами, с изумлением поглядывая то на нас, то на ружья, которые нёс загребной негр с нашей шлюпки, Антонио; окна домов раскрывались; и старый и молодой высывались поглядеть на идущих под конвоем. По истине мы действительно походили на бродяг: брюки по пояс в грязи (встречаемые на пути лужи, мы, по приказанию конвойного унтер-офицера, проходили

прямо); куртки, испещрённые палочными ударами; запылившиеся, загоревшие, небритые лица; головы, повязанные платками вместо шляп, которые остались на поле сражения; в заключение отобранные ружья... конвой... словом всё вместе, вероятно, подавало повод к дурному о нас мнению, тогда как мы были совершенно невинны, и... что всего ужаснее... безжалостно избиты!..

— Вскоре конвойный унтер-офицер показал нам дорогу налево, и мы вышли на большую площадь, придерживаясь правой её стороне.

«Остановитесь!» — сказал нам унтер-офицер, приглашая нас войти в полицию. С грустными лицами приняли мы его предложение и с прискорбием вошли в солдатскую караульню, в которой по сторонам были двери с решётками, очевидно доказывавшие, что там арестантская. Полицеймейстер, указывая на них, толковал нам в утешение, что нас туда не посадят. Это раздражило вспыльчивого G***, который очень логически стал ему доказывать по-английски, что посадить нас в арестантские он не смеет. «Понимаешь ли ты?» — спросил его G*** в заключение.

— *Senhor, nao entende!*¹ — был ответ изумившегося полицмейстера, который, вероятно, не мог догадаться о причине его гнева.

Мы заняли небольшую скамью и, сказать правду, голодные, принялись за истребление сигар. Размышляя о нашем бедствии, и переносясь мыслью из одной крайности в другую, я чаще всего останавливался на том, что с нами будет и чем это кончится. Подобные умствования навели меня, наконец, на довольно дикую идею: что следовало бы нам делать, если б нас вздумали сечь?.. Согласитесь, что эти маневры слишком сбыточны в тамошних полициях?.. Противиться было бы глупо; следовательно, во всяком случае, оставалось только повиноваться, а град негритянского дубья не выходил у меня из головы: искоса поглядывал я на большие пучки розог, связанные концы которых наивно выглядывали из-под скамьи, на которой растянувшись лежал негр, перед нами только что приведённый за пьянство. Издалека, по окружавшей его атмосфере можно было заключить о причине, доставившей нам удовольствие быть в таком приятном обществе. Я объяснил G*** и S*** моё предположение; смеясь, одобрили они повиновение и подтвердили, что более ничего не оставалось бы делать, как лечь и..

---

¹ «Сударь, ничего не понимаю!»

— К этому времени полицмейстер предложил нам кофе: вероятно отпечатки страданий тела разогрели чувствительность его, за которую мы его благодарили и в душе, и мимикой.

— Приятные воспоминания прошедшего, доставляли нам случай похотать и, как говорят, от души. Этим приводили мы в недоумение всю стражу, которая, вероятно, не могла согласовать наш смех с обстоятельством, по которому мы содержались в полиции, почему естественно на нас смотрели, как на закоснелых злодеев.

— Этими воспоминаниями мы сокращали время нахождения нашего в полиции: ровно в 9 часов вечера принесли на носилках Р***, при виде которого, душа обмирала: он был жестоко избит и в опасном положении!.. И всё это могли сделать люди почти безнаказанно: вот правосудие!..

— Немного спустя явились исправник и мировой судья. Надобно было видеть испуг, так живо отразившийся на худощавых лицах их, когда Р*** объявил им, что мы американские офицеры с военного корвета, приехавшие в Порт-де-Сампайо собственно, для охоты, — были по приказанию тамошнего плантатора и заводчика — не помню его имени — прибиты дубинами и, как они могли видеть, почти до смерти.

— Господа! помилуйте, извините я ничего не знал: мне донесли, что приведены англичане... бунтовщики... — говорил исправник с видом большого участия. Мировой судья также изъявил своё соболезнование.

— Когда Р*** кончил подробности о случившемся с нами бедствии, мировой судья пригласил нас идти в гостиницу, которая была наискось полиции. Бросая последние презрительные взгляды на место нашего заточения, мы торжественно удалились из полиции.

— Опасное положение Р*** требовало немедленного пособия врача. По приглашению исправника явились к нам четыре доктора; результат их совещаний о Р*** был тот, что ему открыли третий раз кровь: можно вообразить себе, какие бесчеловечные побои достались на долю уважаемого Р***!

— Консилиуму было также поручено освидетельствование избитых спин: из них менее всех испещрённою оказалась спина Сампая; что, по настоящему, было несправедливо: ему, как нашему вожатому, — за которым мы были готовы следовать слепо, уверенные в его знании обычаев отчизны, — должно было достаться больше других. Впрочем, это всё-таки не может оправдать варварского поступка плантатора-португальца.

— Все показания наши касательно побоев были написаны на бумаге и скреплены мировым судьёй и исправником; доктора же, за общим подписанием, составили акт о степени искажения спин и прочего. Эти две бумаги были препровождены в суд, и по ним должен был последовать приговор о наказании нашего гостеприимного плантатора.

— Оставшись наедине, мы перешли в другую комнату, чтоб не тревожить Р***, ослабленного тремя кровопусканиями. Болтовня Сампая снова оживила разговор, и мы по-прежнему хохотали, припоминая с исторической точностью каждое смешное, занимательное положение в бою, — и, в заключение, фразу черномазых, исполненную презрения к англичанам. Поручив трактирщику вымыть к следующему дню «испачканные» куртки, мы с наслаждением погрузились в объятия Морфея.

— Приезжавший на другое утро доктор советовал Р*** остаться дня два в покое, обещая ему скорое выздоровление. Желание наше увидеться по возможности поскорее со своими, принудило нас оставить Р*** на попечение Сампая, который служил ему и толмачом и весёлым собеседником.

— К 4 часам пополудни привели нам 4-х лошадей по девяти тысяч рейсов за каждую (более 30 руб. асс.). После скромного обеда, простившись с Р*** и Сампаем, мы сели на коней, взяв в вожатые вашего доброго Антонио. Предосторожности ради мы зарядили ружья пулями и вооружённые, гарцуя на конях и лошадях, торжественно выехали из San João de Itaboraí. На городских часах пробило ровно 5.

— Высокого роста негр наш ехал впереди на маленьком лошаке, погоняя его длинным сучком каштанового дерева. Ружья, пороховницы и дробницы, перекинутые через плечо, стуча друг о друга, гармонически вторили бряцанью копыт четырёх коней. Солнце бросало последние потухающие лучи свои из-за деревьев на дорогу; но луна не покидала странников, освещая им извилистый путь в лесах благословенной Бразилии. Перед отъездом из Итаборай, нас напугали шайкой бродяг, скрывавшихся тогда по дороге к Рио. Это заставило нас быть осторожными и внимательными, но не помешало истинно дружному трио наших песен не раз раздаваться в этих вековых лесах, когда усталые, мы осаживали лошадей к лёгкой рыси. Иногда, правда, казалось, будто кто притаился в кустарнике... и чудилось, что видишь даже гранёный ствол винтовки, но на самом деле это была какая-нибудь ящерица, перебежавшая дорогу и заставившая храпеть коня; или светляк, переменявший место

своего ночлега. Впереди скакавший негр смешил нас, подчас, своей курьёзной позой на лошаке и с удивительной сметливостью понял наше желание выпить чаю и чего-нибудь поужинать. Вскоре остановились мы у небольшой корчмы, и трактирщик учтиво пригласил нас войти. Мы провели тут не более получаса, и поспешили далее. Наконец, после 8 часовой езды, в исходе 1-го часа ночи, достигли мы Сан-Доминго и остановились в одной из первых попавшихся гостиниц. Вскоре улеглись мы на покойные ложа, которых требовали избитые «ездой» члены наши. Я небольшой ездок и не охотник до верховой езды, а принуждён был тогда случайно проскакать с небольшим 34 мили (60 вёрст) в 8 часов. Вероятно, вы поверите, что я в неделю едва-едва поправился.

— На другой день явились мы на корвет, где со смехом, радостными восклицаниями и остротами встретили нас остальные офицеры. Появление наше было кстати; застольный кейф в кают-компани ещё продолжался, и мы ознаменовали его несколькими бутылками шампанского, распитого за здоровье побиенных!! В продолжение нескольких дней предметом общего разговора была наша поездка.

— Через два дня привезли на шлюпке Р***, который при попечениях нашего искусного и заботливого доктора недели в полторы совершенно поправился. Дерзкого португальца, бразильское правительство присудило к каторжной работе.

— После этой поездки в Сампайо мы простояли на рейде ещё два месяца, но подобного случая с нами, к счастью, больше не было, и мы провели это время с истинным наслаждением, оставившим о себе навсегда много-много приятных воспоминаний!

С этим словом мистер Медокс страстно взглянул на мисс Элизу; поблагодарив её за снисходительное внимание к рассказу, встал, простился с нами и торопясь ушёл на шлюпку: час был 11 в исходе.

— Смотрите, — смеясь, заметила мисс Элиза, уходя в другую комнату и обращаясь к нам, — чтоб с вами не повторился подобный же случай: вы тоже большие охотники. — И она погрозила нам пухленькою ручкою.

— Нет, мисс, — с поспешностью отвечал Т*** — рассказ Медокса «отбил» у нас охоту; покорно вас благодарю за предостережение.

Подобные неприятные случаи в Бразилии не редкость; они бывали и с англичанами, и французами; зато последние сами распорядились своёволью, и вооружённой рукою отплатили дерзновенным!.. Это были, как я слышал, офицеры с какого то французского фрегата.

Толков-то, толков было в палубе, когда наш капитан приказал исключить из счисления один день, оказавшийся у нас, сравнительно с береговым счётом времени, лишним, от обхода вокруг света к востоку. «Дивное дело», говорили между собою люди: «вряд ли мы насчитали один день», замечали другие и никак не могли понять, отчего на берегу считали воскресенье, тогда как у них, т. е. на транспорте, был по счёту понедельник. У нас был один матрос, по имени Парамонов, рулевой, удивительный философ. Он, например, интересовался теорией кораблевождения, выучился по расспросам вести приблизительное счисление нашему пути; знал, что градус экватора содержит в себе 60 итальянских миль, а к полюсам — макушкам, по его выражению, — величина градусов параллелей постепенно уменьшается, между тем как градус меридиана, или продольный, как говорил Парамонов, имеет всегда 60 миль. Он мог указать на небе созвездие Большой Медведицы, Ориона, Плеяд, Креста и другие, словом, слыл у наших людей *истошником*, матросы поговорили об этом «дивном деле», поговорили и под конец забыли. Парамонову же хотелось узнать досконально, отчего мы присчитали один день. «Солнышко, ваше благородие, кажись, так же по утрам восходило — говорил он кому-то из нас — грело, а потом закатывалось; на склянках ребята не зевали, да и нельзя было: изволили поверять; отчего же, например, мы ошиблись и присчитали круглый денёчек?» Видя такую любознательность в простолюдине, нельзя было оставить её без удовлетворения.

«Ошибиться мы не ошиблись, Парамоша, — заметил ему кто-то. — но это произошло вот от чего. Слушай. Солнышко, как ты знаешь, восходит на востоке; поэтому, по мере того как мы подвигались к востоку же, мы встречали его несколько ранее того времени, в которое увидели бы солнышко на прежнем месте, оставшемся у нас сзади, на западе. Таким образом, встречая его день ото дня ранее да ранее, сравнительно с местом нашего прежнего нахождения, мы обошли землю вокруг, то есть: прошли к востоку в течение полутора лет, 360 градусов экватора; а над этим расстоянием солнце бежит один день, который, очень понятно, должен был у нас оказаться лишним; сего дня причтём полчаса, да завтра час, — глядь: два-три часа и наверстали против того времени, которое считалось у людей, оставшихся от нас к западу и до которых солнышко ещё не доходило. Обойдя же землю вокруг, мы должны были присчитать ровнёхонько 24 часа, потому что шли на встречу солнышку и прошли полное расстояние, над которым оно пробегает в один день

времени. Полтора года тому назад мы были почти в этих же краях, по крайней мере невядалеке отсюда, и потом плывя да плывя к востоку и придя наконец на то же место, нехотя усчитали у себя круглый день, сравнительно с тем временем, разумеется, которое имели бы, если б не трогались с места, потому что шли навстречу течения солнца и определяли свой полдень по месту, на котором находились, а не по оставшемуся у нас к западу. Вот это от чего. Если б нам случилось обходить землю к западу вышло бы наоборот: вместо присчитанного, т. е. лишнего дня, оказался бы один потерянный. Понял-ли?

— Понять, *кажись*, понял, ваше благородие! — отвечал Парамонов, занимавший нас часто такими расспросами.

Между тем, ко времени отхода из Рио у нас не обошлось без сердечных проказ. Но кто мог подозревать, что эта романическая часть нашего приятного пребывания составит для нас, в последствии, одно из отраднейших и забавнейших воспоминаний нашего двухлетнего плавания? Действительно, в этих влюблённых проказах было много повествовательно-интересного; впрочем, это моя слабая струна, мой конёк в воспоминаниях о Бразилии, с которой воображение моё тесно связывает чудное для меня имя мисс Элизы. Объяснить дело не трудно: в юные годы воображение любит себя баловать мечтами, и легко, со всею силой и полнотою души предаётся восторженным порывам.

Конечно, к этому времени мы некоторым образом уже привыкли к рио-де-жанейрской жизни, но вначале нам сильно бросались в глаза счета, которые мы получали из магазинов при разных закупках. Например, в первых моих съездах на берег, я получил счёт из книжного магазина, в 57 тысяч — но разумеется, благодаря Бога, не рублей, а рейсов. Рейс — это мнимая монета. В нашу бытность, голландский червонец по тогдашнему курсу (который здесь очень изменчив) равнялся 3.400 рейсам; впрочем, принимая в соображение изменчивость курса, можно положить, что тринадцать рейсов равняются одной копейке серебром. Звонкой монеты здесь почти не видать в употреблении; в особенности серебра. Правительство выпускает без счёта и без основного капитала кипы ассигнаций, которые беспрестанно понижаются в цене.

Что мне сказать вообще о Рио-де-Жанейро, его окрестностях, рейде и прочем? В противоположность западному берегу залива, занятого, как мы видели, строениями большего города и его предместий, восточная часть берегов этой огромной бухты, пользуется милостивою сельского ландшафта, для которого, кажется, природа истощила все силы

свои, чтобы совершенно очаровать зрителя, восхищающегося с рейда этой дивной панорамой. Сан-Доминго и Прайя-Гранде — две деревни, не взирая на их обширность, — красуются в ароматической зелени, из-за которой там и сям мелькают беленькие строения, напоминающие опрятность, резко отличающую эти деревни от города. Капелла Божьей Матери, Покровительницы странников, сооружённая на горе, представляющей форму огромной груды камней, пересыпанных чернозёмом, на котором деятельностью тропического климата возникли пальмы, помранцы и бананы, среди ароматического цвета жасминов, тубероз и других, — придаёт этому виду особенность, какую-то рельефность. С рейда можно рассмотреть только колокольню и верхнюю часть стен капеллы, которая, так сказать, утопает в очаровательной зелени, резко обрисовываясь на лазурном небе, неомрачённом облаками. Таков вид, представляющийся с рейда на востоке. Обернувшись к западу взор ваш проскользнёт по нескольким островкам, напоминающим корзинки душистых цветов, и с изумлением остановится на деятельной суетливости множества коммерческих судов, мачты которых образуют собою лес, перепутанный паутиной снастей бегучего и стоячего такелажа. Над городскими строениями, издали кажущимися регулярными, возвышаются многие публичные здания, каковы например, медицинская школа, старая полуразвалившаяся церковь, архиепископский дом и монастырь *Сан-Бенуа*. Эту немую картину оживляет движение народа на городских площадях и в порту, свидетельствующее о деятельности торгового города, наружность которого многим приятнее внутренности.

С рейда видны также предместья *Глория* и *Ботафого*; в последнем живёт, по преимуществу, вся дипломатическая аристократия. Мы часто ходили туда пешочком, для прогулки, а иногда гарцевали и на конях. Впрочем, для гульбищ, по жестокой жаре, тут мало простора; есть правда, в городе сад, называемый *Passeio publico*, но он посещается только тамошними зеваками да праздношатающимися, и нашим братом, скромным моряком.

В самом Рио есть улицы, по которым решительно нельзя ходить по зловонию, распространённому в них продавцами свежей и солёной рыбы, большею частью неизвестной в Европе. В особенности рынок, находящийся около купеческой гавани, в высшей степени неприятен в этом отношении, хотя он и оживлён продажей фруктов, весьма вкусных и соблазнительных, криками попугаев, араар, какаду и других птиц, и визгом обезьян, маленьких и больших, уморительных и свирепых.

Городская езда невелика: чаще всего встречаются всадники, с огромными шпорами, и сежи, в роде кабриолета.

Кофейные дома и кондитерские усердно поддерживаются многочисленными посетителями, заходящими, по чрезвычайной жаре, прохладиться мороженым, лимонадом и шербетами, которые здесь замечательно разнообразны и очень недурно приготовлены. Лёд, необходимый для этого рода прохладительного, доставляется в Рио целыми грузами с Фолклендских островов, и, не смотря на то, мороженое и лимонады здесь не дороже петербургских цен.

Время, которое проводили на судне, проходило также довольно разнообразно и приятно. Мы видели здесь зачастую миражи, показывавшие нам, дном кверху, коммерческие суда, оставившие рейд Рио тому дней за пять, или более, то есть удалённые от нас на несколько десятков миль и плывшие при хорошем, ровном ветерке, между тем как у нас был или штиль, или маловетрие. Подобное явление там не редкость, и для человека, не видавшего его, имеет в себе много интересного.

Легкие йолы, скользившие по гладкой поверхности рейда с одного берега губы на другой, покрытые тентами с фестонами, занимали нас также, благодаря шалости молодых людей в них сидевших; здесь есть обычай забавляться «опрокидыванием шлюпок», в которых плывут. В полных костюмах, не снимая и шляп, беспечная молодёжь, подходя к берегу, перевернёт свою йолу и вплавь добирается до берега, между тем как гребцы-негры буксируют йолу, смеются, поют — и господа забавляются!

Катались мы также на шлюпках под парусами, осматривали иностранные военные суда, знакомились с моряками, бывали у них в гостях, с тем же радушием видели и принимали их у себя, — словом, вместо отдыха от занятий, наслаждались и, вполне, пользовались драгоценным временем.

Но вот, настало и время отхода. Транспорт был в совершенной готовности к отплытию и, расхаживая на канате, силился, по-видимому, отделить якорь от грунта. Здоровье людей заметно поправилось под влиянием благорастворённого воздуха, прекрасного климата и хорошей пищи, и 24 июня мы прочли приказание капитана: «к четырём часам утра, 26 числа, быть в совершенной готовности сняться с якоря».

На другой день я был на берегу и не один. Тосковалось что-то!.. Наконец собрался с духом, пробормотал: Good bless you!.. Farewell!.. зажмурился... и полетел на транспорт!

В назначенный день, в шестом часу утра, люди ходили усердно на брашпиль; дудки гудели; якорь лениво поднимался. Вдруг раздалось: *апанёр*, и вскоре за тем: *встал якорь* — и мы, при маловетрии из северо-восточной четверти стали медленно подвигаться к выходу в Океан. Обязательные командиры судов стоявших на рейде эскадр прислали нам множество шлюпок, с помощью которых, передав на них буксиры, мы подошли к траверсу Сахарной Головы. Здесь, отпустив присланные шлюпки и прося благодарить за внимание, подняли баркас в ростры и стали держать к юго-юго-востоку.

ГЛАВА II ПЛАВАНИЕ ОТ РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО ДО КРОНШТАДТА

Медленное удаление от берегов. Первая неделя плавания. Наши занятия. Плавание тропиками. Прощание с удовольствиями дальнего плавания. Прибытие в Портсмут. Приятное известие. Отплытие. Копенгагенский рейд. Свидание с земляками. Плавание Балтийским морем и Финским заливом. Прибытие на кронштадтский рейд. Заключение.

Не прошло двух-трёх часов, ветер стих и сделался мёртвый штиль. Мы отдали якорь, чтоб удержать место. В четыре часа пополудни подул, однако, тихий ветерок от юго-востока; мы подняли снова якорь и снова побежали к югу со скоростью $1\frac{1}{2}$ узлов. К солнечному закату ветерок разыгрался, а на другой день, к тому же времени, Сахарная Голова едва только виднелась в синеве тумана, державшегося над берегами. Мы находились от неё, в это время, в 40 итальянских милях. Курс был к юго-востоку; ровный брамсельный ветерок дул от восток-северо-востока, а ход увеличился до 5 узлов.

4 июля мы получили свежий юго-восточный пассат; он, усердно удаляя нас от берегов Бразилии, выветривал к тому же и сердечные бредни, зародившиеся во многих из нас при виде обворожительной американки.

Первая неделя плавания была как-то особенно монотонна. Новых предметов в виду не было, и мысль о скором свидании с родиной, поддерживаемая воспоминаниями о только что прекратившейся спокойной береговой жизни, невольно настраивала нас к задумчивости, рисуя воображению или прелести и блаженство отрадного свидания, или тя-

жёлую грусть, ожидавшую — быть может — кого-нибудь из нас на пороге семейного крова!.. Быстро полетит в эти минуты воображение, и как убийственно влияние его на душевное спокойствие человека!.. Но море — это самое радикальное лекарство от меланхолии: задумаешься, бывало, о своих; на сердце станет грустно, тяжело... вдруг: шквал с дождём и громом — и всё забыто! брам-фалы отдаются; брамсели крепят; виндзейлы убирают; люки покрывают чехлами; командуют: на марса-фалах стоять и держать круче — словом: хлопот — видано-невидано, не уберёшься бывало от такого нежданного посетителя! Уж до мечтаний ли тут, согласитесь, если вас к тому же ещё пробьёт дождём до последней нитки?! Улыбнёшься, осмотрев свою мокрую фигуру, и отсчитываешь склянки до приближающейся смены. Нет, право, другой раз досадно: только что переоделся в сухое платье, глядь: мокр как тюлень!..

Между тем мы входили в свою прежнюю колею: брали ежедневно высоты; вычисляли широту и долготу места; возились с календарями, логарифмами и секстантами: радовались приближению воскресенья, лакомившего нас вкусными кулебяками, герметически закупоренными супами, да жаркими; не гневались по будням на солонину и чёрствые сухари; забывали о ростбифах, котлетах в папильотках и подобных тому яствах; забавлялись на досуге с попугаями и арарами, и от души хохотали над проказами сметливых и забавных обезьян, которыми запаслись в Рио.

Юго-восточный пассат довёл нас до 3° северной широты. Проштителав здесь около суток, мы получили потом свежие юго-восточные ветры, которыми пробегали в сутки иногда более 130 миль, и прошли таким образом при проливных дождях всю между-пассатную полосу. В 14° северной широты получили северо-восточный пассат; наступившие штили прекратили его 4 августа, в широте 29°, отведя нас в долготу 56° западную от Гринвича. Тут наступил опять ряд штилей и тихих противных ветров, длившихся более трёх недель, так что свежий северо-западный ветер, которым дошли до мыса Лизард, мы получили не ранее 25 числа.

Таким образом, прощаясь с удовольствиями нашего дальнего плаванья, мы направлялись к родине, до ближайших берегов которой оставалось всего несколько дней пути. Как часто и как невольно я переносился мыслью к тому, что плыву, может быть, в последний раз в этих величественных водах. Чувство признательности за случай, которому я был

обязан назначением в столь интересное путешествие, было мне, разумеется, не чуждо; но по какой-то слабости человечества — не довольствоваться тем, что имеешь, и желать всегда более — я, говоря откровенно, сожалел, если не более, что нам не пришлось побывать в Соединённых Штатах, куда мысли мои были постоянно направлены и где я с необъяснимым желанием хотел бы провести несколько свободного времени в созерцании величественной природы...

Много дал бы я, если б хотя на миг мог пробудиться и встретить расцвет ясного дня в очаровательной долине Техаса, когда вся природа, как бы пробуждаясь, приветствует величественное светило мироздания. Что за великолепную картину встречает тогда глаз молчаливого наблюдателя! Необозримые поляны, тихие и спокойные, как в первый день творения, раскидываются перед ним в самой изысканной, роскошной перспективе, покрытой свежей и самой нежной зеленью, насыщенной в течение прохладной ночи животворящей росой, которая блестит при появлении палящего солнца сверкающими глазами очаровательницы, и потом, испаряясь, поднимается мало-помалу к своду неомрачённого небосклона, в виде лёгких прозрачных облаков!.. Какое одеревенелое чувство, когда человек наслаждается красотами такой Творческой силы, не пришло бы в эти минуты к безмолвному благоговению?!.. Блуждающие взоры самодовольно останавливаются на фантастических и уединённых зданиях, которые окружены или, вернее сказать, опутаны стелющимися растениями и виноградными лозами, смиренно любующимися в окна, а перед окнами ландшафт из океана трав, колыхающихся от лёгкого дуновения ветра, сливается вдали с синевой лазоревого неба. Прелесть этой картины увеличивается от присутствия кактусовых деревьев, тубероз и ненарушимой тишины всей окрестности, которая наконец пробуждается, сбрасывает ночной покров и является очам восторженного путешественника во всей своей девственной красе, неге и резвости!.. Но нет, напрасно мечтаю я о том, что в настоящее время не может осуществиться: транспорт быстро летит на спитгедский рейд и на палубе начался аврал...

Мы пришли в Портсмут Нидльским проходом утром 30 августа. Весь переход от Рио-де-Жанейро до прибытия к якорному месту состоял, следовательно, из 65-суточного плавания, которое, сравнительно с неудачными переходами нашими, можно назвать довольно счастливым.

Портсмутские продавцы, старые знакомцы, в числе которых проглядывала уморительная фигура Джона Коттлера, явились к нам поздравить с благополучным окончанием кругосветного плавания и сообщили приятную новость — прибытие в Россию огромного парохода-фрегата «Камчатка», купленного нашим Правительством, по заказу, в Нью-Йорке. Подобного парового гиганта до тех пор в нашем флоте ещё не было, и мы душевно радовались этому приобретению, видя в нём доказательство того милостивого внимания, которым благополучно царствующий Монарх наш награждает Свой флот, — это любимое, взлелеянное дитя Великого Петра, — распространяя его могущество при двух пределах обширного, благодатного, православного русского царства!

Семнадцатидневная стоянка на Спитгде была очень тосклива: мысли были заняты родиною, каждый жаждал нетерпеливо прибытия на Кронштадтский рейд, — а злодейский ветер не позволял нам выйти. Наконец, при ровном норд-норд-осте мы снялись 16 сентября с якоря; но только что вступили в Канал, как ветер стал постепенно свежеть и заходить так, что у Бичи-Геда он сделался уже от норд-оста. Это неприятное обстоятельство заставило нас воротиться в Портсмут, где благодаря тем же противным ветрам, мы простояли ещё трое суток. 20 числа снялись, однако, с якоря и, при медленной лавировке и незначительном выигрыше, вошли в Немецкое море по прошествии трёх суток¹, и плыли им ровно неделю. В ночи с 29 на 30 сентября вытерпели жестокий шторм от норд-веста. 1 октября спустились в Скагеррак, а на следующий день, во втором часу ночи, прошли Скагенский маяк; к полуночи мы стали на якорь на копенгагенском рейде.

Дня через три, часов в 10 вечера, пришёл из Христианзанда пароход-фрегат «Камчатка»; он был там по случаю печального обстоятельства: разбития линейного корабля «Ингерманланд». Торжество свидания моряков-земляков было оживлено выражением неподдельной радости. Новости и события, происшедшие во время нашего двухлетнего отсутствия из милой стороны, рассказывались нам далеко за полночь; иные хвалили испанские чурутас, другие манильские сигары, а мы, в свою очередь, от души радовались «жуковскому», от которого почти было отвыкли.

---

¹ В последние из них, т. е. 23 сентября, мы простояли на дуврском рейде на якоре, около 6 часов, за сильным противным течением.

Утром 8 октября оставили копенгагенский рейд; ветер был благоприятный, мы быстро удалялись от него к юго-востоку. Успешное плавание Балтийским морем и Финским заливом привело нас, по прошествии четырёх суток, на вид Сескара; здесь проштилевали около полу-суток, а *13 октября, в 10 часов вечера*, пришли благополучно на малый кронштадтский рейд. Раздалась последняя авральная команда: «отдай якорь!» и несколько бутылок шипучего было распито при обоюдных поздравлениях. Так кончили мы наше кругосветное плавание, совершённое в течение двух лет и пяти недель, из которых *четырнадцать с половиной месяцев* провели собственно под парусами.

Вот несколько страниц из дневника, ведённого мною в течение двух-летнего плавания вокруг света. «И летопись окончена моя!» — скажу я в заключение, припоминая слова бессмертного дедушки Крылова:

Всё видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил..
— А видел ли слона? Каков собой на взгляд?
Я чай, подумал ты, что гору встретил. —
«Да разве там он?» — Там. — «Ну, братец, виноват.
Слона-то я и не приметил».

ОБЪЯСНЕНИЕ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ, встречающихся в этом сочинении

Постройка всякого судна начинается с закладки **киля**, продольного бруса, служащего фундаментом или основой ему. В той же плоскости к килю приделывают дугообразное дерево, **фор-штевень**, которое образует носовую часть судна, и **ахтер-штевень**, прямое дерево, служащее основанием и укреплением **кормы**, при задней части судна; к ахтёр-штевню привешивается **руль**. Эти главные части (киль, фор-штевень и ахтер-штевень) составляют продольную связь судна, которое по длине своей разделяется поперечными плоскостями, перпендикулярными к килю и определяющими поперечную форму судна; это **шпангоуты** или судовые рёбра. Когда шпангоуты поставлены на места и противоположные концы некоторых из них связаны между собою **бимсами**, несколько

выпуклыми деревьями, их обносят **обшивкою**, толстыми досками, которые прикрепляют к шпангоутам, и щели между ними, **пазы**¹, тщательно проконопачивают; затем доканчивают наружную отделку судна и настилают на бимсы **палубу** (пол). С окончанием постройки **кузова** судна его спускают со **стапеля**² на воду и вводят в **док**, для обшивки подводной части выстроенного судна листовую медью. Одна часть дока или канала наполнена водою, а другая, отделённая от первой двойными воротами (шлюзами), представляет сухое, обшитое деревом или выложенное гранитом дно, хотя уровень воды в первой части на несколько саженей выше его. Чтобы ввести в док судно, для починки подводной его части или обшивки её медью, отворяют окно в воротах, и док малопомалу наполняется водою: когда уровень её в этом бассейне сравняется с горизонтом окружающей док воды, ворота открывают настежь и запирают со вводом в док судна. Тогда вода из бассейна выкачивается паровою машиною и, по мере уменьшения в доке воды, судно становится килем на утверждённые подставки, и удерживается в прямом положении подпорами с боков. Когда таким образом весь док выкачен до суха, приступают к работам, с окончанием которых наполняют док снова водою и тем же порядком выводят суда в гавань через канал.

Когда судно обшито медью и выведено из дока, его подводят под **кран**, особого рода большую машину, посредством которой вставляют и вынимают из судов мачты: **фок, грот и бизань мачты**, считая от носа судна. Краны устраиваются в гаванях у самой воды, чтобы суда могли свободно к ним подходить. С постановкой мачт приступают и к **вооружению**, т. е. к удлинению и оснащению их. Так как длины одного дерева недостаточно для вышины мачты, то кораблестроители придумали наставлять два, три, даже четыре дерева одно на другое для придания мачтам потребной вышины. С этою целью в некотором расстоянии от вершины прибивают к мачте два продольных и на них два или три поперечных бруса; потом накладывают сверх этих брусьев **такелаж**, т. е. снасти для укрепления мачты: спереди **штаг**, а с боков **ванты** и **фордуны**; ванты служат и для входа наверх. Остальные деревья, служащие продолжением первой части мачты, не называются уже мачтами, а но-

---

¹ Поперечная приставка конечностей двух дерев (как например при настилке палубы) называется уже не паз, а **стык**.

² Наклонная плоскость, на которой производится судостроение; она составляет с горизонтом воды $\frac{1}{2}$ дюйма уклона на один фут своей длины, которая всегда в полтора раза больше длины судна.

сят каждое своё название. Таким образом первое из них, выстреливаемое (высовываемое) в **эзельгофт**¹, называется **стенгой**, продолжением или наставкой которой служит **брам-стенга**, а далее **бом-брам-стенга**. Каждая из этих составных частей мачты носит по поперечному дереву, называемому **реем**. Первый рей снизу называется именем мачты (**фока-рей, грота-рей**), также как и парус к нему привязываемый (**фок, грот**). Вторым рей снизу называется **марса-реем**, а парус на нём **марсель**; над ним находится **брам-рей** с парусом **брамселем**; а ещё выше **бом-брам-рей** с парусом **бом-брамселем**. В том месте, где **шпор** стеньги (пята её) соединён с мачтою, устраивается род галереи: это **марс**. По краям марса проходят **стенг-ванты**, т. е. ванты вторых деревьев мачты или стенок; ванты брам-стенок называются **брам-ванты**, а бом-брам стенок — **бом-брам-ванты**. При шпоре брам-стенги марса не бывает, а есть только продольные и поперечные брусья или **салинг**, подобный которому при пяте бом-брам-стенги называется **бом-салинг**. Из таких частей состоят корабельные мачты, по названиям которых каждая из сих частей отдельно получает своё наименование. Таким образом третий рей снизу на грот-мачте называется **грот-брам-рей**, а парус на нём **грот-брамсель** и проч.; на фок-мачте слово «фок» относится только к нижнему рею и его парусу: **фока-рей**, парус **фок**; к остальным же частям употребляют слово «фор»: **фор-марса-рей, фор-марсель** (парус), **фор-бом-брам-рей, фор-бом-брамсель** (парус) и проч. Исключение в этом отношении представляет задняя или кормовая, бизань мачта. Название её не переходит ни на добавочные части её, ни на реи и заменяется придаточным «крюйс» **крюйс-стенга, крюисель** (марсель крюйс-стенги), **крюйс-брам-рей, крюйс-брамсель** и т. д., а нижний рей, на котором нет паруса, называется **бегин-рей**.

Кроме того, исчисленные мачты носят паруса, формою походящие на неправильные четырёхугольники (трапезоиды); они называются **триселя** и висят на реях, называемых **гафелями**. Гафель расположен не поперёк судна, как другие реи, а вдоль его, упираясь одним концом в заднюю или кормовую сторону мачты. Первые два триселя отличаются друг от друга названием мачт, при которых они устроены (фор-трисель, грот-трисель), а третий, находящийся при кормовой мачте, получает наименование не триселя, а **бизани**. Объёмом своим бизань больше фор

---

¹ Эзельгофтом называется окованный деревянный брус, который одним гнездом насаживается на **топ** мачты (вершина её), а в другое пропускает выстреливаемое дерево.

и грот-триселей; это делается потому, что назначение бизани состоит не столько в том, чтобы способствовать быстроте хода судна, сколько в уклонении кормы его под ветер, т. е. в действии, с помощью которого нос судна **приводится к ветру**. Шкотовый угол триселей стягивается (притягивается) **талями** (блоками) к борту, а бизани к ноку (оконечно-сти) **гика**, длинного толстого дерева, одним концом упирающегося в бизань-мачту, а другим выходящего за корму несколько далее гака борта. Когда бизань не стоит (не распущена), гик ставится прямо, и тот конец его, который находится на весу, опускают на **сэптор**¹ (железную или медную подставку), вделанный по середине гака-борта.

Все мачты судна с висящими на них реями и гафелями принимают на языке моряков название **рангоута**. К нему относится также и мачта, косвенно выдающаяся вперёд из судна: это **бушприт**²; продолжением его служит другое дерево, называемое **утлегарь**, а за ним следует **бом-утлегарь**. На бушприте (к которому идут штаги фок-мачты, а от него самого к водорезу или наружной части фор-штевня такие же штаги, называемые **ватер-штагами**) и утлегаре ставятся треугольные паруса: **кливера**, служащие к уклонению носа судна под ветер (т. е. от него). В некотором расстоянии от бушприта, по обеим его сторонам, выдаются из судна небольшие, надёжные четырёхгранные брусья, **кранболы**, которые служат для поднятия якорей от поверхности моря и укладки их на место, где они удерживаются небольшой железной цепью или **рустовом**. Здесь же, в носовой части судна находится в горизонтальном положении поперёк палубы толстое дерево, окованное **бугелями** (т.е. железными обручами), и имеющее по длине своей в разных местах окружности четырёхугольные отверстия для **вымбовок** (ганшпугов); это **брашпиль**, служащий для поднятия якорей «со дна до поверхности воды». Ось его утверждена в **битеньгах**, в двух крепких стойках, которых верхние части назначены для **крепления**³, привязывания за них толстых и других снастей (верёвок). Кроме брашпиля, для поднятия больших тяжестей находятся на судах **шпили**. По действию своему, эта машина тоже самое, что и брашпиль, только последний находится в горизонтальном положении, а шпиль стоит вертикально.

---

¹ Стекланные палубные люки, назначение которых пропускать свет и свежий воздух в каюты, в последнем случае поднимается на септора, т. е. на подставы.

² Около него, на **гальюне** (носовая часть судна вне фор-штевня), сберегаются **швабры** и **стирки** (судовые пеньковые мочалки, связанные в виде большой кисти), которыми обтирают палубу и стёкла.

³ Если понадобится связать два дерева вместе, то их кладут концами друг на друга и натуго обматывают верёвкой; такое связание называется **найтовом**, «положить найтов», «снайтовить».

На корме поперёк судна замечается колесо с рукоятками; это **штурвал**, обращением которого приводится в движение руль, а с тем вместе поворачивается и судно в ту или другую сторону. Для этого положен на штурвале в несколько **шлагов** (оборотов) **штур-трос** (толстая верёвка), который проходит под палубой у бортов судна сквозь блоки и концами своими прикрепляется (привязывается) с противоположных сторон к **румпелю** (или рукояти), укреплённому в **голове руля** (верхней его оконечности). Становясь от обращения штурвала с одной стороны короче, штур-трос приводит (притягивает) румпель к борту и таким образом поворачивает руль, а с ним вместе и само судно.

Вся верхняя палуба прорезана посредине тремя **люками**¹ (четырёхсторонними отверстиями), которые служат для сообщения с последующими палубами и наконец с **трюмом**², т. е. пространством от нижней палубы до корабельного дна. Первый люк (у фок-мачты) называется **фор-люк**, средний (у грот-мачты) **грот-люк**, а задний или кормовой (у бизань-мачты) **ахтер-люк**. Впереди, у фор-люка, помещается **камбуз**, или корабельная кухня. Всё пространство от кормы до носа судна разделяется названиями на части; **бак** (он делается иногда выше палубы) простирается впереди фок-мачты. **Шкафут** занимает пространство между фок и грот мачтами, а пройдя грот-мачту вступаем на **шканцы**, самое важное, самое официальное место на военных судах, где пребывают старшие и совершаются все торжественные обряды. От бизань-мачты до **гака-борта** (борт, окружающий корму и где утверждается **флагшток**, на котором поднимается флаг) всё пространство называется **ют**; он также делается иногда выше палубы. По бортам военных судов делаются **сетки** или места для **коек**, матросских постелей. Ежели бак и ют сделаны выше палубы, их окружают **поручнями** (перилами). Для стока и сгона воды с палубы наравне с нею просверлены в бортах судна большие дырья, называемые **шпигатами**. Между фок и грот-мачтами, или на шкафуте, устраиваются **ростры**, т. е. помещение для запасного рангоута, вёсел и т. п.

На языке моряков слово **корабль** исключительно принадлежит таким военным **судам** (это общее имя для всех палубных кораблей — и

---

¹ Они обделаны дубовыми деревьями, несколько возвышающимися от палубы; эти брусья называются **карлинцами**, в углах которых вделываются **стойки** (столбики) для поручней (перил).

² В трюме укладывают **балласт** (2-х и 4-х пудовые чугунные тяжести), служащие для придания судну должной **остойчивости** (т. е., так сказать, твёрдости на ногах). Сверх балласта размещают в один или два **лага** (яруса) **котлы**, чугунные четырёхугольные ящики, в которых сберегается пресная вода, не подвергаясь гниению, как это случается в бочках.

военных и коммерческих, какой бы величины они ни были), которые носят артиллерию на двух или трёх помостах, называемых **батарейнными палубами** или **деками**. Такие военные суда называются двух и трёх дечными «кораблями» и по величине своей разделяются на **ранги** (разряды), именно на сто, восьмидесятичетырех и семидесятичетырех пушечные. Корабли трёхдечные всегда стопушечные, иногда даже 120 пушек, но никогда менее; в числе же двухдечных кораблей встречаются и восьми и семидесятные. Все корабли называются **линейными**, потому что главное назначение их — сражаться в линии.

Второй разряд судов, составляющий важную часть **флота** (военных морских сил) называется **фрегатами**; они однодечные и носят от 24 до 56 пушечную артиллерию.

Военные суда третьего разряда называются **корветами** (а не корвёт-той); они без батарей: орудия размещены на них на верхней палубе и состоят из 22-х пушек или каронад. Все исчисленные три рода военных судов имеют три мачты, но отличаются друг от друга величиной своей, размещением, числом и калибром орудий.

Остальные же суда флота, по величине и значению их, следуют в таком порядке: **бриг, шхуна, люгер, голет, тендер** и **пакет-бот**. Бриг, по конструкции, несколько подобен корвету, но отличен от него вооружением: вместо трёх, на нём только две мачты; артиллерия же, 22-х пушечная, размещена как на корвете и на всех судах, ниже его рангом. Шхуна с артиллерией от 14 до 16 орудий, отличается от брига наклонными к корме мачтами (двумя). Голет разнствуует от брига в продолжении мачт и в парусности. Люгеры, с косыми парусами, вооружены тремя наклонными к корме мачтами (голыми, т. е. без реев, которые спускаются вместе с парусами), с особого рода оснасткой. Тендеры отличаются от других судов уже тем, что имеют только одну мачту. Пакет-боты во всём подобны тендерам в малом размере.

Кроме исчисленных военных судов «корабельного» флота, во время военных действий употребляются суда **гребного флота** и **транспортные**. Первые плавают в шкерах, реках и других извилистых и мелководных фарватерах, а вторые употребляются для перевозки провианта, орудий, морских команд, десанта и других потребностей. Суда гребного флота называются **канонерскими лодками**, а транспортные, смотря по величине, бывают корветного вооружения и ниже. Паровые суда или **пароходы** введены в состав военных морских сил в новейшее время; по

величине и роду вооружения они называются **пароход-корабль, пароход-фрегат, пароход-бриг, пароход-шхуна**.

Коммерческие суда, назначение которых торговля или перевозка товаров, разделяются на «мореходные» и «речные». В построении своём, те и другие очень разнообразны, в особенности последние, что зависит от глубины вод, по которым они плавают, и других местных обстоятельств. Коммерческие суда корветного вооружения называются моряками по оснастке их (т. е. купеческое судно корветного вооружения). Из числа этих больших судов отличен только один род: с голой бизань-мачтой (без реев, наподобие шхунской); такое трёхмачтовое судно называется **барк**. Другие роды коммерческих судов называются так же, как военные, смотря по вооружению их: бриг, шхуна, люгер и проч.

Есть ещё один род судов, по назначению своему не принадлежащий ни к одному из исчисленных; это **яхты**, суда, употребляемые любителями мореплавания и находящиеся в составе **яхт-клуба**, т. е. общества любителей мореплавания. Яхты вооружаются преимущественно шхунами, тендерами и люгерами; есть однако же и пароходы-яхты.

Палуба, в которой помещается команда военного судна, называется **жилою палубой**¹, а «общая» офицерская каюта **кают-компанией**. Кладовая, в которой хранится порох, называется **крюйт-камерой**. В ней рассыпается порох по **картузам** (зарядным мешочкам), которые укладываются в **кокоры** или деревянные футляры. Орудия корабельной артиллерии выглядывают из **портов** (амбразур), которые **задраиваются** (запираются) наглухо, когда судно находится в море во время крепкого ветра².

Теперь, стоя на палубе, взглянем вверх, на рангоут. Мы увидим над собою сеть **снастей** (верёвок), которые подобно паутине опутывают собою мачты и реи. Они все вместе называются общим именем **такелажа**, который разделяется на **стоячий** и **бегучий**. Первый назначен для удержания в надлежащем месте или направлении какой-либо части рангоута: он остаётся неподвижен и для предохранения от влияния сырости засмолен. Второй служит для приведения в движение оснастки и

---

¹ Она освещается **полубортами** (окнами), прорубленными в бортах судна.

² Когда судно вооружено и находится в полном грузу, линия, проведённая вокруг судна по точкам его соприкосновения с горизонтом воды называется **ватерлинией**.

потому проходит (продевается) в блоки, шкивы и т. д. и попеременно то **осаживается**¹ (вытягивается), то **травится** (отдаётся).

Трудно представить себе, чтобы можно было из всего этого множества снастей в случае надобности отыскать ту, которая необходима для произведения надлежащего действия, а между тем моряки придумали для каждой из них даже особое название. Таким образом снасти, служащие для поднятия на место реев, называются **фалами**: в горизонтальном направлении поддерживаются реи **топенантами**; обращение их вокруг мачт производится **брасами**, и действие такое называется **брасопить реи**. При отдаче парусов (распускании их) углы их осаживаются (натягиваются) к нижним реям **шкотами**, а для уборки парусов, т. е. подтягивания их обратно к своему рею, служат **гитовы** и **горденя**². К этим общим названиям, выражающим действие и назначение каждой снасти, придаётся в начале ещё название рея или паруса, на который они действуют, отчего и происходит то множество технических терминов, которые с первого взгляда кажутся столь непонятными для незнакомого с морскою службою. Таким образом каждая снасть получает на судне своё определённое имя и уже не может быть смешана ни с какою другою. Например: **потравить марса-фалы** означает такое действие, которым все марса-реи опускаются немного ниже той высоты, которую они до тех пор занимали; «потравить фор-марса-фал» относится уже к одному фор-марса-рею и т. д. Края парусов обшиваются толстыми или тонкими верёвками, смотря по величине паруса, и именуются **шкаторинами**, из которых наружная или боковая называется **ликовой**.

Когда вооружение приходит к концу, на судах мало-помалу всё приходит в порядок: мачты смело и гордо высятся над белою палубой, снасти вытягиваются как струны, а концы их укладываются в **бухты** (кружки) или ложатся на палубе красивыми узорами³. С окончанием работ суда вытягиваются на рейд посредством **завозов**: это **верп** (якорь малого размера) с привязанным к нему **перлинем** (толстая, надёжная верёвка 100 саженой длины), который бросается на расстояние длины завоза в море и за ходовой конец выбирают (тянут) или в ручную или

---

¹ Ежели люди осаживают какую-нибудь снасть и она поддается туго, медленно, то им приказывают «сосчитать», т. е. по третьему разу дёрнуть вдруг сильно. Повторение такого счёта при тяге снасти называется **треканьем**, «люди трекают».

² У рея паруса крепятся (обвязываются) **обносными сезнями** (плетёными пеньковыми лентами).

³ Свободный, т. е. незанятый, вольный конец всякой снасти называется общим именем **лопарь**.

«ходят» на шпиге. Перед тем отдают (отвязывают) **швартовы**¹, которыми судно удерживалось у стенки или пристани гавани и таким образом **верпуются** на рейд; если же судно выводится из гавани пароходом или на гребле шлюпками, то действие это называется **буксировкой**; тогда говорят, что судно буксируют, или оно идёт на буксире.

С выводом военного судна на рейд поднимают **флаг** и **вымпел**; первый — судовое знамя, второй означает присутствие командира и поднимается в таком виде только военными судами. Притянувшись или пробуксировавшись на место, становятся на якорь (отдают его); эта команда предупреждается словами: «**из бухты вон!**», что означает предостережение, чтобы люди, стоящие поблизости места действия, отошли далее от якорного **каната**, с отдачею которого его начнёт **сучить** (выбирать в море) со стремительной быстротой, и потому, задев человека, может его ушибить опасно, даже смертельно. Став на якорь², на бушприте поднимают **гюйс**: это флаг крепостной и право носить его получают только суда военные. С положением якоря откидывают **выстрелá**; к ним прикрепляют все судовые **шлюпки** (лодки) и говорят, что они «стоят на выстрелах». Самое большое гребное судно называется **баркас**; остальные суда или шлюпки называются по числу имеющих на них вёсел (десятка, восьмёрка, шестёрка, четвёрка, двойка), кроме капитанских **катера** (парадной шлюпки), **гички** или **вельбота** (длинных, узких, особенно быстрых на ходу шлюпок). Скамьи в них называются **банками**, а багры — **крючьями** (крюк). Несколько-лапные якоря, употребляемые на шлюпках, называются **дреками**, почему и говорят: «поставить катер на дрек», т. е. на якорь. На шлюпках употребляют паруса разного покроя, по роду устройства которых называются **шпринтовыми**, **рейковыми**, **латинскими**; последние поднимаются на короткой мачте и по форме походят на прямоугольные сферические треугольники, вертикальный катет которых по крайней мере втрое больше горизонтального, идущего по борту шлюпки.

Для всхода из шлюпок на палубу судов служат **трапы** (лестницы); они ставятся (навешиваются) около середины бортов с обеих сторон³ судна: правый, почётный или **парадный трап** отделан удобнее; к нему

---

¹ Толстые **тросы** (верёвки), служащие для удержания судна у пристани, в таком случае называются «швартовами».

² Якорь с правой стороны называется **дагликс**, а с левой — **плехт**.

³ Если смотреть на судно с кормы, то направо будет **правая сторона**, или борт, а налево **левая сторона**, или борт; поэтому различают и снасти одного и того же предмета, на пример: «марса-брас на правой», или «фор-марса-шкот на левой».

могут приставать (причаливать) только командиры судов, вообще штаб-офицеры и лица, равные или старшие капитана того судна; младшие же чины как равно экипаж судна пристают со шлюпками к **левому трапу**. Если волнение велико и шлюпкам опасно приставать к борту, от ударов о который они могут разбиться, с кормы опускают висячий или **шторм-трап**; он же вывешивается, если парадный трап не устроен или не поставлен на место. Когда судно тянется на рейд, тогда весь экипаж его бывает в действии; такие работы называются **авральными**.

Одновременно с выходом на рейд, перед штурвалом помещается небольшой ящик, который не убирается до тех пор, пока судно не войдёт снова в гавань, т. е. с окончанием своего плавания. Это **нактоуз**; в нём хранится **компас**, по которому мореплаватели избирают то или другое направление, для достижения того или другого порта. Компас состоит из небольшой коробки, в которой под стеклянным колпаком свободно обращается на шпильке стальная намагниченная пластинка или стрелка; к ней прикреплён круглый листок слюды с наклеенною сверху бумажкой, которой окружность разделена на 32 части или **румба**. Поэтому и произошло выражение «держат на румбе» т. е. на том направлении, по которому судну надлежит следовать. Ежели рулевой правит дурно, т. е. позволяет судну бросаться то в ту, то в другую сторону, тогда говорят, что «рулевой **рыщет**».

Для измерения времени моряки употребляют песочные часы или **склянки**. Они состоят из двух совершенно равных стеклянных сосудов, конической формы, соединённых вершинами. В одном из оснований конусов, или сосудов, находится отверстие, служащее для насыпания песка и затыкающееся втулкою или пробкою. В это отверстие насыпают ровного, хорошо выжаренного песка столько, сколько в продолжение данного времени может пересыпаться из одного сосуда в другой. Склянки рассчитываются на 4, 2 и 1 часа, и кроме того 1, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ минуты. Первые употребляются для измерения времени, вторые для измерения скорости хода судна. Четыре часа составляют продолжительность ночной **вахты** (дежурства), а дневные вахты рассчитываются на шесть часов; первых, начиная от полуночи, три; вторых, считая от полудня, две. Поэтому, если кто-нибудь скажет: «я стоял на вахте (т. е. был в дежурстве) с пятого (часа)», значит, что он провёл на службе время от 4 до 8 часов утра, потому что дневные вахты начинаются или от полудня, или с шести часов вечера. Колокол бьёт каждые полчаса по одному удару; стало быть по истечении 4-х часов (или восьми получасовых склянок)

часовой пробыёт *восемь* раз. Так как измерение времени происходит получасовыми склянками, а двух и четырёхчасовые служат только по-веркой первым, то время известно всегда с достаточной точностью до $\frac{1}{8}$ часа (о чём легко заключить по пересыпавшемуся количеству песка получасовой склянки) и считается не часами, а **склянками**. Итак, если, например, утром после 8 часов спросят: «которая склянка?» (который час) и получат в ответ, «шестая», значит, что пять получасов от 8 часов прошло, а идёт шестой, т. е. вторая половина 11-го часа.

Для измерений скорости хода судна употребляют секундные склянки в 30" и 15" (смотря по быстроте хода) и особого рода инструмент, называемый **лаг**. Он состоит из деревянной **вьюшки**, на которой намотан тоненький несмолёный **линь** (бечёвка), разделённый на расстояния, пропорциональные продолжительности времени, употребляемого на **измерение хода**. 30 секунд составляют $\frac{1}{120}$ часть часа, а 50.7 фута равны $\frac{1}{120}$ части морской или итальянской мили. Итак, если в 30 секунд судно подвигается вперёд, положим, на 50.7 фута, не выйдет ли, что часовая быстрота его хода равняется одной итальянской миле? На этом-то основании заключается всё устройство лага. Но для такого измерения, как видно, необходима на некоторое время неподвижная точка на море. Брошенный с судна кусок дерева, по форме прямоугольный сектор, к вершине которого прикреплен линь лага, представляет в этом случае неподвижную точку на море. От вершины сектора отмеривается на лине расстояние, равное длине судна, и кладётся марка. От этой марки начинают измеривать линь на равные $\frac{1}{120}$ части итальянской мили. По измерению его таким образом через каждые 50.7 фута всплескиваются (ввиваются) кончики верёвок с узелками, почему и расстояния называются **узлами**. По этому, если в 30 секунд лаг-линия высучило, положим, девять расстояний или узлов, говорят, что судно бежит по 9-ти узлов (т. е. миль) в час.

Для измерений глубин моря употребляют свинцовую гирю с линём, многим толще лаг-линя. Этот инструмент называется **лот**, и бывает ручной (лёгкий, для бросания на небольших глубинах) и **дип-лот**, употребляемый для значительных глубин, не свыше, однако же, ста сажени. Линь этих лотов (лот-линь, дип-лот-линь) разбит марками на сажени, так что в то время, когда гиря их дойдёт до дна, по марке на лине можно прямо заключить о глубине моря.

Для определения места судна на море в виду берегов прибегают к средствам тригонометрическим; для того служит компас с мишенями,

называемый «пель-компас»», потому что им **берут пеленги**. Брать пеленги — значит усмотреть по компасу, на какие румбы видны с судна отличительные предметы (каковы башни, маяки, мысы и проч.), означенные на карте. От пеленгованных предметов проводят на карте линии, соответствующие, относительно меридиана, румбам противоположным тем, на которые были усмотрены или пеленгованы предметы (т. е. если предмет пеленгован, положим, на восток, то от предмета надо провести на карте линию, параллельную направлению к западу); тогда в пересечении этих линий или обратных пеленгов определится точка, соответствующая месту нахождения судна на море. Зная же постоянно место своё на карте, можно безопасно проходить мели и подводные камни и таким образом проводить суда из одного порта в другой. На морских картах означены все **риффы** (отмели, выдающиеся от берегов в море), мели, подводные камни и вообще все опасности. Кроме того, в виде приложений к ним издаются правительствами статистические описания окружающих берегов с наставлениями для входа в различные порты и плавания около берегов и вдали от них. Эти описания называются **лоциями**. В открытом море, где не видать берегов, для определения места судна на карте прибегают к средствам астрономическим; для сего служит **секстант**, угломерный инструмент, которым измеряют или высоту светил небесных, или расстояния между ними, и по ним уже вычисляют с помощью таблиц и логарифмов широту и долготу места.

Пока судно стоит на якоре, тщательно наблюдают, чтобы рангоут со стеньгами, брам- и бом-брам-стенгами высились бы прямо, стройно, а реи были бы совершенно параллельны между собою в горизонтальном положении (т. е. верны на топенантах) и не перекошены на брасах, т. е. пересекались бы продольной плоскостью судна под прямыми углами. В противном случае, ежели реи неверны на брасах и топенанты подтянуты в беспорядке с одного нока (конца рея) больше, чем с другого, моряки говорят, что **реи стоят козлом**, как по большей части это бывает на купеческих судах, на которых наблюдать за такою щеголеватостью некогда и реи часто брасопяты для подъёма на них различных тяжестей груза, который оно принимает или выгружает.

Перейдём теперь к тому времени, когда судно снимается с якоря и вступает под паруса¹. Ежели ветер дует попутный, т. е. совершенно с

---

¹ С уходом в море судовые шлюпки поднимаются на кормовые **боканцы** и бортовые **шлюп-балки** (железные балки, на которых висят шлюпки), а выстрела убираются вдоль борта.

кормы, то про такое положение судна говорят, что оно идёт на **фордевинд**; тогда кроме всех парусов ставят (распускают) ещё и добавочные, поднимаемые с боков и называемые **лиселями**. Когда ветер станет уклоняться в которую-нибудь сторону, моряки говорят, что он заходит, а про судно — что оно идёт в **бакштаг**¹; если направление ветра с килем судна составляет прямой угол, то судно идёт в **полветра** или **галфвинд**. При таком положении **лиселя убираются** (спускаются) и реи значительно противу прежнего брасуются (при фордевинде они стоят прямо, поперёк судна). Та сторона судна, с которой дует ветер, называется **наветренная**, а противоположная ей **подветренной**; точно также называются и части палубы и борта, на пример: наветренная сторона юта, подветренные шканцы, наветренный борт и проч. При таком ветре положение судна бывает всегда несколько **накрённое** (наклонённое на подветренную сторону), смотря по силе ветра, по которой **несут и паруса** (держат их распущенными). Если сила ветра позволяет нести бом-брамсели, моряки говорят, что **ветер бом-брамсельный**; ежели сила ветра заставляет их убрать, чтоб не потерять (сломить) бом-брамстенги, на которой он ставится (поднимается), и позволяет нести брамсели, говорят «ветер дует (ровный или порывистый) **брамсельный**. Точно таким образом сила ветра определяется выражениями **марсельный, риф-марсельный, риф-марсельный** в четыре рифа и проч. Надо заметить, что для уменьшения площади марселей на этих парусах нашито в некотором расстоянии друг от друга четыре параллельных ряда **риф-сезней** (верёвок, около аршина длиной), которыми парус укорачивается в длину настолько, сколько того потребует увеличивающаяся сила ветра. Этот манёвр называется **брать рифы** у марселей (у фока и грота берут также рифы). Ежели ветер зайдёт ещё более, так что «сгоняет» даже с румба, чтобы держать паруса наполненными (ветром), то положение такое называется **бейдевиндом**, «судно идёт в бейдевинд, правым или левым галсом»². Если при таком положении судно приближается к опасности, которой ему не миновать при этом курсе (направлении) благополучно, потому что ветром и волнением его прижимает (наносит) к нему, положим, рифу или подводному камню, то в таком случае поворачивают «против ветра на другой галс»; такой манёвр

---

¹ Когда направление ветра с килем судна составляет угол в 135°. т. е. тупой.

² Ежели судно идёт в бейдевинд, галфвинд или бакштаг при ветре с левой его стороны, то говорят, что оно идёт «**левым галсом**»; в противном случае обратно.

называется поворотом через **оверштаг**, а сделанный «по ветру» — поворот через **фордевинд**. Повороты с одного галса на другой, если они делаются часто, вообще называются **лавировкой**. Во время лавировки держат по возможности круто (близко к ветру), чему много содействуют **буленя**, снасти, проведённые от наветренной ликовой шкаторины парусов вперёд, где их туго вытягивают; это приспособление даёт возможность ветру удобнее забираться в паруса. При полном (попутном) ветре¹ буленя **раздёргиваются**, т. е. отпускаются слабо, не натягиваются. Ежели судну понадобится остановиться в море на одном месте, не отдавая якоря, тогда **ложатся в дрейф**. Лечь в дрейф означает: остановиться под парусами; это достигается таким расположением парусов, что одни заставляют судно двигаться вперёд, а другие на столько же назад (**обстенить** паруса, **положить марсель на стеньгу**).

Когда два судна встречаются параллельными противоположными курсами, то говорят, что они идут **контргалсами**², т. е. противоположными галсами. Когда из бейдевинда ветер постепенно делается попутнее, говорят, что он **отходит**. Ежели сделается совершенное затишье, а его называют словом **штиль**, суда при таком безветренном состоянии — **штилюющими** или **заштилевавшими**³.

OCR и перевод в современную орфографию — А.В. Дуглас, 2025 г.

---

¹ Ежели при полном ветре вдруг понадобится держать круче к нему, употребляется выражение: «**привести в бейдевинд** на такой-то галс» или «**держат круче**».

² Ежели судно следует за другим по одной линии, то в таком случае говорят, что второе или заднее судно идёт или держит первому в **кильватер**.

³ Ежели ветер начинает постепенно усиливаться, тогда говорят, что ветер **свежеет**, т. е. не делается «холоднее», как это могут понять не-моряки, а сильнее, могучее. Свежие ветры вообще называют крепкими, самыми крепкими, штормами, ураганами: это максимум свежести ветра.

